

Учредители:
Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:
Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**
Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК**

Главный редактор:
д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:
д.г.н. Стрелецкий В.Н. (Москва)
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

Редакционный совет:
Акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф. Вишневецкий А.Г. (Москва); д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); д.г.н., проф. Зубаревич Н.В. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); член-корр. РАН, д.э.н., проф. Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); проф. Мерфи А. (США); проф. Питт Ж-Р. (Франция); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь)

Редакционная коллегия:
к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); д.г.н., проф. Бабурин В.Л. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.э.н., проф. Климанов В.В. (Москва); д.э.н., проф. Кузнецова О.В. (Москва); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н. Тархов С.А. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н. Тревиш А.И. (Москва); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград); д.г.н., проф. Шупер В.А. (Москва)

Ученый секретарь редколлегии:
к.г.н. Яськова Т.И.

Адрес редакции:
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region_issled@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год**

№ 3 (53), 2016

Подписано в печать 14.09.2016
Формат 70x108¹/₁₆. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

Отпечатано:
ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

region_issled@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Колонка главного редактора	4
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL STUDIES	
Ткаченко А.А., Фомкина А.А. География сферы обслуживания и география сектора услуг: пройденный путь, состояние, перспективы	5
<i>Tkachenko A.A., Fomkina A.A. The geography of the service sector: the passed way, the current situation and prospects</i>	
Гречко Е.А., Пилька М.Э., Слука Н.А. Корпоративный подход в исследовании глобальных городов	13
<i>Grechko E.A., Pilka M.E., Sluka N.A. Corporate approach in global cities research</i>	
МЕТОДИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ METHODS OF REGIONAL RESEARCH	
Мядзелец А.В., Черкашин А.К. Пространственные и временные индикаторы для сравнения условий развития экономики регионов России	22
<i>Myadzelets A.V., Cherkashin A.K. Spatial and temporal indicators to compare the conditions for developing the economy of Russian regions</i>	
Окунев И.Ю. Типология столиц и коэффициент столичности государства	32
<i>Okunev I.Yu. Capitals' typology and index of capitalness</i>	
Орлова И.В. Дифференциация сибирских регионов по уровню агроэкономического потенциала и интенсивности аграрного развития	40
<i>Orlova I.V. Differentiation of siberian regions by economic potential and intensity of agricultural development</i>	
Заяц Д.В. Проблемы оценки природно-ресурсного потенциала России и его места в мировых рейтингах	50
<i>Zayats D.V. Problems of assessment of natural resource potential of Russia and its place in the world rankings</i>	
Розанова Н.Н. Репутационные характеристики региональной власти (на примере Смоленской области)	57
<i>Rozanova N.N. Reputational characteristics of the regional power (on the example of Smolensk region)</i>	
УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ URBANISATION AND URBAN GEOGRAPHY	
Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов	71
<i>Makhrova A.G., Kirillov P.L., Bochkarev A.N. Labour commuting in Moscow metropolitan area: evaluation of flows using data from mobile network operators</i>	
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИМОЛОГИЯ И РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ GEOGRAPICAL LIMOLOGY AND BORDER AREAS DEVELOPMENT	
Колосов В.А. Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России?	83
<i>Kolosov V.A. Cross-border regionalisation and commuters: european experience for Russia?</i>	
Зайцева Н.А., Корнеевец В.С., Кропинова Е.Г., Кузнецова Т.Ю., Семенова Л.В. Влияние приграничных передвижений и обменов на диверсификацию экономики регионов трансграничного сотрудничества (на примере российско-польского приграничья)	94
<i>Zaitseva N.A., Korneevets V.S., Kropinova E.G., Kuznetsova T.Yu., Semenova L.V. Effect of cross-border movements and exchanges on the economic diversification of the cross-border cooperation regions (case for the Russian-Polish borderlands)</i>	

Катровский А.П., Ковалев Ю.П., Мажар Л.Ю., Сергутина С.А., Шеломенцева М.В., Ридевский Г.В. Демографическая ситуация как индикатор и фактор развития российско-белорусского приграничья	102
Katrovsky A.P., Kovalev Yu.P., Mazhar L.Y., Sergutina S.A., Shelomentseva M.V., Ridevsky G.V. The demographic situation as an indicator and factor of the development of the Russian-Belarusian border area	
Михайлова Е.В. Эндогенные проблемы приграничного сотрудничества «городов-близнецов»	109
Mikhailova E.V. Endogenous challenges for cross-border cooperation between "twin-cities"	
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО И ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF REGIONAL AND URBAN DEVELOPMENT	
Лопатников Д.Л. Геоэкология постиндустриального времени	118
Lopatnikov D.L. Geoecology of postindustrial time	
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF WORLD ECONOMY	
Ткаченко Т.Х., Сафонов С.А. Новая парадигма развития мировой промышленности и приоритетные направления географических исследований	125
Safonov S.A., Tkachenko T. Kh. The new paradigm of the global industry development and priority areas of geographical research	
Федорченко А.В. Воздействие процессов глобализации и регионализации на территориальную организацию некоторых отраслей обрабатывающей промышленности	133
Fedorchenko A.V. The impacts of globalization and regionalization on territorial organization of some branches of manufacturing	
Фомичев П.Ю. География центров международной финансовой деятельности	141
Fomichev P. Yu. Geography of international financial activity centers	
Самбурова Е.Н., Мироненко К.В. «Китайское экономическое чудо» в мирохозяйственном измерении	149
Samburova E.N., Mironenko K.V. "Chinese economical miracle" in the context of the world economy	
ИСТОРИЯ НАУКИ THE HISTORY OF SCIENCE	
Слука Н.А. Четверть века отечественной школе географии мирового хозяйства Московского университета	158
Sluka N.A. A quarter of a century to the national school of world economy geography in Moscow state university	
НОВЫЕ КНИГИ NEW BOOKS	
Гречко Е.А., Слука Н.А. Знаковый путь в общественной географии	166
Grechko E.A., Sluka N.A. The landmark in human geography	
Сведения об авторах	168

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

В 2016 г. кафедра географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова отмечает не только свой 25-летний юбилей, но и 95-летие со дня рождения ее основателя, заслуженного профессора МГУ Н.В. Алисова (1921–2001) и 75-летие его преемника, многолетнего заведующего кафедрой, заслуженного профессора МГУ Н.С. Мироненко (1941–2014). С учетом вклада школы географии мирового хозяйства Московского университета и ее лидеров в развитие отечественной социально-экономической географии Редколлегия журнала приняла решение опубликовать в этом номере 10 статей, подготовленных ее профессорами, преподавателями и научными сотрудниками.

Кафедра географии мирового хозяйства Московского университета выступает крупнейшим учебным центром в стране по подготовке специалистов в области географии мирового хозяйства, а также целого ряда важных научно-образовательных направлений: «страноведение» с историческим ядром в виде географического китаеведения, «геополитика и политическая география», «рекреационная география и туризм», «международная геоурбанистика», «корпоративная география». Она находится на стыке географического изучения международного и российского опыта социально-экономического развития, традиционно генерирует многие инновационные идеи и передовые прикладные решения.

Этот номер журнала дает представление об основных направлениях современных исследований на кафедре. Часть из них носит концептуальный, обзорно-аналитический или методический характер, часть – посвящена результатам конкретных изысканий в разных областях социально-экономической географии. Особое место занимает раздел по истории становления кафедры. Отбор статей для публикации в журнале «Региональные исследования» был традиционно жестким. Они все без исключения прошли процедуру рецензирования и необходимую редакционную подготовку, а в некоторых случаях – и содержательную переработку.

От имени Редакционного совета и Редакционной коллегии журнала поздравляю коллектив кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова со славным юбилеем и желаю ему дальнейших творческих успехов на благо нашей науки!

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 911:361

Ткаченко А.А. (Тверь), Фомкина А.А. (Москва)

ГЕОГРАФИЯ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ И ГЕОГРАФИЯ СЕКТОРА УСЛУГ: ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ткаченко А.А., Фомкина А.А.

THE GEOGRAPHY OF THE SERVICE SECTOR: THE PASSED WAY, THE CURRENT SITUATION AND PROSPECTS

Аннотация. В статье рассматриваются история становления, современное состояние и перспективы дальнейшего развития разделов социально-экономической географии, изучающих виды деятельности, связанные с предоставлением услуг. В СССР в 1960–70-х гг. сформировалось особое направление – география сферы обслуживания, или география социальной инфраструктуры, рассматривавшая отдельные потребительские услуги и всю их совокупность как важнейшее условие жизни населения. Показан вклад отдельных ученых (прежде всего – С.А. Ковалева и В.В. Покишиевского) в становлении этой дисциплины. Названы основные понятия, методы и направления исследований, а также наиболее важные работы. Рассмотрены публикации ведущих географических журналов и диссертации по этой теме.

В современной российской географической литературе выделяется география сектора услуг, в круг интересов которой включается весь третичный сектор экономики. Помимо услуг (потребительских, бизнес-услуг, государственных) в его состав, как известно, входят оборона, наука, искусство и другие виды деятельности, которые не могут быть в полной мере отнесены к услугам. Обсуждается вопрос о правомерности такого объединения. Высказано мнение, что в условиях рыночной экономики в отечественной географии сосуществуют «старая» география сферы обслуживания и «новая» география сектора услуг.

Abstract. The article discusses the formation history, the current situation and further development prospects of the some branches in social and economic geography which are studying the kinds of activities related to provision of services. In the USSR a special direction – geography of the service sector, or social infrastructure – was formed in 1960–1970. The main attention was focused on studying of selected consumer services and the complex of them as the most important condition of life. The contribution of some scientists in the development of this discipline is shown (primarily – S.A. Kovalev and V.V. Pokshishevskij). The basic concepts, methods, research trends, the most important works are mentioned. The articles of leading geographical journals and recent PhD thesis were analyzed.

The geography of the service sector is allocated in the contemporary Russian geographical literature. Its focus of interest includes the whole tertiary sector of the economy. In addition to the standard services (consumer, business, government) tertiary sector includes national defense, science, art and other activities, which cannot be fully attributed to the services. There is a question about the correctness of this integration. We consider that in a market economy «old» geography of the social infrastructure coexists with a «new» geography of the service sector.

Ключевые слова: география сферы обслуживания, география сектора услуг, третичный сектор, история географии обслуживания, основные понятия, методы, теоретические основы и направления исследований географии обслуживания, картографирование обслуживания.

Keywords: geography of the social infrastructure, geography of the service sector, the tertiary sector, history of geography of the service sector, mapping of the services.

Постановка проблемы. Терминологические трудности. Авторы не ставят перед собой задачи дать обзор исследований по отдельным отраслям обслуживания или различным направлениям его географического изучения. Не входит в нашу задачу и анализ

изменений в самой рассматриваемой сфере. Задача работы носит более общий характер. Нас интересуют история становления и перспективы дальнейшего существования научных дисциплин, названных в заголовке статьи.

В последние 10–15 лет на смену привычному названию одной из отраслевых экономико-географических дисциплин – «география сферы обслуживания» – выдвигается новое название – «география сектора услуг». Авторы данной статьи сомневаются в корректности такой замены.

География сектора услуг как более или менее целостная и самостоятельная отрасль российской социально-экономической географии к настоящему времени не сложилась, да и термин «география сектора услуг» широкого распространения пока не получил. Среди причин этого – нерешенность двух принципиальных методологических вопросов. Первый из них связан с составом сектора услуг, второй – с целями изучения этого сектора. Попытки упорядочить представления о составе и функциях сектора услуг не многочисленны и не достаточно убедительны [напр., 56].

Сектор услуг часто отождествляют с третичным (непроизводственным) сектором экономики (по К. Кларку), включающим, как известно, не только разнообразные услуги (от розничной торговли до финансовых, деловых и информационных), но и науку, искусство, религиозные организации, государственный аппарат, армию и др. Такое понимание состава сектора услуг находится в явном противоречии с традиционным для отечественной науки и практики значением термина «услуга». Под услугой принято понимать труд, направленный на удовлетворение потребностей конкретных людей (потребителей). Не требует доказательств, что ни армия, ни наука (особенно фундаментальная) оказанием услуг не занимаются. Деятельность государственного аппарата лишь отчасти может быть отнесена к услугам: так называемые «государственные услуги» – функция лишь самых низших звеньев органов власти. Творчество писателей, художников и т.п. – тоже отнюдь не услуги. Таким образом, далеко не весь третичный сектор может быть отнесен к сектору услуг. Распространение термина «услуга» на деятельность всего сектора – очевидная натяжка. В то же время услуги, связанные с изготовлением и ремонтом предметов

индивидуального потребления, правильнее относить не к третичному, а ко вторичному сектору – вместе с обрабатывающей промышленностью и строительством. Сектор услуг, очевидно, соединяет в себе элементы вторичного и третичного секторов.

Возможны два принципиально различных подхода к изучению услуг – «экономический» и «социальный». При первом подходе сектор услуг рассматривается как часть экономики. Исследователей интересуют такие вопросы, как занятость в нем населения, его вклад в ВВП и ВРП, взаимодействие с другими отраслями, конкуренция на рынке услуг и др. При втором подходе и отдельные услуги, и весь сектор – это условия жизни, и рассматриваются они «от населения», с точки зрения их доступности (удельной, стоимостной, пространственно-временной), обеспеченности ими населения, качества и комплексности обслуживания.

Это – две разные «идеологии», которые трудно совместить в одном исследовании и которые плохо уживаются в рамках одной научной (и учебной) дисциплины. Первый подход соответствует узко понимаемой экономической географии как науке о территориальной организации хозяйства. Второй – социальной географии, изучающей территориальные аспекты воспроизводства населения.

В советское время в составе социально-экономической географии существовала особая отрасль – география сферы обслуживания, внимание которой было сосредоточено на услугах для населения. Социоцентризм обеспечивал этой дисциплине целостность и внутреннюю стройность, чего нельзя сказать о современной географии сектора услуг. Объект изучения географии обслуживания определялся по функциональному принципу: важно было не то, к какой сфере экономики (материальному производству или непроизводственной сфере – по терминологии того времени) принадлежат рассматриваемые отрасли, а то, что они нацелены на удовлетворение потребностей конкретных потребителей (покупателей, заказчиков, клиентов, зрителей и др.)

География обслуживания: становление и достижения. География сферы обслуживания, или география социальной инфраструктуры, появилась в 1960-х гг. За совсем непродолжительное время (менее 10 лет) она

получила широкое признание и заняла заметное место среди отраслевых экономико-географических дисциплин. Ее возникновение было обусловлено следующими обстоятельствами. 1. Публикация результатов переписи населения 1959 г. впервые дала возможность анализировать в региональном разрезе структуру занятости, и оказалось, что существенная часть населения работает в производственной сфере и обслуживании населения [48]. 2. Благодаря массовым работам по районной планировке, географы обратили внимание на особенности построения сетей учреждений обслуживания. 3. При комплексном изучении условий жизни стало ясно, что важнейшим условием жизни современного человека является уровень развития отраслей обслуживания.

Первая, известная нам, географическая публикация, посвященная обслуживанию населения, вышла в свет в 1964 г. Это – статья Е.Е. Повитчанной, посвященная обслуживанию населения крупных городов Левобережной Украины [47]. В 1966 г. С.А. Ковалев выступил с программной статьей «География потребления и география обслуживания населения», заложившей основы и на многие годы (вплоть до сегодняшнего дня) определившей принципы социально-географического изучения обслуживания [29]. В этой статье, видимо, впервые появилось само словосочетание «география обслуживания». Но статья 1966 г. важна не только в связи с изучением обслуживания. Благодаря взаимосвязанному рассмотрению понятий «условия», «образ» и «уровень жизни», она, по сути дела, положила в нашей стране начало социально-географическим исследованиям в их современном понимании. В то же время, заявленная в ней география потребления как самостоятельное направление не сложилась. Можно назвать лишь небольшое число работ на эту тему [26; 34]. Потребление услуг иногда рассматривается в составе географии обслуживания, в целом же вопросы потребления, видимо, правильнее относить к географии образа жизни как составной части географии населения. Вслед за работой 1966 г. появился ряд статей С.А. Ковалева и В.В. Покшишевского, посвященных принципиальным вопросам методологии, теории и методики географического изучения обслуживания [30; 32; 49 и др.]. Большое значение имели и работы Б.Б. Родомана [54].

В 1967–1968 гг., сначала в МГУ и почти сразу же вслед за этим в ЛГУ, начинается преподавание спецкурсов по географии обслуживания. В МГУ первый вариант курса был разработан Д.Н. Лухмановым под руководством С.А. Ковалева [31]. В это же время обслуживание становится популярной темой диссертационных работ. Первые кандидатские диссертации в этой области географии были защищены в 1970 г. [40; 51]. Следует отметить, что довольно много диссертаций, посвященных развитию и территориальной организации обслуживания, защищалось по другим наукам (техническим, медицинским, экономическим, архитектуре и др.). Некоторые из этих работ были не просто близки по тематике к географии, а имели хорошо выраженные признаки географических исследований [напр., 19].

Первоначально географию обслуживания рассматривали в качестве раздела, или особого направления, географии населения, но довольно быстро пришло понимание, что она имеет собственный объект изучения и поэтому является вполне самостоятельной отраслевой дисциплиной в составе экономической (социально-экономической) географии. Быстрое и, несомненно, плодотворное развитие свидетельствует об актуальности и востребованности этого направления.

Широкое распространение получило картографирование обслуживания, главным образом в комплексных региональных атласах. Карты некоторых отраслей обслуживания, под общим названием «карты культуры», включались в них задолго до того, как появились первые исследования в этой области. Но осмысление задач, принципов и методов составления карт обслуживания и их серий (в составе атласов) началось только после появления работ по географии обслуживания. Первые публикации на эту тему относятся, видимо, к 1967 г. [16; 17], а первая диссертация по картографированию обслуживания была защищена в 1971 г. [68]. Наибольший вклад в разработку принципов и методов картографирования обслуживания внесли О.А. Евтеев, С.А. Ковалев, Д.Н. Лухманов. Самая солидная обобщающая работа – глава в коллективной монографии географического факультета МГУ «Комплексные региональные атласы» [18]. Наиболее полно карты обслуживания представлены в Атласе Алтайского края (т. 2, 1980).

В теоретическом плане география сферы обслуживания базируется главным образом на концепции потребностей населения (А. Маслоу) и теории центральных мест. Ключевые понятия этой дисциплины: сеть учреждений (объектов) обслуживания, центр и зона (ареал) обслуживания, территориальная система обслуживания, доступность услуг, уровень обслуживания. Различают отраслевой и комплексный подходы. В первом случае изучаются отдельные отрасли обслуживания, во втором – их сочетания (комплексы) в пределах исследуемых территорий или центров. Наиболее полный и строгий перечень отраслей можно найти в [4], там же названы и основные направления исследований географии сферы обслуживания: 1. Оценка условий, влияющих на потребности в услугах, на уровень и территориальную организацию обслуживания; 2. Изучение потребностей в услугах и фактического уровня обслуживания; 3. Изучение территориальной организации (центров и систем) обслуживания; 4. Изучение потребительской деятельности (поведения) населения; 5. Обоснование региональной дифференциации нормативов обслуживания.

Важная особенность географии сферы обслуживания – активный поиск новых подходов и методов исследования. Особенно разнообразны предназначенные для сравнительно-географических работ методики измерения уровня обслуживания, в том числе и весьма сложные [37; 62]. С 1980-х гг. стали широко использоваться социологические методы, сначала – массовые опросы, позднее – фокусированные интервью.

Наиболее распространенными видами исследований являются: сравнительно-географическое изучение отдельных отраслей и сферы обслуживания в целом в пределах территориальных единиц определенного ранга (субъектов федерации, муниципальных районов, городов) и анализ иерархии центров в пределах конкретных территорий. Особую группу составляют исследования внутригородской организации обслуживания. Традиционно география сферы обслуживания тесно связана с географией населения и населенных пунктов, прежде всего с ее разделами, изучающими системы расселения и процессы социально-демографического воспроизводства.

Расцвет географии сферы обслуживания приходится на 1970-е гг. В 1972 г. вышел

91 сборник «Вопросов географии» – «География сферы обслуживания» [14]. В мае 1972 г. в МФГО состоялось научное совещание по проблемам обслуживания сельского населения, а в январе 1974 г. в МГУ – Межведомственное совещание по географии сферы обслуживания, собравшее специалистов – не только географов, но и представителей смежных наук – из многих регионов и республик СССР. Материалы этого совещания изданы в виде двух сборников [12; 52]. Тогда же появился специальный выпуск «Итогов науки и техники» (серия «География СССР», т. 11), посвященный изучению сферы обслуживания [13]. В его статьях представлена практически исчерпывающая (для своего времени) картина состояния исследований сферы обслуживания в географии, в экономических, архитектурных, медицинских и других науках. Том завершается обширным, хорошо систематизированным списком литературы (680 книг и статей и 44 кандидатские диссертации). В течение многих лет этот монографический сборник оставался основным источником, где в концентрированном виде были изложены основные теоретические и методические вопросы географии сферы обслуживания. Особую ценность представляют три статьи: по общим вопросам этой дисциплины (С.А. Ковалев и В.В. Покшишевский), о размещении учреждений обслуживания в городах и агломерациях (Ф.М. Листенгурт) и о территориальной организации обслуживания в сельской местности (С.А. Ковалев).

О широком признании и актуальности рассматриваемого направления свидетельствует выход в 1980 г. пособия для школьных учителей [20]. Интересный аналитический обзор географических исследований социальной инфраструктуры был выполнен С.К. Вайтекунасом [8]. В 1985 г. раздел о сфере обслуживания впервые был включен в вузовский учебник по общему курсу экономической географии [72]. По прошествии нескольких лет разделы об обслуживании населения стали включаться и в школьные учебники.

Основным центром географического изучения сферы обслуживания долгое время был географический факультет МГУ, где в 1970–1980-х гг. во главе с профессором С.А. Ковалевым сформировалась соответствующая научно-образовательная школа

(точнее, это – одно из направлений созданной им школы социальной географии). Она существует и в настоящее время. Исследованиями аспирантов и студентов руководят ученики Ковалева – профессора А.И. Алексеев и Н.В. Зубаревич.

В 1988 г. и 1991 г. Тверским (Калининским) университетом были выпущены учебные пособия, написанные А.И. Алексеевым, С.А. Ковалевым, А.А. Ткаченко [3,4], в которых весьма подробно освещены вопросы методологии, теории и методики, а также основные особенности территориальной организации обслуживания в городах и в сельской местности. Довольно большой раздел в пособии 1991 года посвящен картографированию обслуживания. Некоторые теоретические и методические разработки были специально созданы для этих пособий (модель развития потребностей и потребления услуг, система основных понятий территориальной организации обслуживания, типология центров обслуживания и др.). До этого были лишь насыщенные фактологическим материалом пособия по отдельным регионам [напр., 7]. В это же время в Киеве было издано интересное пособие В.М. Юрковского [70]. Немногочисленные известные нам монографии, посвященные вопросам географии обслуживания, не оставили какого-либо следа в развитии этой дисциплины.

Успехи географии сферы обслуживания способствовали определенной географизации работ градостроителей по территориальной организации социальной инфраструктуры. Эти вопросы активно разрабатывались в научно-проектных институтах системы Госстроя (ЦНИИП градостроительства, ЦНИИЭП граждансельстрой, УкрНИИП граждансельстрой и др.), которыми был подготовлен ряд весьма географичных по содержанию изданий методического и рекомендательного характера [44; 53; 60; 67]. Во многих из них принимали участие специалисты-географы, в ряде случаев – в качестве руководителей авторских коллективов.

Параллельно с географией обслуживания в СССР происходило становление рекреационной географии, поэтому туристско-рекреационное обслуживание в работах по географии сферы обслуживания, как правило, не рассматривалось, хотя в перечень отраслей его обычно включали.

В 1970–1980-х гг. И.В. Никольским предпринимались попытки создания географии внутренней торговли [43]. Но они не получили развития, во-первых, из-за отсутствия внутреннего единства («разношерстности» рассматриваемых вопросов), во-вторых, из-за того, что исследования территориальной организации розничной торговли ничем не отличались от работ по географии сферы обслуживания [напр., 71].

Для полноты картины исследований в интересующей нас сфере следует сказать, что в 1960–1980-х гг. были отдельные работы по географии науки [50] и географии профессионального образования [27; 64]. Однако, неоднократно высказывавшиеся надежды на формирование соответствующих отраслей СЭГ не оправдались.

Современное состояние. География сектора услуг. В 1990-е гг. число исследований в рассматриваемой отрасли географической науки уменьшилось, новых крупных работ практически не появлялось. Это было связано с необходимостью адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям. Лишь с начала 2000-х годов выходят первые значимые работы, отражающие произошедшие трансформации на рынке услуг. В это же время наметился переход к новому названию – «география сектора услуг».

Применительно к учебной дисциплине Н.В. Зубаревич [22] назвала ряд отличий современной географии сектора услуг от прежней географии сферы обслуживания. Представляется, что большинство из них могут быть отнесены и к научным исследованиям. Произошло расширение объекта изучения: в дополнение к потребительским в круг рассматриваемых услуг вошли «государственные» и бизнес-услуги. Больше внимания стало уделяться экономической стороне услуг. Помимо государства и местных властей, на рынке услуг появились новые «игроки» – коммерческие структуры и индивидуальные предприниматели. Объект исследования стал значительно более динамичен: появилась необходимость принимать в расчет непрерывно идущие в секторе услуг инновационные процессы и частые изменения в системе управления бюджетными услугами и в методах регулирования рыночных услуг. В литературе обычно подчеркивается, что в странах с развитой рыночной эко-

номикой основную массу услуг составляют услуги для бизнеса, а не для населения [56].

Из новых тем наибольшее внимание привлекают: распространение информационных и теле-коммуникационных услуг, прежде всего Интернета [38; 42; 45], финансовых услуг [15; 59; 65], развитие торговых сетей [21; 36]. Появляются первые работы, посвященные территориальной организации «государственных» услуг [66]. Продолжаются исследования и в традиционных направлениях, чаще других отраслей рассматриваются медицинское обслуживание и розничная торговля [9; 63]. Почти нет исследований, посвященных культурно-досуговой сфере и общественному питанию, совсем выпали из поля зрения бытовое обслуживание и городской пассажирский транспорт. Редко рассматриваются деловые и юридические услуги. Интересный пример взаимопроникновения услуг совершенно разных видов представляет собой Интернет-торговля [41].

Работы по отдельным отраслям и группам услуг часто охватывают всю территорию страны или ее крупные регионы. Комплексные же исследования, за редкими исключениями [5; 46], ограничиваются отдельными регионами областного уровня.

Заметно активизировалось изучение внутригородской организации обслуживания [2; 10; 25; 69], причем не только в крупных, но и в небольших городах [57]. После длительного перерыва появились исследования территориальной организации науки [33; 61], больше, чем раньше, уделяется внимания географии высшего образования [28; 35]. Отдельные работы посвящены сферам, ранее никогда не попадавшим в поле зрения отечественных географов [1; 55]. Однако, по-прежнему очень мало работ, посвященных экономической стороне услуг, в частности, месту услуг в экономике регионов [24].

К сожалению, в современных исследованиях сферы услуг уделяется мало внимания социально-экономической и социально-психологической обусловленности ее развития. Практически нет географических работ о предпочтениях и пространственном поведении потребителей услуг. Вне поля зрения исследователей остается влияние, оказываемое на сферу услуг расслоением населения, и как следствие такого расслоения – дифференциация самой этой сферы, своего рода «сервисная сегрегация» – образование групп

предприятий, предлагающих услуги для определенных слоев населения.

Важная новация – взгляд на сферу услуг как условие и средство социального воспроизводства населения. Правда, выполненных в этом ключе работ крайне мало, и рассматривается в них воспроизводственная функция лишь системы образования [6].

Многие работы, посвященные новым видам услуг, пока что носят формально-географический характер, так как в основном обращают внимание лишь на распространение по территории страны тех или иных услуг. Лишь в единичных работах территориальная организация обслуживания рассматривается на фоне расселения [23; 39], еще реже обращается внимание на роль обслуживания в системах расселения, в частности, на изменения в иерархии центров [11]. Почти незаметны попытки развития концептуальной базы изучения территориальной организации сферы услуг и теоретического осмысления происходящих изменений.

Заключение. Анализ развития исследований рассматриваемой сферы за последние примерно 25 лет и состояния этой области географии в середине 2010-х гг. позволяет заключить, что в ней сосуществуют два разных научных направления. С одной стороны, продолжает существовать старая география обслуживания, ориентированная в основном на изучение «потребительских» услуг и рассматривающая их в качестве условий жизни населения. Как и раньше, относящиеся к ней исследования в конечном счете нацелены на повышение степени территориальной справедливости. С другой стороны, формируется новая география сектора услуг, рассматривающая любые услуги под экономическим углом зрения и нередко включающая в сектор услуг виды деятельности, по своей сути услугами не являющиеся. Одна и та же отрасль обслуживания часто является объектом исследований, относящихся к разным направлениям. Например, изучение торгового обслуживания населения какой-либо территории следует отнести к старой географии обслуживания, а анализ развертывания торговых сетей – к новой географии сектора услуг.

Все сложившиеся в советское время направления географических исследований обслуживания населения (см. выше) сохра-

няют свою актуальность, но «региональная дифференциация нормативов обслуживания» должна быть заменена более общим направлением – «управление развитием социальной инфраструктуры территорий». В его составе должна присутствовать и разработка регионально дифференцированных нормативов. Они нужны не только для бюджетных, но и для рыночных потребительских услуг. С помощью нормативов можно (и нужно) оценивать деятельность местных властей по созданию благоприятных условий жизни на подконтрольных им территориях. В целом же результаты географических исследований

обслуживания необходимы для проведения научно обоснованной региональной политики и грамотной разработки документов территориального планирования [58].

Вопрос о том, сможет ли новая география сектора услуг добиться внутренней консолидации и превратиться в полноценную научную дисциплину, представляется весьма спорным. В настоящее время в ней не видно каких-то реальных внутренних скреп. Цели функционирования и принципы территориальной организации включаемых в нее отраслей столь различны, что их объединение выглядит весьма искусственным ...

Библиографический список

1. Аверкиева К.В. Территориальная организация исправительных учреждений России // Известия РАН. Сер. географическая. 2014. №3. С.19–34.
2. Аксенов К., Браде И., Бондарчук Е. Трансформационное и посттрансформационное городское пространство. Ленинград – Санкт-Петербург. 1989–2002. СПб., 2006. 284 с.
3. Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. География сферы обслуживания: Учебн. пособие. Калинин, 1988. 85 с.
4. Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. География сферы обслуживания: основные понятия и методы: Учебн. пособие. Тверь, 1991. 117 с.
5. Благовестова Т.Е. Типология регионов Центрального федерального округа по уровню развития социальной инфраструктуры в 1990–2013 гг. // Региональные исследования. 2015. №4. С.24–33.
6. Богданова Л.П. Региональная система образования и социальное воспроизводство // Социальная инфраструктура в развитии городов и регионов современной России: Сборник научн. трудов. Тверь, 2006. С.42–50.
7. Бурьян А.П., Меркушева Л.А., Чепкасов П.Н. География социальной инфраструктуры Урала: Учебн. пособие по спецкурсу. Пермь, 1984. 88 с.
8. Вайтекунас С. Территориальная организация социальной инфраструктуры: Аналитический обзор. Вильнюс, 1985. 52 с.
9. Васильева О.Е. Территориальная организация медицинского обслуживания в сельской местности республики Башкортостан // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2012. №2. С.76–81.
10. Виноградов И.В. Территориальная организация сферы услуг в Твери // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2014. №5. С.74–79.
11. Вихрѳв О.В., Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. №2. С.30–37.
12. Географическое изучение территориальной организации сферы обслуживания. М., 1976. 154 с.
13. География СССР. Т. 11. География сферы обслуживания: Итоги науки и техники / ВИНТИ. М., 1974. 151 с.
14. География сферы обслуживания: Вопросы географии. Сб. 91. М., 1972. 254 с.
15. Горлов В.Н., Климанов В.В., Лузанов А.Н. География банковской деятельности как новое научное направление // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2000. №2. С. 47–54.
16. Гргearян А.К., Овесян Р.М. Опыт картографирования отраслей сферы обслуживания Армянской ССР // Тематическое картографирование в СССР. Л., 1967. С.201–202.
17. Евтеев О.А., Лухманов Д.Н. Культурно-бытовое обслуживание населения в связи с расселением и опыт его комплексного картографирования (на примере Северного Казахстана) // География населения и населенных пунктов СССР. Л., 1967. С.129–143.
18. Евтеев О.А., Лухманов Д.Н., Микалюкина Л.Б. Наука, подготовка кадров, обслуживание населения // Комплексные региональные атласы. М., 1976. Гл. XXIII. С. 529–550.
19. Журавлев С.М. Размещение сети стационаров больниц в сельских районах на основе экономико-географического районирования страны. Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 1968. 20 с.
20. Захарина Д.М., Ковалевская М.К., Эпштейн А.С. Учителю о географии сферы обслуживания: Пособие для учителей. М., 1980. 80 с.
21. Зотова М.В. Особенности развития торговых сетевых структур в крупнейших городах России // Известия РАН. Сер. географическая. 2006. №6. С.71–80.
22. Зубаревич Н.В. География сектора услуг: новые вызовы // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география. М., 2013. С. 483–491.
23. Зубаревич Н.В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Сер. географическая. 2013. №3. С. 26–38.
24. Иванов Д.С. Трансформация сектора услуг регионов России. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2012. 26 с.
25. Имангалин А.Ф. Размещение и территориальная доступность рыночных услуг в крупных городах. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2015. 25 с.

26. Калмуцкая Э.И. География потребления. Черновцы, 1980. 94 с.
27. Катровский А.П. Проблемы изучения территориальной организации профессионального образования // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1982. С.46–62.
28. Катровский А.П. Территориальная организация высшей школы России. Смоленск, 2003. 200 с.
29. Ковалев С.А. География потребления и география обслуживания населения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1966. № 2. С.3–10. Перепечатано в: Ковалев С.А. Избранные труды. Смоленск, 2003. С.378–387.
30. Ковалев С.А. О географическом изучении сферы обслуживания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1973. № 6. С. 3–12.
31. Ковалев С.А., Лухманов Д.Н. Курс «География общественного обслуживания населения в Московском университете» // Вопросы географии. Сб. 91. География сферы обслуживания. М., 1972. С.227–230.
32. Ковалев С.А., Покшишевский В.В. География населения и география обслуживания // Научные проблемы географии населения. М., 1967. С. 34–47.
33. Ковалев Ю.Ю. География мировой науки: Учебн. пособие. М., 2002. 156 с.
34. Корнекова С.Ю., Файбусович Э.Л. Географические подходы к изучению потребления продовольствия // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география. М., 2013. С. 492–506.
35. Краснослободцев В.П. Территориальная доступность высшего образования на Северном Кавказе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2009. № 2. С. 57–64.
36. Кузнецова О.В. Сетевая торговля: межрегиональные различия и роль иностранных компаний в их формировании // Региональные исследования. 2015. № 4. С. 13–23.
37. Кулаков И.С. Территориальная организация сферы обслуживания в условиях мелкоселенного расселения (на примере Псковской области). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1989. 22 с.
38. Леснова Ю.В. География развития сотовой связи России. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2004. 23 с.
39. Менщикова Л.В. Территориальная трансформация систем расселения и обслуживания сельского населения Курганской области на рубеже XX и XXI веков. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Пермь, 2013. 23 с.
40. Меркушева Л.А. Географические особенности развития сферы обслуживания в городских поселениях разных функциональных типов (на примере Оренбургской области). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 1970. 20 с.
41. Мьяльдин Т.Н. Географические особенности мирового рынка Интернет-торговли потребительскими товарами и услугами // Вестн. Моск. ун-та. Сер.5. Геогр. 2013. № 4. С.49–54.
42. Нагирная А.В. Развитие Интернета в регионах России // Известия РАН. Сер. географическая. 2015. №2. С.41–51.
43. Никольский И.В. География внутренней торговли СССР: Учебное пособие. М., 1986. 98 с. Перепечатано в: Никольский И.В. Избранные труды. Смоленск, 2009. С. 227–293.
44. Особенности организации системы культурно-бытового обслуживания сельского населения в Нечерноземной зоне РСФСР (Обзорная информация) / Сост. О.В. Шульгина. М., 1990. 65 с.
45. Перфильев Ю.Ю. Российское интернет-пространство: развитие и структура. М., 2003. 272 с.
46. Петрова Н.В. Географические особенности интеллектуальной инфраструктуры России. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2006. 17 с.
47. Повитчанная Е.Е. Структура и уровень обслуживания населения крупных индустриальных центров Левобережной Украины // Донецко-Приднепровский экономический район: Экономическая география: Республиканский межведомственный научный сборник. Вып. 1. Харьков, 1964. С.42–48.
48. Покшишевский В.В. Об изучении географии нематериальной сферы производства // Материалы II научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Вып. 3: Экономическая география. Владивосток, 1962. С.105–107.
49. Покшишевский В.В. География обслуживания, ее предмет, содержание и место среди экономико-географических дисциплин // Вопросы географии. Сб. 91. География сферы обслуживания. М., 1972. С.6–26.
50. Половицкая М.Е. География научных исследований в США: связь размещения науки с территориальной структурой хозяйства и расселением. М., 1977. 224 с.
51. Поросенкова Н.И. Проблемы экономико-географического изучения торгового обслуживания населения (на примере Воронежской области). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Воронеж, 1970. 25 с.
52. Проблемы географии сферы обслуживания. М., 1974. 93 с.
53. Рекомендации по разработке раздела «Социальная инфраструктура» в схемах и проектах районной планировки / ЦНИИП градостроительства. М., 1989. 159 с.
54. Родоман Б.Б. Территориальная организация общественного обслуживания населения в городах // Территориальные системы производительных сил. М., 1971. Гл. XI. С.273–311.
55. Сафронов С.Г. Географические аспекты изучения религиозной сферы России: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1998. 26 с.
56. Сивицкий А.В. Терминологические проблемы географии сектора услуг // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1998. №2. С.18–22.
57. Смирнов И.П. Оценка обеспеченности населения города Торжка основными видами услуг // Вестник Тверского государственного ун-та. Сер. География и геоэкология. 2013. № 8. С.91–98.
58. Социальная инфраструктура в развитии городов и регионов современной России // Науч. Сер. «География и региональное развитие». Вып. 4. Тверь, 2006. 92 с.
59. Суменкова Л.А. Территориальная организация страховых услуг в Сибири. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2015. 23 с.
60. Сфера услуг на селе: модели территориальной организации (Рекомендации для проектирования) / ЦНИИЭП граждансельстрой. М., 1991. 185 с.

61. Тихомирова М.В. Историко-географический анализ территориальной организации науки в России // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. 1994. №5. С.27–33.
62. Ткаченко А.А. Измерение уровня обслуживания сельского населения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1978. №4. С.91–94.
63. Уколова И.И. Территориальная организация торговли Воронежской области в переходной экономике. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Воронеж, 2005. 23 с.
64. Файбусович Э.Л. География высшего образования СССР. Саратов, 1976. 29 с.
65. Фомичев П.Ю. География мировой финансовой системы: Учебн. пособие. М., 2001. 146 с.
66. Фомкина А.А. Межрайонные центры социальной инфраструктуры: новый подход к их выделению (на примере Тверской области) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 6. С. 57–64.
67. Формирование системы культурно-бытового обслуживания сельского населения / ЦНИИЭП граждансельстрой. М., 1983. 185 с.
68. Фридлайн Г. Картографирование обслуживания населения в комплексных региональных и национальных научно-справочных атласах. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1971. 21 с.
69. Ханин С.Е., Меньшенин А.В. Территориальные особенности мелкокорпоративной торговой сети Москвы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1997. № 4. С. 28–32.
70. Юрковский В.М. География сферы обслуживания: Учебн. пособие. Киев, 1989. 82 с.
71. Юрченко С.А. Территориальная организация торговли в сельской местности Нечерноземья (на примере Калининской области). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1985. 22 с.
72. Экономическая география СССР: Учебник. Часть I. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1985. 296 с.

УДК 910.1:911.375

Гречко Е.А., Пилька М.Э., Слука Н.А. (Москва)

КОРПОРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ¹

Grechko E.A., Pilka M.E., Sluka N.A.

CORPORATE APPROACH IN GLOBAL CITIES RESEARCH

Аннотация. Интенсивный ход процесса транснационализации оказывает серьезное влияние на трансформационные процессы в пространственно-урбанистической структуре мирового хозяйства. Научное осмысление его результатов привело к созданию концепции глобального города. В статье рассматривается эволюция взглядов и обосновывается значимость корпоративного подхода в идентификации, классификации и ранжировании городов, разнообразие его современного понимания и направлений применения. Акцентируется внимание на некоторых проблемах реальной оценки места городов в системе глобальной экономики, а также перспективных вопросах модернизации исследований с позиций корпоративного подхода.

Abstract. The intensity of transnationalization process severely affects the transformation processes in spatial-urban structure of the world economy. The scientific understanding of its results has led to the creation of the concept of global city. The article discusses the evolution of the ideas and explains the importance of a corporate approach to the identification, classification and ranking cities, the diversity of its contemporary understanding and applications. The article focuses on some problems of a real assessment of cities place in the global economy and future issues of modernization studies from the standpoint of a corporate approach.

Ключевые слова: география мирового хозяйства, геоурбанистика, транснационализация экономики, транснациональная корпорация, штаб-квартира, корпоративный подход, глобальный город.

Keywords: geography of the world economy, urban geography, transnationalization of the world economy, transnational corporation, the headquarters, corporate approach, global city.

Введение и постановка проблемы. Последние десятилетия ознаменовались грандиозными отраслевыми и пространственными сдвигами в общепланетарном экономическом развитии; перманентным увеличением числа и укрупнением хозяйствующих субъектов, их все большим вовле-

чением в процессы международного обмена людскими ресурсами, товарами, услугами, информацией. Для географии мирового хозяйства особое значение обретают два момента: появление мощнейших транснациональных корпораций (ТНК) и локализация глобальных процессов в городах. Масштаб-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 16-06-00492).

ная транснационализация не только перевела огромные ресурсы в сегмент международной корпоративной экономики, но и обеспечила кардинальное смещение пропорций в международном разделении труда от классического к транснациональному. Стремительное возвышение ТНК и расширение систем международного производства опирается на сочетание, по крайней мере, трех сил: 1) либерализация политики: открытие национальных рынков и введение свободного режима для всех видов прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и форм организации бизнеса без участия в капитале; 2) быстрый технологический прогресс, который привнося новые издержки и риски и одновременно обеспечивая сокращение транспортных и коммуникационных затрат, стимулирует активизацию деятельности корпораций на мировых рынках; 3) обострение конкуренции, вынуждающей фирмы изыскивать новые пути повышения эффективности, в том числе посредством переориентации некоторых видов производственной деятельности и расширения географии операций с выходом на новые рынки [49].

Все это приводит, с одной стороны, к становлению новых форм как организации, так и размещения международного производства, а с другой – к существенному изменению характера участия современного города в глобальной экономике. Дислоцируясь в городах и консолидируя все мировое городское сообщество через систему внутри- и межфирменных связей, ТНК оказывают колоссальное влияние как на успешность отдельных центров, так и на трансформации урбо-архитектуры мирового хозяйства [15; 16]. Новые вызовы способствовали образованию настоящего бума изучения феномена крупного города и его роли в мировом экономическом развитии [19; 42–43; 46 и др.]. В последнее время возникло немало оригинальных терминов, подходов, концепций и классификаций городов. Цель статьи – раскрыть эволюцию взглядов и современное понимание корпоративного подхода в идентификации и ранжировании городов, среди которых особую категорию составляют так называемые глобальные центры, служащие ключевыми ядрами концентрации штаб-квартир и «хранилищ богатств» ТНК, генерации бизнес-инноваций и узлами обработки глобальных корпоративных потоков.

Самостоятельное значение в целеполагании материала имеет оценка имеющихся проблем и выделение наиболее перспективных направлений исследований городов с позиций корпоративного подхода.

Обзор ранее выполненных исследований. Транснационализация мировой экономики – процесс глубоко географический, пространственно выборочный, неравномерный, имеющий проявление в разных местах с разной силой и в разных формах. При всей своей экономической и социальной значимости он представляет собой сферу знаний пока мало и слабо освоенную. Особый интерес западных специалистов к изучению феномена ТНК возник еще на заре процесса «массовой» транснационализации мировой экономики, в 1950–1960-х гг., затем последовательно сформировавший огромный пласт экономических исследований и литературы. Важное место среди них занимают регулярные исследования в рамках созданной в 1974 г. в ООН специальной Программы по транснациональным корпорациям, которая в 1993 г. была передана в ведение Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), «ставящей перед собой задачу содействия более глубокому пониманию природы ТНК и их вклада в глобальное общественное развитие, а также создания благоприятных условий для международных инвестиций и развития предпринимательства» [49]. Появились регулярные доклады ЮНКТАД (UNCTAD World Investment Report), включающие, как обязательный раздел, информацию о ведущих ТНК и характере их инвестиционной деятельности в регионах мира. Роль и значение ТНК в глобализационных процессах постоянно находятся в центре исследования и ряда коммерческих структур, в том числе, например, The McKinsey Global Institute (MGI) [47]. В этом исследовательском поле появилось и большое количество работ географов, анализирующих структуры ТНК на всех пространственных уровнях – глобальном, национальном, региональном, локальном. Но в подавляющем большинстве это были и остаются case-studies – исследования конкретных корпораций (например, циклы публикаций R.B. McNee, 1958–1974 гг., G. Krumme, 1968–1978 гг., H.D. Watts, 1971–1991 гг. и др.) [37–39; 52]. Накопленная обширная эмпирическая база позволила подой-

ти к обобщению географических аспектов транснационального бизнеса [25].

В силу известных причин отечественная география подключилась к изучению в корпоративной сфере существенно позже. Основные направления, разрабатываемые российскими учеными, предварительно можно объединить в несколько групп. Первая из них возникла на базе междисциплинарных исследований места ТНК в мировой экономике [12; 14 и др.] и отличается чрезвычайно широким спектром интересов. Вторая линия, напротив, довольно узкая – менеджментская. Она базируется на привнесенной в географию приоритетной идеологии экономической «классики» – восприятия ТНК и их мирохозяйственного разнообразия через призму управленческих моделей компаний [3–4]. Третье направление – анализ транснационализации мирового хозяйства с позиций своего рода инвестиционного подхода [6; 7], когда в центр географического исследования выносятся масштабы, приоритеты распределения и направленность потоков ПИИ. Четвертый ракурс и, пожалуй, наиболее сложный, не обеспеченный должным образом информацией, – изучение транснациональной деятельности компаний как элемент отраслевого анализа; положения фирм на отдельных глобальных рынках [10]. Пятое и довольно хорошо отработанное направление – исследование территориально-организационной структуры ТНК различных отраслей хозяйства [5; 13; 17 и др.]. Шестое – с акцентом на характере размещения штаб-квартир и филиалов крупнейших ТНК [8; 9].

Результаты исследования и их обсуждение. Особое предназначение корпоративного подхода – анализ процессов и явлений через призму деятельности ТНК². Это касается не только эффектов и проблем в пространственном развитии мирового хозяйства, напрямую ведет к раскрытию столь дискуссионного понятия как глобальная экономика, но и хорошо сочетается с предметами, или важными аспектами, многих наук – экономики, глобалистики, юриспруденции и т.д. Что особенно важно, в том числе для экономической географии, он может быть использован при исследовании любых территориальных объек-

тов, которые имеют отношение к деятельности ТНК. Сущность подхода состоит в первоочередном и приоритетном анализе исследуемого объекта через восприятие ТНК как:

- целостного хозяйственного организма, действующего для извлечения прибыли в общепланетарном масштабе. Уникальные свойства, обуславливающие способность ТНК к саморазвитию по пути повышения эффективности деятельности, отличают их от структур внекорпоративного сектора экономики.
- первичного элемента глобальной экономики – целостной системы, являющейся передовой и наиболее динамичной частью мирового хозяйства и формирующейся на основе транснационального разделения труда.
- элемента глобальных отраслевых рынков, выстраивающих систему межотраслевых отношений в рамках глобальной экономики и генераторов «правил игры» на глобальных рынках [18].
- организаторов эволюционного перехода от эпохи жесткой конфронтации в межфирменной борьбе к взаимовыгодному сотрудничеству.

Корпоративный подход, по большому счету, требует также особого учета:

- Многослойности, жесткой соподчиненности и регламентированности отношений международных компаний. Иерархичность корпоративного сектора мировой экономики четко зафиксировали исследования специалистов Швейцарского федерального института технологий в Цюрихе. Используя специальную методику и опираясь на базу данных Orbis 2007, они выявили, что менее 1% компаний фактически представляет собой глобальную экономическую суперструктуру, которая контролирует почти половину мировой экономики [11; 49; 51].
- Колоссального числа связей и отношений ТНК: жестких и мягких, вертикальных и горизонтальных, ближних и дальних, устойчивых и временных, очевидных и не очень. Огромно их видовое разнообразие, начиная от клас-

² Следует пока оставить за рамками размышлений многие вопросы, включая состав, соотношение, мощь и роль истинно международных и «домашних» компаний; конкретный перечень наиболее эффективных методов исследования; наличие баз фактических данных и пр.

сических для географии хозяйства – организационно-управленческих, производственных, финансовых, сбытовых, информационных и заканчивая, межличностными [25].

- Основной гаммы системообразующих связей, что опирается, по крайней мере, на два важных момента. Восприятие ТНК, во-первых, как особой хозяйственной системы, элементы которой связаны жестким ритмом внутреннего взаимодействия, а, во-вторых, как открытой хозяйственной системы, полагающейся на рыночные механизмы.
- Системности не только внутри-, но и межфирменного взаимодействия, придающей особую целостность глобальной экономике, обеспечивая ее непрерывное функционирование, объединяя ее составные части в целостность как по горизонтали (зоны и районы разного ранга, города, локалитеты), так и по вертикали (сферы, отрасли, виды деятельности).

Природа феномена ТНК определяет продуктивность использования корпоративного подхода на стыке географии мирового хозяйства и георбанистики. Еще в середине 60-х гг. XX в. *П. Холл* предсказывал концентрацию мировой экономики в нескольких, так называемых, информационных городах: Нью-Йорке, Лондоне, Токио, Москве, Париже и ряде других [31; 32]. Однако первые эмпирические обоснования этого тезиса приходятся на 1970–1980-е гг. Ряд ученых обратили внимание на локализацию штаб-квартир крупнейших ТНК в небольшом числе городов, которые контролируют мировую экономику через эти корпорации. Согласно *Р. Коэну*, на то время «мировой город» является не только центром сосредоточения штаб-квартир и олицетворением мощи промышленно-производственной деятельности корпораций, но также центром банковских и иных сервисных услуг [24]. Чуть позже *Дж. Рид* и *Дж. Фридман* [26] говорят об усиленной аккумуляции местного и международного капитала в ряде городов, которые, по их мнению, выполняют функции управления, в том числе потоками денежной массы, в мировой экономике. Оба автора предла-

гают свои подходы к классификации мировых центров, хотя и по разным основаниям. Еще одну идею комплексной иерархии городов с позиций крупного международного бизнеса высказал *С. Хаймер* [33; 34]. Он представил ее как особую урбоструктуру, состоящую из нескольких главных городов, где происходит принятие решений на высшем корпоративном уровне, региональных субстолиц и других центров, роль которых ограничена. Таким образом, изначально, главным, и порой единственным, признаком, идентифицирующим город как «мировой», была концентрация в нем штаб-квартир крупнейших промышленно-финансовых групп [45].

В ходе становления постиндустриального общества все больший вес обретают структуры, обслуживающие крупный бизнес – предоставляющие аудиторские, финансовые, страховые, рекламные услуги. Закономерно меняется фокус и категории исследований. Традиционный термин «мировой город» постепенно замещается на «глобальный город», введенный в научную практику *С. Сассен* в 1991 г. [1]³. Согласно апологету концепции, глобальный город трактуется как мультифункциональный и постиндустриальный центр, во многом черпающий возможности развития за счет взаимодействия в глобальных городских сетях. Ее уход от модели производственной функции и урбо-центрической дислокации главных подразделений ТНК, продиктован сменой факторов инновационного развития, в частности, размещения штаб-квартир ведущих мировых корпораций, отдающих наиболее сложные услуги на аутсорсинг и теряющих выгоды от эффекта агломерирования. Дополнительным стимулом для переноса головных офисов послужили качество и стиль жизни, предлагаемых, в том числе, эдж-сити [27]. В свою очередь компании сектора бизнес-услуг, предоставляющие наиболее сложные услуги, извлекают огромную выгоду из агломерационного эффекта, получая доступ к кадрам, информации, сопутствующим отраслям в крупнейших городских центрах, ведь необходимость обслуживания всего мирового рынка предполагает наличие развитой сети филиалов.

Эмпирическое обоснование концепции глобального города предложено группой

³ Стоит отметить, что на сегодняшний день термины «мировой» и «глобальный» часто не разграничиваются и принимаются как синонимы. Хотя, в трудах *С. Сассен* есть достойное обоснование для их разведения.

«Глобализация и мировые города» (англ. – Globalization and World Cities Study Group, сокр. GaWC). Она сосредоточила внимание уже не на отдельных центрах, а на «архипелаге городов» – единой глобальной сети городов. Это принципиально отличает подход от идей, принятых в 1970–1980 гг. Можно говорить о смещении вектора в исследованиях от *концентрации штаб-квартир и деятельности ТНК в мировых городах к связям корпораций, их обслуживающих*. Одно из достижений группы – создание иерархии глобальных городов, разведенных по значимости на три группы: альфа, бета и гамма [30]. В дальнейшем с использованием математических моделей коллектив акцентирует внимание на уточнении количества, измерении силы, изменчивости иерархии, особенностях строения сети глобальных городов. Несмотря на большое число вариантов подготовленных классификаций, список лидеров со временем практически не изменяется: Нью-Йорк, Лондон, Париж, Токио, Гонконг и ряд других центров [46].

Актуальность вопроса идентификации глобального города вкупе с многообразием исследовательских инициатив и возможностей послужило толчком в 2000-е гг. к формированию многих новых идей. Часть из них, практически полностью основывается на модернизации позиций корпоративного подхода, часть погранична, часть уводит в другие ипостаси. В контексте первой гипотезы однозначно выделяются:

- *Классическое направление* исследования городов на основе концепции С. Сассен и ее эмпирической проработки группы П. Тейлора, которое опирается на сверку иерархии и размещения моделей на основе оценки комплекса межфирменных связей ТНК [42–43; 46];
- *Отраслевое направление*, оценивающее глобальность центров по широкому спектру монофункциональных признаков, т.е. с позиции роли ТНК в отдельных видах деятельности (финансовые, промышленные центры, медиа-города и пр.). Так, Э. Уайли и Т. Пирс на основе данных GaWC провели кластеризацию городов по отраслевому профилю, ориентируясь только на бизнес-услуги [29; 54]. С. Кратке, анализируя ряд отраслей

мирового хозяйства, в том числе автомобильную и электронную промышленность, выделяет основные узлы, формирующие глобальную сеть филиалов, к которым относятся как признанные города-лидеры (Токио, Нью-Йорк, Чикаго, Париж), так и специализированные центры (Детройт, Гетеборг, Базель). Сравнивая положение города в рейтинге GaWC и своем отраслевом рейтинге, автор старается подтвердить и закрепить представление о «множественных глобализациях», существующих в системе глобальных городов [35; 36].

- *Коммуникативное направление* обращается к оценке места крупнейших бизнес-структур в системе глобальных потоков (финансовых, транспортных, торговых, информационных). Так, Дж. Рутерфорд подробно подходит к изучению роли телекоммуникаций как центрального элемента связей глобальных городов, делая упор на различия в формировании телекоммуникационной инфраструктуры, которая зависит от социальных, политических, экономических и географических факторов [41].

В контексте альтернативной гипотезы, исходящей из вторичности роли ТНК в формировании глобальной сети городских центров и их «промежуточной» роли в развитии глобальной экономики, выделяются два подхода «узкий» и «широкий». К примеру, минимизирует значение транснационализации З. Нил, обращая внимание на характеристики центральности и мощи глобальных городов. Центральность места по З. Нилу – это количество рынков, у которых есть прямой доступ к рассматриваемому городу через филиалы компаний передовых услуг. Она обеспечивает доступ к разнообразным ресурсам за счет связей с другими городами. Мощь проявляется в сосредоточении уникальных ресурсов при меньшей вовлеченности в сеть глобальных городов [40]. Широкий подход – *комплексное или рейтинговое направление* – пожалуй, самое «модное» ныне, получившее развитие благодаря ранжированию городов по большой совокупности индикаторов, разработанных консалтинговыми компаниями и исследовательскими институтами (Global Cities Index and Emerging Cities Outlook; Global Power City Index; Global Cities Index,

The Wealth Report, Best Cities Ranking and Report и многие другие). В большинстве случаев вопросы транснационализации присутствуют, но, как правило, на вторых ролях; заглушаются обилием иной информации и разнообразных субиндексов [28–30; 48].

Проблемы корпоративного подхода как метода изучения глобального города тесно связаны с рядом моментов как чисто практического характера, включая дефицит доступных и качественных данных о ТНК в городах, так и методологического плана. В число последних входят: «со стороны города» – молодость и пока несовершенство концепции глобального города, недостаточная разработанность понятийно-терминологического аппарата и методик исследования, а «со стороны транснационализации» – начиная с отсутствия четкого определения ТНК и заканчивая формулировкой места и развернутым содержанием корпоративного подхода в идентификации глобальности центров. На этом серьезном проблемном фоне хотелось бы акцентировать внимание на ряде относительно частных, но важных вопросов:

Во-первых, ныне превалирует подход к исследованию глобальных городов через сети компаний в сфере бизнес-услуг. С одной стороны, уникальное положение именно этого сектора не раз доказано – он сконцентрирован в ограниченном числе мест [30]. Но при этом игнорируется роль спроса, как фактора, определяющего их существование: в зависимости от географического положения города, культурных обычаев, качества жизни, законодательных норм и множества других обстоятельств. В разных городах обращение к однородным бизнес-услугам различается. Ключевым фактором является наличие корпораций, выказывающих интерес к данным услугам. В зависимости от отраслей специализации экономики города, спрос будет качественно разным, и связи города будут выстраиваться в соответствии с его ключевыми компетенциями на мировом рынке. Верно и обратное: бизнес-услуги выступают как инфраструктурный базис для всех ТНК. Его отсутствие ограничивает привлекательность даже самого крупного города. Характерные примеры влияния специализации на развитие сопутствующих и обслуживающих отраслей – Детройт и Хьюстон, где основные отрасли дают импульс к возникновению и процветанию всех прочих [8; 9]. Анализ

глобальных городов не только сквозь призму присутствия специализированных услуг, но и прочих видов деятельности, позволяет оценить всю сложность и массивность корпоративных структур, их пространственное переплетение и взаимодействие; по-новому и более корректно классифицировать и дифференцировать города.

Во-вторых, сложившийся корпоративный подход в изучении сети и иерархии глобальных городов, как правило, предполагает использование инструмента концентрации руководящих звеньев материнских компаний. Однако истинную силу центра в международном разделении труда и его роль в управлении мирохозяйственными процессами дает присутствие не только собственных ТНК, но и корпораций других стран. Теоретическая модель должна отображать размещение ТНК как национального ранга, так и зарубежных компаний. Если первая сторона явления изучена весьма детально, то вторая – очень скромно. Нам известны лишь единичные разработки в данной области. Так, основываясь на рейтинге корпораций Global 500, *А. Альдерсон и Дж. Бэкфилд* выявили дислокацию всех представительств 446 корпораций в 3692 городах и выделили две задающие компоненты: мощь и престижность города. Мощь измеряется на базе трех параметров центральности: масштаба исходящих связей, основанного на числе штаб-квартир ТНК; близости, отражающей возможность получения ресурсов в других городах, и промежуточности, показывающей важность центра как передаточного звена. Престижность рассчитывается на данных по входящим связям. Результаты исследования в очередной раз отразили доминанту Нью-Йорка, Лондона, Токио и Парижа в сети глобальных городов [20].

В-третьих, во многих трудах анализ проводится без учета конкретных функций представительств ТНК (офис продаж, маркетинга; сервисный центр и т.д.) и стратегий компаний; географических особенностей принимающей страны и страны происхождения корпорации, влияния компаний на местные отраслевые рынки и экономику в целом. Здесь на помощь приходит корпоративная география, комплексно исследующая ТНК, расширяя исследовательское поле, объединяющее глобальный город и ТНК, за счет обогащения корпоративного подхода теми

характеристиками компаний, которые позволяют сделать изучение глобального города более объемным [44]. Корпоративная география позволяет шире взглянуть на сложный симбиоз города и корпорации, провести его всесторонний анализ, учитывая как общие, так и индивидуальные факторы привлекательности мировых центров.

В-четвертых, открытым остается вопрос «рабочих» границ глобального города и его пространственной структуры. Несмотря на то, что целостность городского региона и значение периферии отмечается многими специалистами, детальный анализ формирования территории глобального города с позиций корпоративного подхода не проводился [20; 40]. Вместе с тем, наши исследования на примере центров США доказали «уход центра» и колоссальную роль пригородной зоны [9]. На периферии агломераций Лос-Анджелеса, Детройта, Сан-Хосе и ряда других городов ныне дислоцируется более половины всех филиалов крупнейших иностранных корпораций⁴.

В-пятых, ощутима недооценка негативного влияния ТНК на городскую среду, культуру, социум в целом. Имеется множество работ, рассматривающих это влияние в контексте отдельных регионов, стран, отраслей, но крайне редко – в контексте городов [например, 21]. Наблюдается генерализация, сводящаяся к констатации таких проблем как «расслоение общества» или «неравномерное развитие территорий»; игнорирование или мягкий уход от оценки эффектов процесса деконтекстуализации. Отсутствие реальной оценки отрицательного эффекта транснационализации может привести к некорректным обобщениям и разделению всех явлений на «белое и черное».

Выводы. Взаимозависимость городов и ТНК сложно переоценить, что актуализирует разработку корпоративного подхода как особого научного метода изучения глобальности крупнейших городских образований мира.

Для географии мирового хозяйства глобальный город интересен как полигон, на котором взаимодействуют сетевые структуры ТНК, определяющие пространственно-организационную структуру мирового хозяйства, ключевыми узлами которой становятся международные центры разного иерархического уровня. Именно в глобальных городах происходит непосредственное взаимодействие разных подсистем ТНК – от производственных до управленческих.

Сетевые структуры ТНК используют, а зачастую подстраивают подсистемы города под нужды корпоративного разделения труда в соответствии с территориально-организационными структурами компаний. ТНК разных стран взаимодействуют на разных уровнях в рамках городской среды, вовлекая ее в международное разделение труда, изменяя и делая частичкой глобального мира через «архипелаг городов».

Корпоративный подход акцентирует внимание на значимости дислокации в городах не только материнских, но и зарубежных ТНК. Именно присутствие последних определяет вес и положение города в глобальной сети городов, указывая на его участие в транснациональном разделении труда, на значимость и привлекательность города.

Чрезвычайно важна практическая сторона изучения симбиоза корпораций и городов. Для первых знание городской среды – это возможность максимизировать эффективность решений в плане осуществления пространственных стратегий. Для вторых – «бонус» в виде налоговых поступлений, занятости населения, инноваций, делового имиджа и пр. Объединение усилий властей, местного и транснационального бизнеса, специалистов в области корпоративной географии и урбанистики – залог верного позиционирования города, разработки стратегии его развития, учитывающей необходимость привлечения крупных корпораций, нацеленности на создание необходимой бизнес-среды, что особенно актуально в российских условиях.

Библиографический список

1. Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слукa. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 448 с.
2. Гречко Е.А., Пилька М.Э., Слукa Н.А. Азиатские транснациональные корпорации в глобальных городах США // Азия: демография – экономика – интеграция. Ежегодник – 2014–2015: сборник статей / Под ред. Л.В. Шкваря. М.: РУДН, 2015. С. 117–130.

⁴ Под крупнейшими подразумеваются корпорации, входившие в рейтинг Forbes 2000 в 2013 г.

3. Гречко Е.А. Географические различия корпоративных систем управления. М.: Географический факультет МГУ, 2015. 148 с.
4. Гречко Е. А. Транснациональный менеджмент – управление ТНК в эпоху глобализации // Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, идеология, безопасность. Мировое развитие. Вып. 3. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 107–113.
5. Кротков А.И. Региональные стратегии транснациональных корпораций на развивающихся фармацевтических рынках. Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2013. 144 с.
6. Кузнецов А.В. Транснациональные корпорации стран БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С. 3–11.
7. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В., Туровский Р.Ф., Четверикова А.С. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов. 3-е изд. М.: Либроком, 2013. 440 с.
8. Пилька М.Э., Слука Н.А. Глобальность городов США с позиций корпоративного подхода // Экономічна та соціальна географія: Наук. зб. Київ, 2014. Вип. 1 (69). С. 86–94.
9. Пилька М.Э., Слука Н.А. Размещение представительств зарубежных транснациональных корпораций в глобальных городах США // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2014. № 4. С. 75–82.
10. Потоцкая Т.И. Изучение транснациональной деятельности компаний, как элемент отраслевого анализа (на примере алмазно-бриллиантового комплекса) // Менеджмент в России и за рубежом. 2006. № 6. С. 12–20.
11. 40 процентов мирового богатства контролируют 147 транснациональных корпораций // Центр гуманитарных технологий. 2011.10.24. URL: <http://gtmarket.ru/news/corporate/2011/10/24/3685> (дата обращения: 01.10.2014).
12. Родионова И.А. Мировая промышленность: структурные сдвиги и тенденции развития (вторая половина XX – начало XXI вв.). М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2009. 231 с.
13. Рыкунова Е.С. Территориально-организационная структура крупнейших авиакомпаний мира (на примере «Люфтганза Групп»). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2011. 24 с.
14. Самусенко Д.Н. Транснациональные корпорации в современной географии мирового хозяйства // География в школе. 2012. № 2. С. 48–53.
15. Слука Н.А. Глобальные города в современной архитектуре мироустройства // Региональные исследования. 2006. № 1. С. 5–21.
16. Слука Н.А. Градоцентрический вектор в развитии мировой системы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2006. № 5. С. 3–10.
17. Ткаченко И.А. Территориально-организационная структура автомобильной ТНК (на примере корпорации «ДаймлерКрайслер»). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2005. 24 с.
18. Трифонова И.В. Роль транснациональных корпораций в глобализации мировой экономики // Молодой ученый. 2013. № 9. С. 243–245.
19. Abrahamson M. Global Cities. Oxford University Press, 2004.
20. Alderson A.S., Beckfield J. Power and Position in the World City System // American Journal of Sociology, 2004, 109, 4. P. 811–851.
21. Bennett J. Multinational Corporations, Social Responsibility and Conflict // Journal of International Affairs, 2002, 55, 2. P. 393–410.
22. Bourdeau-Lepage L., Huriot J. M. Megacities vs Global Cities // Development and Institutions. 2006.
23. Clark D. Urban World, Global City. L., N.Y., 2003.
24. Cohen R. The New International Division of Labor: Multinational Corporations and Urban Hierarchy, in Urbanization and Urban Planning in Capitalist Society, M. Dear and A. Scott, Eds., Methuen, L., 1981. P. 287–315.
25. Corporate Geography. Business Location Principles and Cases. Ed. by R. Laulajainen, H.A. Stafford. Springer Science+Business Media Dordrecht, 1995–2013.
26. Friedmann J. The World City Hypothesis // Development and Change. 1986.
27. Garreau J. Edge city: Life on the New Frontier (1st Anchor Books ed.). N.Y.: Anchor Books, 1992.
28. Global City Competitiveness. The Economist Intelligence Unit United Limited. 2012.
29. Global City Index. A.T. Kearney. 2012.
30. Global Urban Analysis: A Survey of Cities in Globalization / Ed. by P. Taylor ... [et al.]. 2011.
31. Hall P. Globalization and World Cities / UNI/IAS Working Paper. 12, 1996.
32. Hall P. The World Cities. Third ed. N.Y., 1984.
33. Hymer S.H. The Multinational Corporation and the Law of Uneven Development, in Bhagwati, J.W. (ed.), Economics and World Order, N.Y.: Macmillan, 1971. P. 113–140.
34. Hymer S.H. The Internationalization of Capital // The Journal of Economic Issues, 1972, 6, 1. P. 91–111.
35. Kratke S. How Manufacturing Industries Connect Cities across the World: Extending Research on 'Multiple Globalization' // GaWC Research Bulletin 391, 2011. – Mode of access: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb394.html>
36. Kratke S., Taylor P. A World Geography of Global Media Cities // European Planning Studies, 2004, 12, 4. P. 459–477.
37. Krumme G., Fleming D.K. The «Royal Hoesch Union»: Case Analysis of Adjustment Patterns in the European Steel Industry // Tijdschrift voor economische en sociale geografie, 1968, 59. P. 177–199.
38. McNee R.B. Functional Geography of the Firm, with an Illustrative Case Study from the Petroleum Industry // Economic geography, 1958, 34. P. 321–337.
39. McNee R.B. A Systems Approach of Understanding the Geographic Behaviour of Organizations, Especially Large Corporations // In: F.E. Ian Hamilton (ed): Spatial Perspectives on Industrial Organization and Decision-making, Wiley: L., 1974. P. 47–75.

40. Neal Z. Differentiating Centrality and Power in the World City Network // *Urban Studies*, 2011, 48(13). P. 2733–2748.
 41. Rutherford J. Networks in Cities, Cities in Networks: Territory and Globalization Intertwined in Telecommunications Infrastructure Development in Europe // *Urban Studies*, 2005, 42(13). P. 2389–2406.
 42. Sassen S. *Cities in a World Economy*. L., 1994.
 43. Sassen S. *Global Network/Linked Cities*. Routledge. 2002.
 44. Sluka N.A. Goals, Tasks, and Problems of Corporative Geography // *Гласник Herald*. Vol. XIX. Banja Luka. 2015. P. 15–35.
 45. Smith R.G. Beyond the Global City Concept and the Myth of 'Command and Control' // *International Journal of Urban and Regional Research*, 2014, 38. P. 98–115.
 46. Taylor P. *World City Network: A Global Urban Analysis*. Routledge, 2004.
 47. The McKinsey Global Institute (MGI). URL: <http://www.mckinsey.com/> (дата обращения: 22.03.2016).
 48. *The Wealth Report*. Knight Frank. 2013.
 49. UNCTAD. *The World Investment Report*. 2002. *Transnational Corporations and Export Competitiveness. The Overview*. N.Y.-Geneva, 2002. 85 p.
 50. UNCTAD. *The World Investment Report*. 2013. *Global Value Chains: Investment And Trade For Development*. 2013.
 51. Vitali S., Glattfelder J., Battiston S. *The Network of Global Corporate Control // The OECD Guidelines for Multinational Enterprises*. Zurich, 2011. 36 p.
 52. Watts H.D., Kirkham J. *Plant Closures by Multi-locational Firms: A Comparative Perspective // Regional studies*, 1999, 33. P. 413–424.
 53. Wyly E. *Mapping Global Firms and World Cities*. *Global 350, Introduction to Urban Geography*. 2011.
 54. Yung H.W., Olds K. *From The Global City to Globalizing Cities: Views from a Developmental City-State in Pacific Asia*. Singapore, 2001.
 55. <http://www.lboro.ac.uk/gawc/index.html> – официальный сайт международной исследовательской группы «Глобализация и мировые города» (Globalization and World Cities, GaWC).
-

МЕТОДИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 332.1:519.862

Мядзелец А.В., Черкашин А.К. (Иркутск)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ ИНДИКАТОРЫ ДЛЯ СРАВНЕНИЯ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

Myadzelets A.V., Cherkashin A.K.
SPATIAL AND TEMPORAL INDICATORS
TO COMPARE THE CONDITIONS FOR DEVELOPING THE ECONOMY
OF RUSSIAN REGIONS

***Аннотация.** Математические модели и статистические методы используются для сравнительного анализа условий территориального развития регионов Российской Федерации на основе временных рядов данных по инвестициям и объемам производства промышленности и сельского хозяйства за 2000–2013 гг. Модель обобщенных потенциалов (интегральных показателей) представляет собой билинейную функцию экономических факторов – экстенсивных потенциалов объемов производства и характеристик чувствительности (интенсивных потенциалов) – акселераторов инвестиционного процесса на территории. Оценивается временная и пространственная неоднородность инвестиционных процессов и выполняется типологизация регионов на основе анализа межрегионального сходства по критерию Якоби. Рассчитывается эффективность инвестиций на основе производственных (акселераторов) и региональных (средовых смещений) характеристик экономической среды, изменяющихся во времени и по регионам. Выделены территории с различным уровнем инвестиционной эффективности и построены карты пространственного варьирования этого показателя.*

***Abstract.** Mathematical models and statistic methods are used for comparative analysis of conditions of territorial development of Russian Federation regions on the base of the time series of investment and product of industry and agriculture for 2000–2013. The model of generalized potentials (integrated indices) is a bilinear function of economic factors – extensive potentials of production volume and sensitivity characteristics (intensive potentials) – accelerators of investment process at the territory. Temporal and spatial heterogeneity of the investment process is assessed and typology of the regions is carried out on the base of analysis of interregional similarity and Jacob determinant. The investment efficiency is calculated on the base of production (accelerators) and regional (condition shifts) parameters of economic environment changing according by the time and regions. As the results the investment process acceleration is shifted in time in different regions. Territories with various level of the investment efficiency are defined and spatial changing of this indicator is mapped.*

***Ключевые слова:** неоднородные экономические системы, инвестиционный процесс, индикаторы эффективности и сходства регионов.*

***Keywords:** heterogeneous economic systems, investment process, indicators of regional efficiency and similarity.*

Введение. Одна из основных проблем региональных исследований – разработка моделей и методов сравнительного экономико-географического анализа факторов и условий развития территориальной организации с целью выяснения общих принципов связи и трансформации общественных структур при перемещении от одной к другой социально-экономической системе во временном и пространственном измере-

нии. В этой работе особенно важным является определение качественных (структурных) и количественных (интегральных) показателей сравнения, позволяющих, во-первых, отделить одни объекты изучения от других, и, во-вторых, определить правила преобразования объекта в объект при изменении измеряемых показателей.

Такие задачи, в частности, решаются методами сравнительного анализа (компара-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-02-00570(а)

тивистике) экономических систем (ЭС) [13; 30], прежде всего, экономик разных стран с фиксацией и объяснением причин сходства и различия хозяйственной деятельности с учетом конкретных исторических и географических условий. Основной задачей становится поиск теоретических оснований для сравнительного исследования ЭС, нацеленный на выделение и сопоставление типов ЭС (типологизацию). В основе сравнительного анализа ЭС лежат концептуальные представления многих теоретических школ [18], что естественно с позиций полисистемного подхода [23], когда объект исследования изучается с разнообразных сторон как системы разного рода, различного системного качества. Для каждого системного среза в специальных терминах формулируется особое представление об элементах и связях объекта, законах их взаимосвязи и изменения. Исследовательские задачи обсуждаются как в общих политико-экономических понятиях соотношения социально-экономических явлений, так и с применением количественных моделей и методов [6; 9]. Например, сопоставительное изучение механизмов функционирования ЭС [1; 17; 29] позволяет рассматривать ЭС с точки зрения институционального управления, технологического уклада, соотношения форм собственности и рыночного регулирования экономического поведения и моделировать ЭС теоретико-игровыми средствами.

В географических исследованиях сравнительный метод является основным, ориентированным на изучение процессов формирования территориальных комплексов различных свойств и масштаба в различающихся условиях, рассматриваются причины неравенства развития хозяйства [3]. Комплекс как система функциональной связи (аналогии и гомологии) разнокачественных образований (производство, отрасли, регионов) [4] моделируется в терминах подобия ЭС по гомотопическому критерию – индивидуальному содержательному показателю, от которого зависят все остальные признаки ЭС. Таким критерием при историческом сравнении выступает время, с течением которого происходит количественная и качественная трансформация систем. В общем случае, в терминах Т. Шидера [2; 28], такой критерий должен быть синтетической макрохарактеристикой индивидуальных объектов для их сравнительного анализа.

Поиск требуемых макрохарактеристик осуществляется в теории систем потенциалов [23], в которой обобщенный (синтетический, интегральный) потенциал рассчитывается через частные аддитивные потенциалы (факторы), такие как национальное богатство, запасы энергии и природных ресурсов, производственный и финансовый капитал, рабочая сила, а также через изменение этих показателей по пространственному и временному параметру (градиенты и скорости): объему производства, валовому региональному продукту, инвестициям и т.д. В качестве обобщенного потенциала имеет смысл использовать показатель полезности, который в неоклассической экономической теории максимизируется в среде ограниченных ресурсов при возрастающих потребностях на уровне домохозяйств, фирм, регионов и стран. В более общей постановке задачи данная теория нацелена на поиск специфических критериев эффективности различных типов ЭС и универсальных критериев для их сопоставления и типологизации, что близко по содержанию к задачам экономического анализа и экономической квалиметрии.

Необходимо искать новые инструментальные средства в виде теоретических и эконометрических моделей для обработки экономической информации и по результатам расчетов провести сравнительный анализ экономики регионов по критериям различия и сходства условий хозяйственной деятельности.

Экономическая модель. Рассматриваются системы обобщенных потенциалов $z_j(x_j)$ ($j = 1, \dots, m$), связывающих наборы частных экстенсивных потенциалов $x_j = \{x_i\}, (i = 1, \dots, n)$ – экономических факторов, например, в виде производственных функций разных предприятий, отраслей или регионов [11], отражающих зависимости объемов выпуска продукции z_j от используемых в производстве ресурсов x_j . Такие однородные функции $z_j(x_j) = s z_j(x_j)$ являются решением уравнения Эйлера [5]

$$z_j(x_j) = \sum_{i=1}^n a_i x_i, \quad a_i = \frac{\partial z_j}{\partial x_i}, \quad (1)$$

где $a_i = \{a_i\}$ – интенсивные потенциалы (чувствительности). Уравнение описывает взаимосвязи переменных модели при прочих равных условиях, т.е. без учета осо-

бенностей условий производства. Условия принимаются во внимание при сдвиге начала координат системы с нулевой позиции (0,0) в точку (z_{0j}, x_{0j}) , характеризующую среду хозяйственной деятельности:

$$z_j(x_j) - z_{0j} = \sum_{i=1}^n a_j (x_j - x_{0j}), \quad (2)$$

$$a_j = \frac{\partial(z_j - z_{0j})}{\partial(x_j - x_{0j})}$$

Такое уравнение является базовым при моделировании территориальной организации [24] и получается из чисто математических соотношений с естественными ограничениями на связи переменных [27], в частности, при условии постоянства средовых характеристик x_{0ij} . В этом случае уравнение (1) из однородного превращается в неоднородное уравнение с симметричной структурой относительно наблюдаемых (натуральных, текущих) (z_j, x_j) и средовых показателей (z_{0j}, x_{0j}) .

$$z_j(x_j) - \sum_{i=1}^n a_j x_j =$$

$$= z_{0j} - \sum_{i=1}^n a_j x_{0j}, \quad a_j = \frac{\partial z_j}{\partial x_j} \quad (3)$$

Линейная относительно $a_j = \{a_j\}$ формула

$$f_j(a_j) = z_{0j} - \sum_{i=1}^n a_j x_{0j} \quad (4)$$

синтетически отражает свойства системы потенциалов и ее среды. Различия $w_j(x_j) = z_j(x_j) - z_{0j}$, $y_j = x_j - x_{0j}$ соответствуют величинам свободных (реальных, действующих) потенциалов, которые и учитываются в расчетных формулах. Например, трудовой потенциал y_{ij} предприятий региона j – это численность рабочего персонала производств, которая определяется численностью населения x_{ij} территории за вычетом x_{0ij} нетрудоспособного населения (дети, пенсионеры по старости, инвалиды) и трудоспособного населения, занятого в непродуцирующей сфере, а также числа безработных. Последние категории населения определяют среду формирования трудовых ресурсов, которую необходимо учитывать при расчетах доходов, расходов и инвестиций. Характеристики среды, как в данном примере, можно получить прямыми вычислениями

или косвенно по данным с использованием формул (3) связи потенциалов, когда оцениваются и учтенные, и неучтенные факторы типа потери рабочего времени по причине временной нетрудоспособности (болезни). При наличии длинных рядов данных решение обратной задачи дает возможность оценить скрытый потенциал среды хозяйственной деятельности и учесть его в виде факторных поправок (условий), индивидуальных для каждой ЭС.

Такой средовой подход интересен для исследования неоднородных ЭС [8; 20]. Действие принципа «при прочих равных условиях» предполагает неизменность всех второстепенных факторов и обстоятельств, что приводит к неоднозначным результатам [21]. В общем случае неоднородность рассматривается как параметр, нарушающий известные теоретические модели, что порождает новые знания, дающие более корректное описание наблюдаемых явлений. Это обеспечивается возникновением новых связей, превращающих несистемную совокупность разнородных элементов в хозяйственную систему [20]. Особенно важно учитывать пространственную неоднородность регионов России при формировании единой ЭС страны, принимая во внимание исторические и географические условия их развития. В исследовании это обусловлено переходом от однородных (1) к неоднородным (2) уравнениям анализа временных рядов данных, что связано с некоторыми особенностями их обработки.

На первом этапе, согласно соотношениям (3)-(4), связь наборов данных $z_j(t)$ $x_j(t)$ аппроксимируется поинтервально в скользящем режиме уравнением линейной регрессии

$$z_j(x_j) = \sum_{i=1}^n a_j x_j + f_j \quad (5)$$

с оценкой значений коэффициентов $a_j = \{a_j\}$ и f_j для каждого временного интервала. Затем исследуется линейная зависимость $f(a_j)$ вида (4) с определением коэффициентов $z_{0j}, x_{0j} = \{x_{0j}\}$ методами регрессионного анализа. По результатам расчета восстанавливается вид уравнения (2) для каждого региона j с изменяющимися во времени коэффициентами a_{ij} и постоянными региональными характеристиками среды z_{0j}, x_{0j} . Высокими значениями коэффициентов множественной корреляции линейной зависимости (4) обосновывается одно-

родность функций $w_j(x_j) = z_j(x_j) - z_{0j}$ (зависимость от масштаба и ход времени) относительно смещенных значений аргументов $y_{ij} = x_j - x_{0ij}$ и постоянство географической среды производства.

Количественное, метрическое сравнение ЭС обычно проводится сопоставлением различных факторов с их средними значениями или характеристиками объектов, выбранных за норму, что часто используется при картографировании для обработки пространственных данных [22]. Применяемая при этом мера z_j евклидова расстояния также является решением уравнения (2).

Для функционального сравнения объектов при одинаковом наборе факторов $x = \{x_j\}$ удобно использовать определитель Якоби [15, 25, 26], который для модели (2) при $n = 2$ и $m = 2$ имеет вид

$$J = \begin{vmatrix} \frac{\partial z_1}{\partial x_1} & \frac{\partial z_1}{\partial x_2} \\ \frac{\partial z_2}{\partial x_1} & \frac{\partial z_2}{\partial x_2} \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} a_{11} & a_{21} \\ a_{12} & a_{22} \end{vmatrix} = a_{11}a_{22} - a_{12}a_{21} \quad (6)$$

Если $J = 0$ в некоторой области значений переменных x_1 и x_2 , то функции z_1 и z_2 в этой области взаимозависимы; при $J \neq 0$ эти функции независимы [14], и предполагается, чем больше отклонение значения J от нуля, тем связь величин z_1 и z_2 хуже.

Последнее утверждение теоретически обосновывается связью J с определителем Грама Γ , величина которого является мерой независимости векторов и функций в показателях отклонения положительного значения Γ от нуля, указывающего на их зависимость [16]: $\Gamma = J^2$. Функциональное сравнение инвестиций $z_j(x)$ разных регионов как функций (1) от объемов производства x (аналогично от y_j) сводится к расчету определителя J компонентов двойственных x векторов a_j по каждому региону ($j = 1$ и 2). При $J = 0$ зависимость векторов a_1 и a_2 указывает на зависимость сравниваемых функций z_1 и z_2 , а увеличение абсолютного значения J или J^2 – на рост степени независимости функций. В силу однородности этих функций $z_j(x_j) = sz_j = (x_j)$, показатель J не определяется ни масштабом производства, ни масштабом текущих цен, т.е. свободно работает в аспекте пространственного и временного сравнения и характеризует только функциональное сходство и различие ЭС.

Независимость функций по критерию J служит условием разрешимости системы уравнений, т.е. система описывается независимыми соотношениями, каждое из которых несет индивидуальную информацию о связях и не дублирует остальные. В этом смысле определитель J является основанием для типологизации регионов [4]. В сходных регионах при $n = m = 2$ в идеале $J = a_{11}a_{22} - a_{12}a_{21} = 0$, откуда справедливы соотношения и линейные связи

$$\begin{aligned} a_{11}/a_{21} &= a_{12}/a_{22} = k_0, \\ a_{11}/a_{12} &= a_{21}/a_{22} = k, \end{aligned} \quad (7)$$

т.е. переменные коэффициенты модели (2) должны быть пропорциональны с инвариантными индексами k и k_0 , по которым идет сравнение. Индекс

$$k_0 = \frac{\partial(z_1 - z_{01})}{\partial(x_1 - x_{01})} / \frac{\partial(z_2 - z_{02})}{\partial(x_1 - x_{01})}$$

отражает межрегиональную сопряженность, однотипность процесса, а индекс

$$k = \frac{\partial(z_1 - z_{01})}{\partial(x_1 - x_{01})} / \frac{\partial(z_1 - z_{01})}{\partial(x_2 - x_{02})}$$

– межфакторную сопряженность изменений экономических показателей в одном регионе. Это обеспечивает неоднозначную зависимость обобщенных потенциалов z_1 и z_2 от взвешенной суммы факторов

$$\begin{aligned} z_1 &= F_1[x_2 - x_{02} + k(x_1 - x_{01})] + z_{01}, z_2 = \\ &= F_2[x_2 - x_{02} + k(x_1 - x_{01})] + z_{01} \end{aligned}$$

и факторов от z_1 и z_2 разных регионов

$$\begin{aligned} x_1 &= \Phi_1[k_0(z_2 - z_{02}) + z_1 - z_{01}] + x_{01}, x_2 = \\ &= \Phi_2[k_0(z_2 - z_{02}) + z_1 - z_{01}] + x_{02} \end{aligned}$$

с учетом средовых смещений.

В постоянной среде при постоянстве отклонения $z_j - z_{0j} = c_j$ при разных значениях x указанные индексы имеют экономический смысл предельной нормы замещения фак-

$$k = -\frac{\partial x_2}{\partial x_1} \quad \text{и} \quad k_0 = -\frac{\partial z_1}{\partial z_2}$$

торов и регионов. Количественное сравнение по этим индексам позволяет обеспечить выбор наилучшего варианта в концепции районно-отраслевых рядов [10] и приводит к определению предпочтительного развития и размещения

отраслей, когда все отрасли и районы рассматриваются как взаимозаменяемые, использующие ресурсы межотраслевого назначения.

Для количественного сравнения регионов коэффициенты a_{ij} одного из них выбираются за основу, затем рассчитывается J_{ij} для остальных регионов для каждого года t и среднее квадратическое отклонение J_j от 0 за весь период. Таким образом, проводится сопоставление всех регионов и из них выбираются те, которые наиболее близки по критерию J_j .

Временная и пространственная неоднородность экономического развития. Изложенный алгоритм реализуется на примере исследования зависимости по регионам j валовых внутренних инвестиций $z_j(x)$ (млн руб./год) от объемов выпуска продукции промышленными x_{1j} и сельскохозяйственными x_{2j} предприятиями (млн руб./год) регионов России. Расчеты основаны на показателях (в текущих ценах) социально-экономического состояния и развития территорий из базы данных Госкомстата России за 1999–2013 гг.

Экономическое развитие описывается в терминах инвестиционного процесса, под которым понимаются циклы финансирования проектов, объемы которого связаны с результатами реализации проектов (производством) и обусловлены природной и социально-экономической средой инвестирования и хозяйственной деятельности. Реализуется механизм обратной связи – зависимости размеров инвестиций от результатов производственной или иной доходной деятельности, так что согласно (2) приращение инвестиций обусловлено увеличением объемов производства, эффективности инвестирования и улучшением инвестиционной среды. Исследуются индикативные связи потенциалов развития регионов $z_j(x)$ – текущего соотношения инвестиций и выпусков производства на фоне изменяющейся внешней и внутренней среды хозяйствования, определяемыми коэффициентами билинейной модели (2).

Коэффициенты a_{ij} в уравнении (2) имеют смысл показателя акселерации (интенсивность отдачи) инвестиционного процесса по группам отраслей. Значения x_{01j} , x_{02j} – это индикаторы хозяйственных условий развития экономики, влияющих на величину z_{0j} и на изменение инвестиционного потока $z_j(x)$. В фундаментальном смысле индикаторы условий развития совокупно зависят от мас-

штаба производства и ресурсного потенциала территории, величины факторов производства, включая численность населения и накопленные производственные мощности, оценки природной ренты, преимуществ географического положения, а также особенностей регионального управления и уровня федеральной поддержки регионов [19]. Индикаторы условий прямо определяются из временной серии экономических показателей и комплексно характеризуют изучаемый период, поэтому они могут трактоваться как показатели качества экономического роста и регионального развития [12].

Средовые характеристики z_{0j} , x_{0j} отличаются от средних значений показателей $z_j(t)$, $x_j(t)$ за 13 лет. Это позволяет утверждать, что средняя величина не является характеристикой среднего фона (нормой). Рассчитанные по формуле (4) с учетом z_{0j} , x_{0j} значения f_j совпадают (с корреляцией $R > 0,9$) со статистически определенными f_j (см. табл.). Теоретические, вычисленные по формуле (2), и эмпирические значения инвестиций совпадают с коэффициентом $R > 0,8$. Большинство средних значений инвестиций z_{0j} демонстрируют хорошее сходство ($R = 0,7$) с известными индексами инвестиционных потенциалов [7].

Проиллюстрируем алгоритм расчетов на примере сравнения экономик Новосибирской области и Алтайского края (табл.). Объемы производства и внутренние инвестиции в народное хозяйство в номинальных показателях постоянно росли за исключением спада после мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. По многим регионам величина f_j из уравнения (4) реагировала на кризис повышением значения, что позволяет использовать ее в качестве комплексного индикатора состояния экономики, снижение которого указывает на благоприятные изменения условий хозяйственной деятельности. Принимая во внимание различие масштабов экономик, для сравнительного анализа регионов удобнее применять относительную величину $\varphi = -f_j / z_{0j}$, характеризующую эффективность инвестиций по годам и в среднем за период: чем значительней эта величина, тем эффективность выше. В разных регионах колебания φ_j не синхронизированы (рис. 1), что связано с индивидуальной особенностью условий экономического развития и факторного изменения акселераторов a_{ij} по годам и регионам.

Таблица 1

Обработка данных по изменению объемов инвестиций (z_j), промышленного (x_{1j}) и сельскохозяйственного (x_{2j}) производства (млн руб. в год) (пояснения в тексте)

Новосибирская область								
Годы	x_{1j}	x_{2j}	z_j	f_j	a_{1j}	a_{2j}	J_{1j}	ϕ_j
1999	24699	14699						
2000	36487	21678	9369	-942	0,41	-0,21	0,52	0,013
2001	49953	25402	14084	-18228	0,00	1,28	0,28	0,264
2002	56595	26014	14843	-69012	-0,23	3,72	-0,48	1,000
2003	77787	29485	22914	-47809	-0,02	2,45	0,48	0,693
2004	105168	30281	24289	-309475	-0,30	12,07	-0,44	4,488
2005	143760	31932	32610	-256775	-0,21	10,02	-2,26	3,724
2006	181381	34179	47111	-120153	0,14	4,17	-0,74	1,742
2007	203183	42607	85229	-135338	0,30	3,75	-5,86	1,962
2008	256396	48295	122494	39458	1,19	-4,62	-6,22	-0,57
2009	247413	50534	101421	336842	0,53	-7,27	1,72	-4,885
2010	287610	52741	106822	-137003	-0,17	5,55	-3,77	1,986
2011	331082	60425	142078	-128145	0,65	0,90		1,858
2012	367641	56035	161955					
Среднее	169225	37451	68094	-70548	0,19	2,65	-1,52	1,023
Условия	179663	39709	68950					
Алтайский край								
Годы	x_{1j}	x_{2j}	z_j	f_j	a_{1j}	a_{2j}	J_{1j}	J_{2j}
1999	22622	15678	4562,3					
2000	30357	24428	6707	5478,653	-0,54312	0,725226	-0,06591	0,181076
2001	39009	31590	7202	4670,929	0,410579	-0,42688	0,012956	-0,52363
2002	45589	31821	9805	3681,192	0,409429	-0,39413	2,533825	-1,43328
2003	60340	37054	13782	-143382	-2,92463	9,00404	-0,73189	6,987759
2004	80079	43631	15272,4	20908,48	0,305172	-0,68928	0,199278	-3,47507
2005	92620	41946	20261	-6339,56	0,372482	-0,18831	0,558102	-3,69262
2006	116485	48883	27844	-32727,6	-0,13808	1,568138	-0,17448	0,789649
2007	130285	59559	42680	-39419,4	-0,01252	1,405844	-0,42129	0,468299
2008	181655	69243	55651	18973,89	0,302008	-0,26261	-0,00071	1,081844
2009	148133	76425	43641	19187,84	0,301584	-0,26459	0,587368	2,051652
2010	195881	84823	55819	-96815,8	-0,10347	2,038388	-1,94651	0,226968
2011	227311	93784	70833	21252,83	1,058294	-2,0364		-2,2804
2012	240583	94297	83834					
Среднее	115067,8	53797,29	32706,69	-18710,9	-0,04686	0,873286	0,050067	0,031854
Условия	75357,02	42897,85	15220,33					

Временная неоднородность J_{ij} связи экономик Алтайского края и Новосибирской области региона оценивается по формуле (6) при сопоставлении четырех смежных по годам акселераторов a_{ij} . Экономике по индикатору J_{ij} можно считать устойчиво развивающейся, если его значение укладывается в интервал $J_{ij} = \pm 1$. В Новосибирской области такой период продолжался с 1999 до 2007 г., а в Алтайском крае до 2009 г. В среднем вели-

чина J_{ij} близка к 0 в Алтайском крае и ниже -1 в Новосибирской области, что указывает на большую чувствительность последней к изменениям ЭС. Устойчивым характером инвестиционных связей почти во все годы обладают Воронежская и Белгородская области (среднее -0,08). Неоднородная по критерию J_{ij} экономика свойственна Астраханской, Архангельской и Амурской областям, а также Красноярскому краю. Во многих слу-

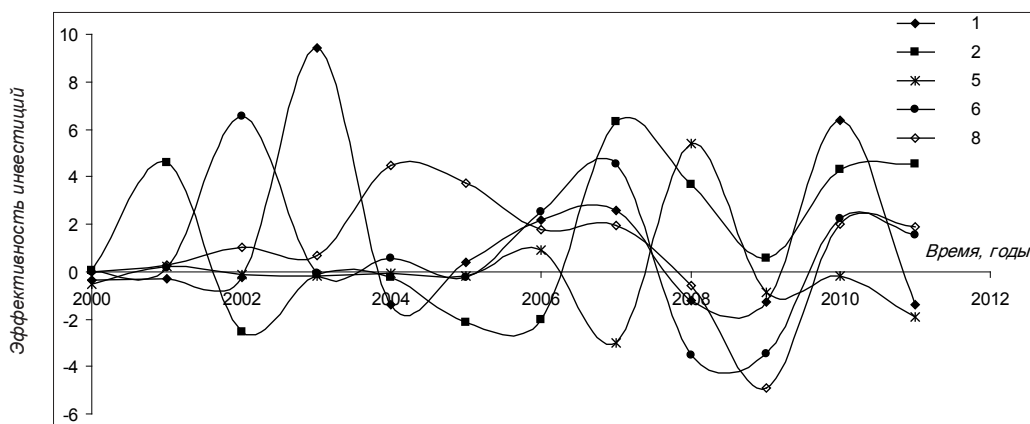

Рис. 1. Изменение во времени эффективности инвестиций по регионам: 1 – Алтайский край, 2 – Амурская, 5 – Владимирская, 6 – Иркутская, 8 – Новосибирская области

чаях определяющими здесь являются выскакивающие значения J_{ij} на фоне остальных устойчивых значений.

Низкое среднее значение J_{ij} по Алтайскому краю определяет линейную зависимость акселераторов промышленного и сельскохозяйственного производства вида (7) $a_{ij} = -0,34a_{2j} + 0,25$, $R = -0,9$, т.е. предельный рост инвестиций в промышленность края отрицательно влияет на увеличение инвестиций в сельское хозяйство. Коэффициент 0,25 – это показатель нарушения временной преемственности инвестиционного процесса, который в идеальной системе ($J=0$) согласно соотношениям (7) должен быть равен 0. Его расчет по показателям акселерации при постоянном значении межотраслевой нормы замещения ($-k = 0,34$) указывает на ухудшение преемственности в закономерностях инвестирования. В Новосибирской области $a_{ij} = -0,07a_{2j} + 0,36$, $R = -0,79$, что демонстрирует высокую межотраслевую (0,07) и межгодовую (0,36) неоднородность процесса, которая в исследуемый период колеблется вокруг среднего значения.

Благоприятные показатели ϕ_j инвестиций разных регионов России в начале 2000-х годов смещены во времени (рис. 1) и проявляются в следующей последовательности: Амурская и Иркутская области, Алтайский край, Новосибирская область. Перед кризисом 2008 г. наблюдался почти повсеместный подъем эффективности инвестиций, а после кризиса – повсеместное снижение вплоть до отрицательных значений ϕ_j . Высокие средние показатели ϕ_j за исследованный период имеют, например, Астраханская область

(3,14) и особенно Красноярский край (9,14), в экономике которого пик эффективности инвестиций приходится на посткризисные годы. По тенденциям изменения эффективности ϕ_j во времени Новосибирская область положительно коррелирует с Архангельской областью ($R = 0,79$) и отрицательно – с Красноярским краем ($R = -0,67$), т.е. в последнем случае изменение эффективности инвестиций во времени происходит по противоположному инвестиционному сценарию. Инвестиционная эффективность (1,02) в среднем за исследуемый период в Новосибирской области (см. табл.) выше, чем в Иркутской области (0,9), но ниже, чем, например, в соседнем Алтайском крае (1,23).

Появляется возможность сравнить по показателю квадратического отклонения J_j особенности реакции инвестиций на изменение объемов производства разных регионов, например, с Новосибирской областью, чтобы выявить сходные инвестиционные режимы хозяйствования. Из соседних областей по этому показателю Новосибирская область наиболее близка к Иркутской области и Алтайскому краю на уровне $J_j > 2$.

Для демонстрации пространственной неоднородности развития регионов в масштабе страны удобно использовать картограммы, на которых разной штриховкой показаны градации индикаторов неоднородности, в частности, значений ϕ_j и J_j (рис. 2).

Наименьшая эффективность ϕ_j (рис. 2а) соответствует Чукотскому автономному округу и Республике Мордовия, наибольшие – Республикам Бурятия и Якутия (Саха). В Бурятии это связано с низким уровнем

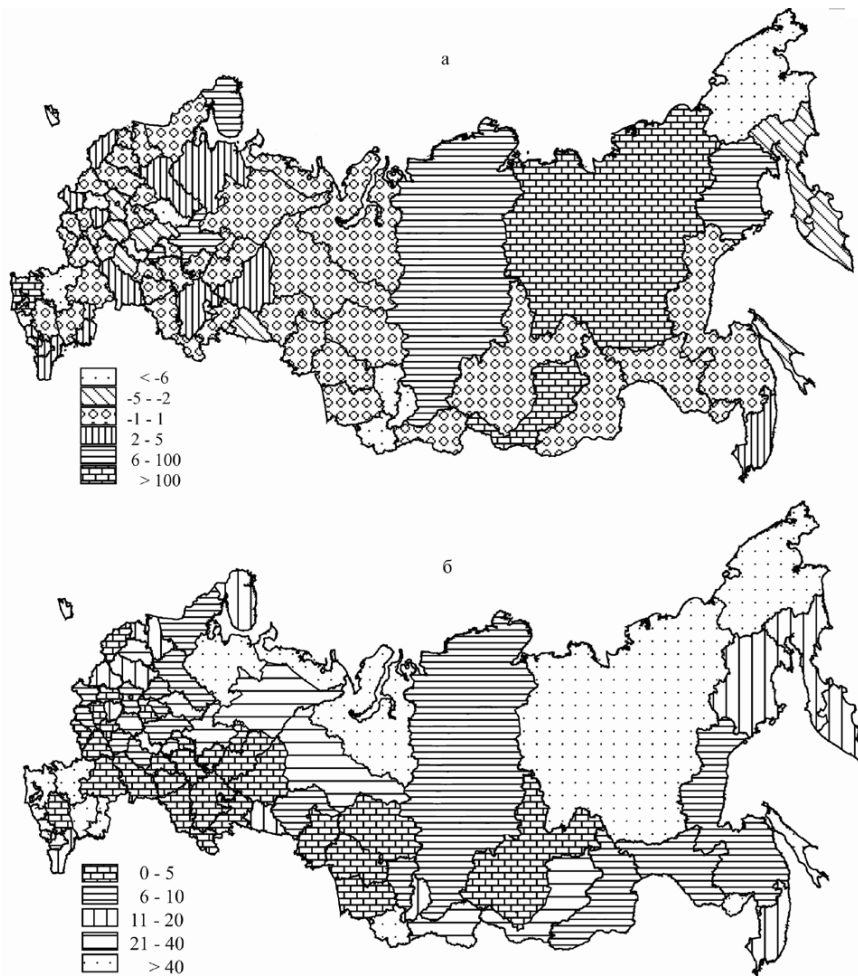

Рис. 2. Территориальная неоднородность регионов России в показателях а) эффективности инвестиций φ_j и б) межрегионального схождения J_j инвестиционных процессов. В легенде указаны интервалы изменения показателей для разного типа регионов.

инвестиционных условий z_{0j} . В Якутии наблюдается самое высокое в России среднее абсолютное значение эффективности f_j . Это определено тем, что в посткризисный период независимо от текущих результатов производства в экономику Республики вливались огромные средства, обеспечившие ускоренный рост ресурсных отраслей, что характерно для территорий нового хозяйственного освоения. Челябинская, Иркутская и Новосибирская области имеют благоприятную величину f_j со значениями φ_j близкими к единице. Эти области также обладают высокими показателями инвестиционных условий z_{0j} .

На картограмме функционального схождения развития региональных экономик с эко-

номикой Новосибирской области значения $J_j \leq 10$ выделяют регионы промышленного пояса России (рис. 2б). Наиболее сходными ($J_j \leq 2$) с Новосибирской областью по тенденциям развития являются Белгородская, Волгоградская и Самарская области. Территориально близкие Алтайский край, Иркутская, Томская и Омская области сходны с ней на уровне $J_j \leq 4$.

Обсуждение результатов и выводы.

Предлагаемые индикаторы эффективности инвестиций φ_j и межрегионального схождения J_j инвестиционных процессов являются интегральными показателями, количественно характеризующими влияние внутренней (через акселераторы a_{ij}) и внешней (через

условия z_{0j}, x_{0j}) среды. Индикатор φ_j указывает на относительные темпы развития экономики, в силу чего его значение должно максимизироваться. Индикатор J (6) показывает степень временной и пространственной связности инвестиционных процессов по регионам, поэтому по его значению можно судить об однородности этих процессов. Он чувствителен к трансформации типов процессов и связей, вызванных различными причинами, в том числе в ответ на влияние финансово-экономических кризисов разного уровня. Экономика регионов после мирового кризиса 2008 г. стала менее устойчивой и более изменчивой по показателям связи инвестиций и объемов производства.

При временном сравнении значение J_{ij} в регионе должно минимизироваться, приближаться к нулю. При межрегиональном сопоставлении величина $J_j = 0$ указывает на однотипность инвестиционных процессов и связей, на сходную реакцию инвестиций на влияние фундаментальных факторов разного уровня. Согласно (4) эффективное управление определяется ростом значений акселераторов a_{ij} и качества условий экономического роста и регионального развития x_{0j} по отраслям и снижением базового значения инвестиционных условий z_{0j} . Это параметры, управляемые соответственно на уровне предпринимательской деятельности, региональной власти и федерального центра, должны учитываться при формировании развитой территориальной организации как условия согласованных изменений

на пути межрегионального сглаживания контрастности условий хозяйственной деятельности.

Согласованные изменения в области инвестирования возникают при минимизации индикатора межрегионального сходства $J_j \rightarrow 0$, что на территории России при $J_j < 10$ позволяет выделить промышленный пояс от центральных регионов Европейской части страны через Урал на юг Сибири и Дальнего Востока (см. рис. 2б). В силу пространственной связности регионы промышленного пояса образуют инвестиционно-территориальный комплекс, базирующийся на общей финансово-экономической и транспортной инфраструктуре регионов с выраженными городскими центрами – агломерациями.

Проведенный статистический анализ основывается на нетрадиционных методах оценки эффективности инвестиций. Эти методы выводятся из математических соотношений при ограничениях, предполагающих существование среднего сдвига экономических показателей и учитывающих сформировавшуюся экономико-географическую среду инвестиционных процессов и связей. Принимаются во внимание гипотезы оптимальности этих процессов и связей по критериям минимизации или максимизации, используемых для расчетов индикаторов. Эти гипотезы подтверждаются количественными данными, наблюдаемыми особенностями реакции экономических систем на внешние воздействия и требуют дальнейшего теоретического

Библиографический список

1. Алле М. Экономика как наука. М.: Наука, 1995. 168 с.
2. Ананьин О.И., Гайдар Е.Т. Сравнительный метод и его использование в исследовании хозяйственных механизмов // Сборник трудов ВНИИСИ. 1984. № 15. С. 1–32.
3. Войнов Д.А. Неравномерность и комбинированность формирования территориальных структур хозяйства и населения регионов запаздывающего развития // Региональные исследования. 2009. № 4–5(25). С. 3–14.
4. Гомология и гомотопия географических систем / Истомина Е.А., Черкашин А.К. и др. Новосибирск: Наука, 2009. 350 с.
5. Гранберг А.Г. Моделирование социалистической экономики. М.: Экономика, 1988. 488 с.
6. Гранберг А.Г., Суслов В.И., Суспицин С.А. Экономико-математические исследования многорегиональных систем // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 120–150.
7. Инвестиционные рейтинги регионов России. URL: <http://raexpert.ru/ratings/regions/2012/>
8. Ищенко М.М. Региональное управление неоднородными социально-экономическими системами. М.: Экономика, 2011. 39 с.
9. Казанцев С.В. Оценка взаимного положения регионов // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 151–174.
10. Кистанов В.В. Территориальная организация производства. М.: Экономика, 1981. 232 с.
11. Клейнер Г.Б. Производственные функции: теория, методы, применение. М.: Финансы и статистика, 1986. 240 с.
12. Клисторин В.И. Качество экономического роста и региональное развитие // Регион: экономика и социология. 2006. № 3. С. 30–41.

13. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Экономическая компаративистика. Сравнительное исследование экономических систем. М.: Инфра-М, 2011. 736 с.
14. Корн Г., Корн Т. Справочник по математике. М.: Наука, 1977. 832 с.
15. Крупко А.Э., Фетисов Ю.М., Нестеров Ю.А., Черкашин А.К. Моделирование сбалансированного социально-экономического развития общественных систем (на примере ЦЧР) // Вестник Воронежского гос. университета, Серия: География. Геоэкология. 2016. № 1. С. 5–15.
16. Курант Р., Гильберт Д. Методы математической физики. Т. 1. М.-Л.: ГТТИ, 1933. 525 с.
17. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономического книги «Начала», 1997. 190 с.
18. Нуреев Р.М. Старая и новая экономическая компаративистика. Предмет и метод компаративистики // Terra eonomicus. 2010. Т. 8. № 3. С. 143–155.
19. Постникова Е.А., Лавровский Б.Л. Моделирование федеральной поддержки регионов (на примере Сибирского федерального округа) // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 175–193.
20. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем: опыт исследования децентрализованной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 248 с.
21. Сафиуллин Н.З. Многомерный рынок: теория и методология. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. 214 с.
22. Тикунов В.С. Моделирование в картографии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 405 с.
23. Черкашин А.К. Полисистемное моделирование. Новосибирск: Наука, 2005. 280 с.
24. Черкашин А.К. Модели и методы территориальной организации общества // Региональные исследования. 2016. № 1(51). С. 23–36.
25. Черкашин А.К., Истомина Е.А. Выделение границ функционально-однородных ареалов на космических снимках на основе вычисления определителя Якоби // География и природные ресурсы. 2013. № 1. С. 157–165.
26. Черкашин А.К., Мядзелец А.В. Множественное взаимодействие // Гомология и гомотопия географических систем. Новосибирск: Гео, 2009. С. 217–222.
27. Черкашин А.К., Мядзелец А.В. Восстановление нелинейной зависимости качества жизни населения от социально-экономического потенциала регионов Сибири // География и природные ресурсы. 2014. № 2. С. 149–160.
28. Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Философия и методология теории. М.: Прогресс, 1977. С.143–167.
29. Aoki M. Information, corporate governance, institutional diversity: competitiveness in Japan, the USA, and the transitional economies. Oxford: Oxford University Press, 2000. 186 p.
30. Kennett D.A. New view of comparative economic systems. New York: Harcourt Publishers Limited, 2001. 598 p.

ТИПОЛОГИЯ СТОЛИЦ И КОЭФФИЦИЕНТ СТОЛИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВА¹

Okunev I.Yu.

CAPITALS' TYPOLOGY AND INDEX OF CAPITALNESS

Аннотация. Столица является единой локацией в пространстве (иногда распределенной между несколькими населенными пунктами), играющей ключевую, системообразующую функцию в формировании и последующем развитии политики. Для позитивизма столица представляется, в первую очередь, местом управления суверенитетом государства, для постпозитивизма – местом, формирующим идеальный образ (архетип) политического образования. В ходе исследования места столицы в политико-территориальной структуре государства был математически выведен коэффициент столичности и основанная на нем типология столиц. В позитивистской традиции многие исследователи обращали внимание на различия между столицами – доминирующими центрами своих стран (Париж), столицами – центрами, равновеликими крупнейшим городам страны (Берлин) и столицами – небольшими городами, выполняющими исключительно административную функцию внутри политической системы (Вашингтон). В ходе исследования эти три типа на основе коэффициента столичности политики были выделены в отдельные группы: макростолица моноцентрической политики, макростолица полицентрической политики и микростолица полицентрической политики. За основу коэффициента была взята численность населения столицы как наилучший показатель рационального выбора людей и среднеквадратическое отклонение от численности трех крупнейших городов страны.

Abstract. Capital is a single location in space (however, sometimes it is distributed among several settlements), which plays a key, core function in shaping and following polity development. From the positivist perspective, capital mainly is a place of sovereignty implementation. From the post-positivist point of view, it is a place, forming polity's ideal image (archetype). The research of capital's place in territorial structure of the state develops an index of capitalness and subsequent capitals' typology. Within the positivist tradition, many scholars pay attention to the differences among capitals – leading centres (Paris), capitals-centres, equal to the biggest cities (Berlin) and capitals-small cities, playing only the political function within political system (Washington DC). Proceeding from index of capitalness, the research divides these three types into separate clusters: macro-capital of monocentric polity, macro-capital of policentric polity, micro-capital of monocentric and micro-capital of policentric polity. Index is based on population size as the best indicator of citizens rational choice and on mean-squared deviation from population of three largest cities.

Ключевые слова: столица, столичность, политико-территориальная структура, типология столиц.
Keywords: capital, capitalness, territorial structure, capitals' typology.

Введение. Слово «столица» происходит от латинского слова «голова» (*caput*) и, соответственно, обозначает вовсе не город сам по себе, а наличие в нем «центра управления». Происхождение термина от понятия «голова» отображает рациональное наполнение явления столичности. В то же время, слово «столица» (*utphakatsi*) со свазилендского языка переводится как «внутренний» или «сердце» [20], это позволяет увидеть этноцентричность, культурную специфику и временной контекст рождения понятия столицы [11], [15], [17], [21], [22], [25]. Сердце, таким образом, открывает иррациональную природу столичности. Итак, столица в переводе с разных языков – это и голова, и сердце государства, рациональное и иррациональ-

ное. Попробуем разобраться в этих двух смыслах столичности по отдельности.

Политгеографы начали изучать географическое положение столиц еще в XIX в. Так, в 1874 г. И. Коль оценил положение европейских столиц, проанализировав степень концентрации населенных пунктов вдоль транспортных магистралей, отходящих от столиц [9]. В 1960–1970-е гг. Т. Раймов рассмотрел столичные функции на примере государств Центральной Азии, а М. Янишевский разработал типологию столиц [9].

Существует огромный пласт литературы о конкретных столицах, однако тема столиц как политико-географического института, на наш взгляд, пока не получила соответствующего сравнительного эмпирического или нормативного развития. По всей видимости,

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-33-01206 «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология».

именно это обстоятельство побудило известного американского географа Скотта Кэмбелла заявить, что столица, являясь «легко определяемым явлением, остается недостаточно хорошо понятым в качестве особого класса городов» [13], а немецкого историка Андреаса Даума вообще предположить, что изучение столиц сегодня находится в инкубационной стадии развития» [12].

Ключевым толчком к созданию теории столиц можно считать текст классика французской геоурбанистики Жана Готтмана «Столичные города» [1]. Наиболее успешными попытками осмысления столичности можно также считать работы Х. Элдриджа [16], П. Холла [19], Ж. Тирвитта [26], Г. Терборна и Кон Чон Хо [24], в России – В. Россмана [6], [7], Д.Н. Замятина [3], С.А. Тархова [8].

Согласно определению французского географа Ж. Готтмана, столица, прежде всего, является местом размещения центральных органов власти [1, с. 16]. Иными словами, по мнению российского географа С.А. Тархова, главной характеристикой, отличающей столицу от любого другого города, который представляет собой крупный экономический или культурный центр, является «управление территорией государства и его населением» [9]. Тем не менее, существуют страны, в которых нет столиц (по разным причинам – Ватикан, Сингапур, Науру, Гибралтар, Токеау, Ниуэ).

Если исходить из того, что столица, в первую очередь, является местом расположения органов государственной власти, а они могут быть распределены между несколькими городами, то можно говорить, что в государстве могут существовать две, три и более столиц. В то же время данное утверждение может показаться странным, если мы понимаем под столицей именно центр управления суверенитетом страны, который может быть только один.

Важным представляется отметить два признака столицы, выделяемых А.И. Трейвишем. Во-первых, столица, это важный административный командный центр по большей части национального или регионального уровня. Во-вторых, столица – город, занимающий ключевое/доминирующее положение в артикулировании действий, осуществлении конкретных полномочий на глобальном или меньшем уровне. Абстрактно-обобщающее определение столичности (по А.И. Трейви-

шу) будет сформулировано так: наличие или существование столичных черт или качеств в городе или регионе [25, с. 90–91].

А.А. Овсянников определяет столичность как статусный атрибут города, являющегося местом пребывания национальных органов исполнительной, законодательной, судебной власти, резиденции президента. По А.А. Овсянникову, потенциально любой город может начать обладать столичностью, если туда перенести названные органы государственной власти. Он же дает и такое определение столичности: «конструируемый образ, основанный на уникальных качествах, характеристиках населенного пункта, выделяющих этот населенный пункт среди других» [4].

В широком смысле (по А.И. Трейвишу) столица и столичность ассоциируется с тремя следующими вещами: функциональным лидерством в политике, которое необходимо столице в строгом смысле для доминирования также в экономике и культуре. В этом смысле столичность оказывается понятием близка концепту глобального города.

Несмотря на эти общие определения, в реальности функции столиц сильно отличаются от страны к стране. Ж. Готтман выделил три категории факторов, определяющих роль столиц. Первая – характеристики территориальной единицы, которой управляет столица (численность населения, размер территории, степень урбанизации, плотность населения, уровень жизни, природные ресурсы и т.п.). Вторая – осуществление внешней политики. Третья – степень контроля государственной властью над территорией и людьми, проживающими на ней [1, с. 34]. Последняя напрямую связана с размером бюрократического аппарата и диверсификацией экономики. Кроме того, он выделил «замковую» (опора политической власти) и «храмовую» функции (религиозный центр) [1, с. 35].

Основываясь на функционале столицы, Питер Холл, таким образом, проводит следующую классификацию столиц (см. табл. 1).

Схожая классификация делит столицы на центральные, расположенные ближе к центру государства, и центральные в зонах пересечения транспортных, экономических и природных коммуникаций. Примеры первого варианта: Анкара, Багдад, Бразилиа, Варшава, Мадрид, Мехико, Минск. Примеры второго варианта: Белград, Будапешт, Варшава, Киев, Москва, Прага, Рига [10].

Классификация столиц по П.Холлу

Название типа столицы	Определение типа столицы	Примеры
<i>Многофункциональная столица</i> (multi-function capitals)	Объединяет в себе все или большинство высших государственных функций	Лондон, Париж, Москва
<i>Глобальные столицы</i> (global capitals)	Подтип многофункциональных, который также обладает наднациональной ролью в политике или экономике.	Лондон, Токио
<i>Политические столицы</i> (political capitals)	Города, созданные как места заседания правительства, подобные столицы испытывают нехватку в других функциях, которые содержатся в ранее образованных городах страны.	Гаага, Вашингтон, Бразилиа
<i>Бывшие столицы</i> (former capitals)	Потерявшие функцию содержания правительственных органов, но сохранившие остальные исторические функции.	Берлин до 1991 г., Санкт-Петербург, Филадельфия, Рио-де-Жанейро
<i>Бывшие столицы империй</i> (ex-imperial capitals)	Подтип бывших столиц. Столицы с таким статусом когда-то являлись центрами империй. Они могут служить национальными столицами и заключать в себе другие функции для бывших подчинённых территорий.	Лондон, Вена, Лиссабон
<i>Провинциальные столицы</i> (provincial capitals)	Особый случай для федеративных государств, пересекающийся с бывшими. Такие города когда-то де-факто функционировали в качестве столиц, однако сейчас потеряли такой статус. Тем не менее, функции для сопряжённых территорий у них не исчезли.	Милан, Мюнхен, Сидней, Нью-Йорк как глобальная провинциальная столица
<i>Суперстолицы</i> (Super-Capitals)	Подобные столицы являются штаб-квартирами международных организаций; могут быть национальными столицами	Брюссель, Страсбург, Рим, Нью-Йорк

Источник: [19].

Периферийные могут получить такое положение из-за изменения пространственной конфигурации страны или ориентации столицы на внешний мир (Братислава, Вена, Ереван, Пхеньян, Сеул, Скопье). Также периферийное расположение могут иметь столицы бывших колоний (Алжир, Буэнос-Айрес, Дакар, Лима, Монтевидео, Тунис) [9].

Столица часто является крупнейшим городом страны. Однако это, скорее, характерно для унитарных государств [1, с. 25]. Ключевой причиной размещения столицы США в Вашингтоне стало его расположение вдали от Нью-Йорка и Филадельфии, конкурировавших за статус столицы. В самих штатах также практикуется размещение столицы в небольших городах, например, в Олбани (Нью-Йорк), Гаррисберге (Пенсильвания), Аннаполисе (Мэриленд), Остине (Техас), Маэдисоне (Висконсин) [9]. Видимо, такую же модель выбрали Канада, Швейцария, Австралия, Индия, ЮАР и Западная Германия. Нидерланды же придерживаются иной модели: Амстердам является официальной столицей, а органы

власти размещаются в Гааге [1, с. 25, 30]. Ж. Готтман описал случай выбора места для размещения штаб-квартиры ООН: предлагались различные проекты, включая уединенные места со специально построенной инфраструктурой, и все же выбор был сделан в пользу крупного мегаполиса [1, с. 29].

Еще М. Джефферсон обращал внимание на то, что столицей, как правило, является крупнейший город страны [20]. Согласно оценке С.А. Тархова, 64% столиц мира гипертрофированно развиты, 20% гипотрофированы и 15% пропорциональны общей численности населения страны [9].

Как мы видим, в позитивистской традиции многие исследователи обращали внимание на различия между столицами – доминирующими центрами своих стран (Париж), столицами – равновеликими центрами с крупнейшими городами страны (Берлин) и столицами – небольшими городами, выполняющими исключительно административную функцию внутри политической системы (Вашингтон) [5].

Так, И. Бенце выделил три варианта диспропорций размеров столицы и других крупных городов:

- Численность населения столицы в несколько раз выше численности населения второго города страны (Австрия, Аргентина, Венгрия, Гватемала, Дания, Ирландия, Камбоджа, Парагвай, Уругвай) [25];
- Численность населения столицы меньше численности населения крупнейших городов страны (Австралия, Канада, Новая Зеландия, США) [25];
- Численность населения столицы примерно равна численности населения второго или третьего по величине городу страны (например, Иерусалим и Тель-Авив в Израиле; Рим и Милан в Италии; Амстердам, Роттердам и Гаага в Нидерландах; Лиссабон и Порту в Португалии).

Такие диспропорции И. Бенце объясняет федерализмом конкретных стран (например, Австралия, Бразилия, Канада, США, Швейцария), политическими мотивами (Китай, Турция), полицентризмом территориальной структуры расселения (Бельгия, Германия, Нидерланды), а также вытянутой пространственной конфигурацией страны (Италия, Норвегия) [9].

Наша задача состоит в поиске числового показателя, который мог бы описать особенность политико-территориальной структуры страны в призме соотношения в ней столицы и периферии. Этот показатель мог бы объективно разделить страны по данному параметру на отдельные группы. Его мы назвали коэффициентом столичности.

За основу расчетов были взяты данные о численности жителей столицы и крупнейших городов (без агломерации) страны. На наш взгляд, численность населения можно рассматривать в качестве показателя рационального выбора, совершенного населением с ходом времени. Такое представление основывается на теории центральных мест В. Кристаллера и А. Лёша [14]. Согласно этой теории, население распределяется в пространстве в соответствии с оптимальной стратегией. Это означает, что структура населения страны, представленная в виде численности жителей столицы и крупнейших населенных пунктов, отражает оптимальную стратегию рационального выбора

жителей государства и может характеризовать структуру социальных процессов в данном государстве.

Предлагается следующая методика расчета коэффициента столичности.

Выбирается N крупнейших по численности населения городов в государстве, каждому из которых присваивается номер $i, i=1, 2, \dots, N$.

Для N городов с численностью населения P_i ($i = 1, 2, \dots, N$) рассчитывается средняя численность μ (рис. 3):

$$\mu = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N P_i \quad (1)$$

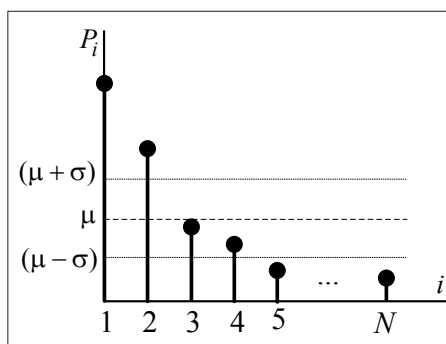

Рис. 1. Расчет коэффициента столичности

Обозначим численность населения столицы C и введем коэффициент столичности α . В качестве коэффициента столичности α можно выбрать отношение C к средней численности населения по N городам — μ :

$$\alpha = \frac{C}{\mu} \quad (2)$$

Однако для более корректной оценки коэффициента столичности целесообразно учесть и среднеквадратическое отклонение от среднего μ по N городам — СКО σ , которое отображает среднюю амплитуду отклонения от среднего (рис. 3):

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^N (P_i - \mu)^2}{N}} \quad (3)$$

В этом случае коэффициент столичности β будет определяться по формуле (4) (рис. 3):

$$\beta = \frac{1}{2} \left[\frac{C}{(\mu - \sigma)} + \frac{C}{(\mu + \sigma)} \right] \quad (4)$$

Выполнив в (4) тождественные преобразования

$$\begin{aligned}\beta &= \frac{1}{2} \left[\frac{C}{(\mu - \sigma)} + \frac{C}{(\mu + \sigma)} \right] = \left[\right. \\ &= \frac{1}{2} \left[\frac{C(\mu + \sigma) + C(\mu - \sigma)}{(\mu - \sigma)(\mu + \sigma)} \right] = \\ &= \frac{1}{2} \left[\frac{C\mu + C\sigma + C\mu - C\sigma}{(\mu - \sigma)(\mu + \sigma)} \right]\end{aligned}$$

получим окончательную формулу для коэффициента столичности β :

$$\beta = \frac{C\mu}{(\mu - \sigma)(\mu + \sigma)} \quad (5)$$

При малой, относительно μ , величине σ коэффициенты α и β будут отличаться незначительно.

Проиллюстрируем расчет α и β на следующем примере (рис. 4).

Пример 1: $C = 10$; $\mu = 3$; $\sigma = 1,63$; $(\mu - \sigma) = 1,36$; $(\mu + \sigma) = 4,63$:

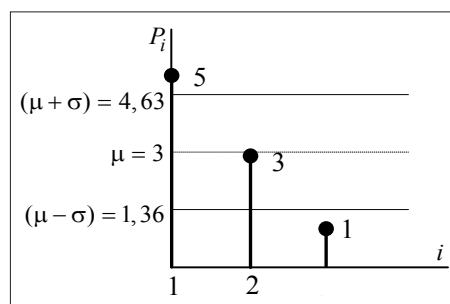

Рис. 2. Расчет коэффициента столичности (пример)

$$\alpha = \frac{C}{\mu} \approx \frac{10}{3} \approx 3,33$$

Для сравнения

$$\beta = \frac{C\mu}{(\mu - \sigma)(\mu + \sigma)} \approx \frac{10 \cdot 3}{1,36 \cdot 4,63} \approx 4,74$$

Для целей исследования было решено рассчитать коэффициенты столичности для $N = 3$. На наш взгляд, данный показатель, с одной стороны, позволяет статистически обработать все страны мира (почти везде есть как минимум три города), а с другой – разницы в численности жителей между

тремя крупнейшими городами уже достаточно для того, чтобы судить об диспропорциях в расселении. Сведения о численности населения столицы и трех крупнейших городов брались из демографического ежегодника ООН за 2014 г. [2].

На рисунке 5 представлены итоги расчета коэффициента α . Этот показатель действительно позволяет выделить три типа столиц: макростолица моноцентрического государства (I) при значении показателя от 1,5 и выше, макростолица полицентрического государства (II) при значении показателя от 0,5 до 1,5 и микростолица полицентрического государства (III) при значении показателя меньше 0,5. Случаи гипертрофированной макростолицы моноцентрического государства (значение выше 2,3) и микростолиц представлены на рисунках 6, 7. Полученная типология столиц представлена в таблице 2.

Тем не менее, коэффициент столичности α не позволил выделить четвертый тип столичности – микростолица моноцентрического государства (IV), который напрашивается при предложенном выделении двух переменных столичного статуса. Сравним результаты индексов столичности α и β для значений от 0 до 0,5.

Для четырех городов – Банжул (Гамбия), Додома (Танзания), Веллингтон (Новая Зеландия) и Нейпидо (Мьянма) данные показатели существенно разошлись. Именно в этих странах существует один крупный макрополис (соответственно, Серекунда, Дар-эс-Салам, Окленд и Янгон), а столица, как и все остальные города страны, существенно уступает ему по численности. При этом в Гамбии Банжул является пригородом Серекунды, а Нейпидо вместе с другими городами составляет каркас крупных центров второго порядка, уступающих Янгону, но доминирующих над другими уровнями.

Наконец, последний вопрос, который требует ответа, это соотношение коэффициента столичности с численностью столичного города. В литературе встречаются предположения, что микростолицы возможны только в крупных государствах, а в небольших чаще встречается макростолица моноцентрической структуры.

Таким образом, тип столичности можно считать не характеристикой самого города,

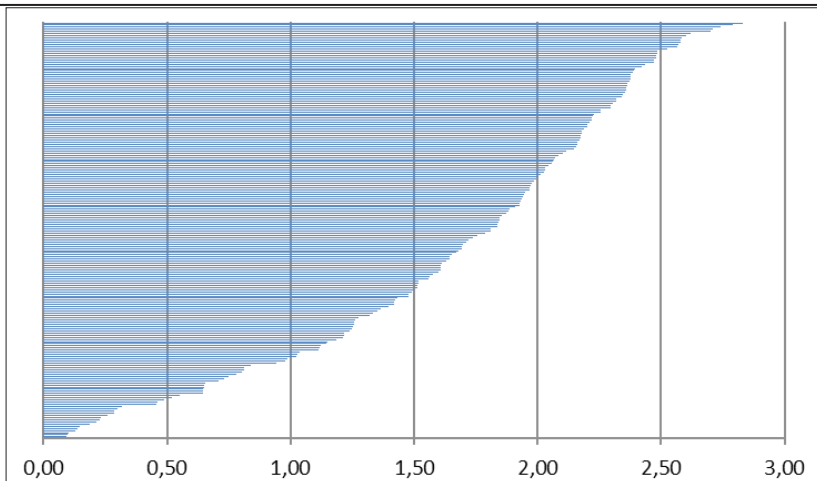

Рис. 3. Коэффициент столичности государств мира

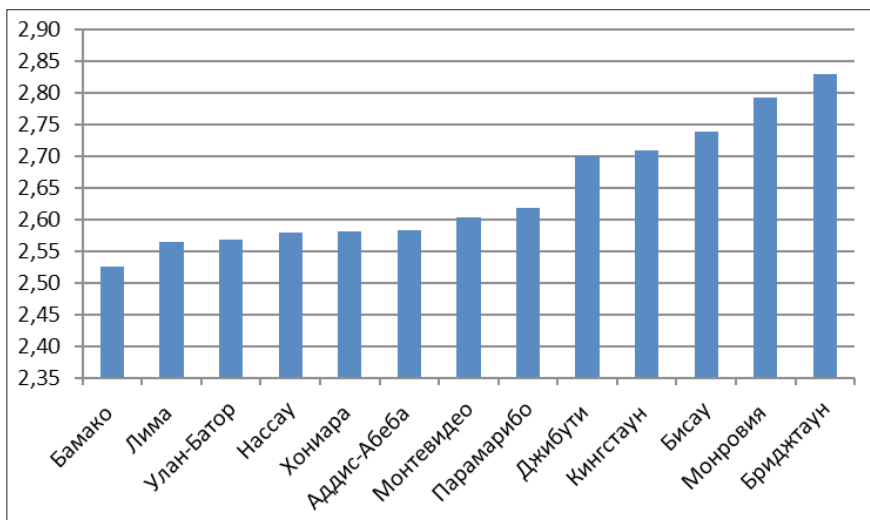

Рис. 4. Гипертрофированные макростолицы моноцентрических государств

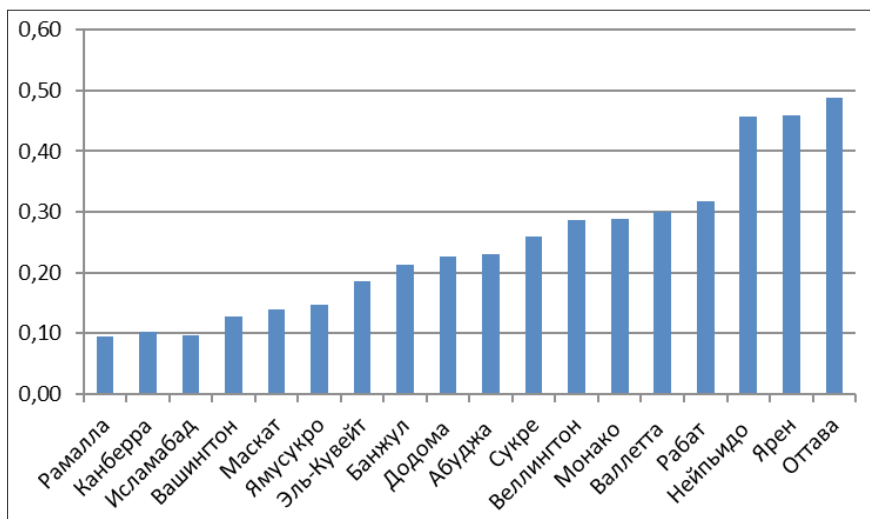

Рис. 5. Микростолицы полицентрических государств

Типология столиц

	Моноцентрическая структура	Полицентрическая структура
Макростолица	I - Макростолица моноцентрического государства (Лондон, Париж)	II - Макростолица полицентрического государства (Берлин, Рим)
Микростолица	IV - Микростолица моноцентрического государства (Веллингтон)	III - Микростолица полицентрического государства (Вашингтон, Берн)

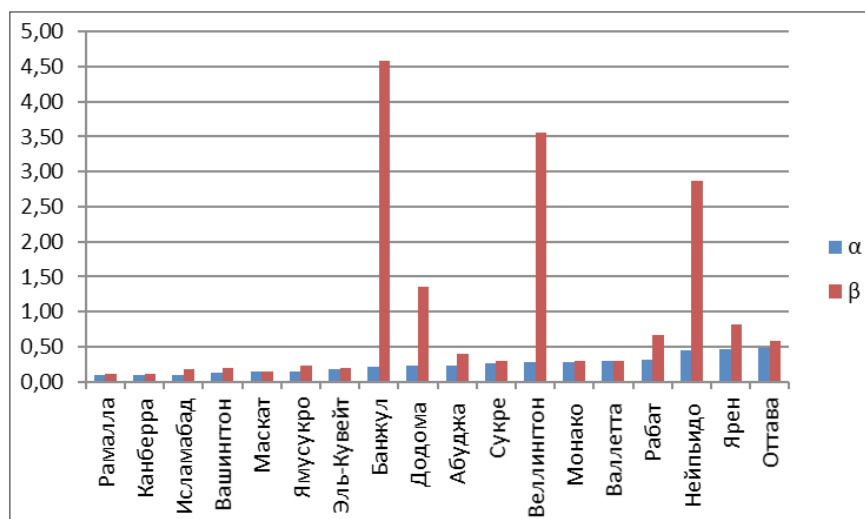

Рис. 6. Банжул, Додома, Веллингтон и Нейпидо – микростолицы моноцентрических государств

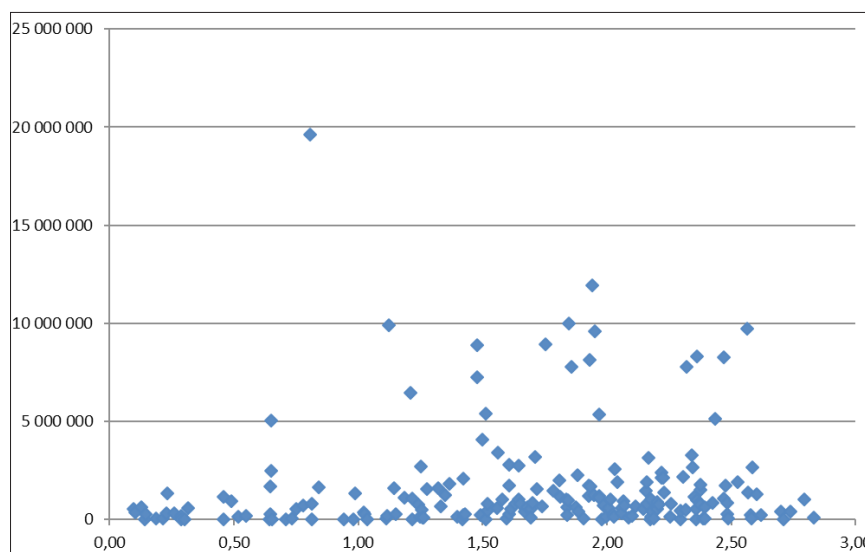

Рис. 7. Корреляция между коэффициентом столицности и численностью населения столицы

зависящей от его размера, функционала или расположения, а характеристикой политико-территориального устройства

государства, отражающего сложившуюся специфику отношений между центром и периферией.

Библиографический список

1. Готтман Ж. Столичные города // Логос. 2013. № 4 (94). С. 15–38.
2. Демографический ежегодник ООН, 2014. URL: <http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dyb2014.htm>
3. Замятин Д.Н. Феномен/ноумен столицы: историческая география и онтологические модели во-обращения / Перенос столицы: исторический опыт геополитического проектирования. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. С. 103–105.
4. Овсянников А.А. Социология столичности: смыслы и стратегии // Вестник МГИМО-Университе-та. 2009. № 5. С. 110–115.
5. Окунев И.Ю. Столица и столичность: институт и символический капитал // Философские науки. 2016. № 1. С. 80–87.
6. Россман В. В поисках Четвертого Рима: Российские дебаты о переносе столицы. М.: ВШЭ, 2014. 288 с.
7. Россман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.
8. Тархов С.А. Переносы столиц // География. 2007. № 5/6. С. 7–10.
9. Тархов С.А. Столицы // География. 2007. № 3. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200700311>
10. Территориальное управление в смешанных системах расселения и в большом городе. URL: <http://na-uroke.in.ua/26-49.html>
11. Abler R., Adams J.S., Gould P. Spatial organization (The geographer's view of the world). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971. 587 p.
12. Berlin –Washington. 1800–2000. Capital cities, cultural representation and national identities / Ed. by A. Daum, C. Mauch. NY: Cambridge University Press, 2009. 332 p.
13. Campbell S. The changing role and identity of capital cities in the global era // Paper presented at the Association of American Geographers annual meeting. Pittsburg, 2000. 27 p.
14. Christaller W. Central places in Southern Germany / Translated by C.W. Baskin. NY: Englewood Cliffs, 1967. 230 p.
15. Cornish V. The great capitals (An historical geography). London: Methuen, 1923. 296 p.
16. Eldredge H. World capitals: Towards guided urbanization. NY: Anchor Press, 1975. 642 p.
17. Gottmann J. The role of capital cities // Ekistics. 1977. Vol. 44. № 264. p. 240–247.
18. Gottmann J. The study of former capitals // Ekistics. 1983. № 314/315. p. 541–546.
19. Hall P. The changing role of capital cities: Six types of capital cities / Capital cities: International perspectives. Ottawa: Carleton University Press, 1993.
20. Jefferson M. The law of the primate city // Geographical Review. 1939. Vol. 29. № 2. p. 226–232.
21. Kuper H. The language of sites in the politics of space // American Anthropologist. 1972. Vol. 74. № 3. p. 411–425.
22. Man, settlement and urbanism / Ed. by P.J. Ucko, R. Tringham, G.W. Dimbleby. London: Duckworth, 1972. 979 p.
23. Sjoberg G. The preindustrial city – Past and present. NY: The Free Press, 1960. 368 p.
24. Theorn G., Ho K.C. Introduction // City: Analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2009. Vol. 13. Iss. 1. p. 53–62.
25. Treivish A.I., Zotova M.V., Savchuk I.G. Types of cities in Russia and across the globe // Regional Research of Russia. 2014. Vol. 4. № 2. p. 90–94.
26. Tyrwhitt J., Gottman J. Capital cities // Ekistics. 1983. № 50. March-April.
27. World capitals: toward guided urbanization / Ed. by H.W. Eldredge. Garden City, NY: Doubleday, 1975. 642 p.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ ПО УРОВНЮ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ИНТЕНСИВНОСТИ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ

Orlova I.V.

DIFFERENTIATION OF SIBERIAN REGIONS BY ECONOMIC POTENTIAL AND INTENSITY OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT

Аннотация. В статье предлагаются интегральные методические подходы к оценке дифференциации сибирских регионов по уровню агроэкономического потенциала и интенсивности аграрного развития с целью выявления проблем устойчивого развития сельского хозяйства и поиска путей их решения. В качестве индикаторов используются индексы аграрного развития и агроэкономического потенциала территории. Показано, что сибирские регионы дифференцированы по данным критериям на четыре группы. Указывается на необходимость интенсификации и экологической оптимизации сельского хозяйства сибирских регионов и предлагаются пути его устойчивого развития.

Abstract. The paper presents the integral methodical approaches for assessment of the Siberian regions differentiation by economic potential and intensity of agricultural development in order to identify the problems and find the ways of solutions ensuring sustainable agriculture development. The indices of agricultural development and agricultural potential of the territory are used as indicators. Based on these criteria, the Siberian regions are split in four groups. The need of intensification and ecological optimization of agriculture in the Siberian regions is discussed, and the ways of its sustainable development are proposed.

Ключевые слова: сельское хозяйство, интенсивность развития, агроэкономический потенциал, устойчивое развитие.

Keywords: agriculture, intensity of development, agroeconomic potential, sustainable development.

Введение. Современные геополитические вызовы для экономики Российской Федерации (РФ), возникающие в результате санкционной политики со стороны стран, входящих в блок НАТО, как никогда остро определяют необходимость усиления продовольственной безопасности нашей страны, в связи с чем, жизненно важно принятие ряда неотложных мер для предупреждения негативных последствий для отечественного сельского хозяйства. С этих позиций особую актуальность приобретают вопросы устойчивого развития сельского хозяйства в сибирских регионах, как более подверженного различным рискам природно-климатического и социально-экономического характера, чем в регионах европейской части страны.

Цель исследования заключается в выявлении проблем устойчивого развития сибирского сельского хозяйства на основе интегральной оценки его территориальной дифференциации и поиске путей их решения.

В составе сибирских регионов нами рассматриваются все регионы Сибирского федерального округа (СФО) и Тюменская область с автономными округа-

ми (а.о.), которая с исторической и экономико-географической точек зрения, безусловно, больше тяготеет к Уральскому, а к сибирскому макрорегиону.

Производство продукции сельского хозяйства сибирских регионов составляет лишь 15,5% от стоимости продукции сельского хозяйства РФ. Не превышают даже пятой части от общероссийских показателей валовой сбор зерна (18,3%), производство скота и птицы на убой (15,9%), молока (19,6%), яиц (19,9%). Для огромной Сибири, сельхозугодья которой составляют почти треть территории всей страны (27%), эти показатели (рассчитано по данным:[8]) несоразмерно малы, даже с поправкой на суровые природно-климатические условия.

Частично такое положение объясняется более низкими (в 1,5-2 раза), чем в среднем по РФ, трудообеспеченностью и фондооснащенностью сельскохозяйственного производства на 1 га сельхозугодий, неразвитой логистической инфраструктурой, слабой кооперацией мелких производителей в продвижении своей продукции. Но определяющими являются более глубокие причины, обусловленные, в первую очередь, неэффек-

тивной государственной макроэкономической политикой.

Долгое время в российском сельском хозяйстве, по справедливому замечанию И.Г. Ушачева, наблюдалась «тенденция к росту без развития, а точнее временно-экономического роста» [16, с. 5]. Кроме того, по оценкам ряда ученых [6; 15], рост сельскохозяйственного производства, наблюдаемый в течение последнего десятилетия, не являлся всеобщим, а имел очагово-точечный характер, сопровождался образованием огромных зон запустения, так называемых «черных дыр», где сельскохозяйственное производство не велось вообще или имело очаговый характер. И в настоящее время основная доля прироста товарной продукции приходится на относительно небольшую группу крупнейших хозяйств, а мелкие хозяйства стагнируют или сокращают производство.

В научной литературе неоднократно предлагались различные инструменты для вывода АПК из тяжелого кризисного состояния: максимально возможное применение налоговых льгот, освобождение от НДС сельхозпроизводителей, увеличение бюджетной поддержки организаций всех форм собственности, льготное кредитование, подготовка квалифицированных кадров, обновление технической и развитие социальной инфраструктуры [16; 18]. И мы видим, что за последние годы правительством действительно предпринимаются определенные усилия по государственной поддержке отечественного сельского хозяйства.

Однако, чтобы эта поддержка была более эффективной, она должна, в первую очередь, основываться не только на отраслевом подходе, как это происходит в настоящее время, а учитывать сложившуюся региональную неоднородность и территориальную дифференциацию сельского хозяйства.

Изучению данной проблемы с различных точек зрения посвящены многие работы как отечественных, так и зарубежных исследователей (А.Н. Ракитникова, Т.Г. Нефедовой, С.А. Суспицына, Б. Андреа, О. Бейкера, Е. Костровицкого) [6; 11; 12].

Методы исследования. Предлагаемый нами подход впервые применен для изучения сибирских регионов на основе сопряженного анализа двух интегральных показате-

лей: индекса аграрного развития и индекса агроэкономического потенциала.

Индекс аграрного развития территории (I_a) [5] используется для сравнительного анализа относительного уровня экономического развития сельского хозяйства и интенсивности освоения территории, используемой в сельскохозяйственном производстве. Он рассчитывается по формуле 1:

$$I_a = \frac{Va}{\sqrt{Na \cdot Sa}}, \quad (1)$$

где Va – валовая продукция сельского хозяйства, млн (млрд) руб.; Na – численность занятых в сельском хозяйстве, тыс. чел.; Sa – площадь сельхозугодий (тыс. км²).

Под агроэкономическим потенциалом понимается совокупность производительных сил (точнее агропроизводственных ресурсов), которые вовлечены либо могут быть вовлечены в сельскохозяйственное производство и определяются экономической продуктивностью сельскохозяйственного производства данной территории [3]. Абсолютная величина агроэкономического потенциала ($AЭПа$) региона используется, в первую очередь, для определения его места относительно других регионов и комплексной оценки имеющихся аграрных ресурсов (формула 2).

$$AЭПа_i = \left\{ \frac{V_i}{\sum_i V_i} + \frac{S_i}{\sum_i S_i} + \frac{N_i}{\sum_i N_i} + \frac{F_i}{\sum_i F_i} \right\} \times 1000 \quad (2)$$

где, S – площадь сельхозугодий; N – численность занятых в сельском хозяйстве; F – объем основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения; V – валовая продукция сельского хозяйства.

Впервые проведенный сопряженный анализ данных интегральных индексов позволил сгруппировать сибирские регионы в четыре основные группы (табл. 1), для каждой из которых был дополнительно проанализирован комплекс индикативных показателей: специализация и удельный вес сельского хозяйства в валовом региональном продукте (ВРП), уровень сельскохозяйственной освоенности территории (распахан-

Таблица 1

Дифференциация сибирских регионов по уровню агроэкономического потенциала и интенсивности аграрного развития

Регионы	Специализация	Индекс агроэкономического потенциала		Индекс интенсивности аграрного развития	
		2003 г.	2013 г.	2003 г.	2013 г.
I. Регионы с высоким агроэкономическим потенциалом и невысоким уровнем интенсивности развития					
Алтайский край	Производство зерна (пшеница, ячмень, рожь, овес); молочно-мясное и мясо-молочное скотоводство, свиноводство, птицеводство	788	10625	239,2	624,3
Новосибирская область		581	6601	267,3	634,5
Омская область		586	6462	266,3	699,3
Промежуточное положение между I и II группами					
Красноярский край	Производство зерна, животноводство, птицеводство	462	6123	289,9	888,9
II. Регионы с невысоким агроэкономическим потенциалом и повышенным уровнем интенсивности развития					
Иркутская область	Молочно-мясное и мясо-молочное скотоводство; свиноводство, птицеводство, производство зерна (в основном, фуражного), картофеля, овощей	289	4272	375,4	866,7
Кемеровская область		229	3979	407,2	1118,6
Томская область		108	1773	398,9	888,8
Тюменская область (без АО)		335	4086	351,5	1156,8
III. Горные регионы с невысоким и низким агроэкономическим потенциалом и низким уровнем интенсивности развития					
Республика Алтай	Мясное и мясо-молочное скотоводство, овце- и козоводство, мараловодство, пчеловодство, зернопроизводство	58	819	191,1	630,9
Республика Бурятия		131	1896	235,0	366,8
Республика Тыва		65	1046	137,0	270,5
Республика Хакасия		91	1227	194,6	483,5
Забайкальский край		204	3092	116,0	240,4
IV. Регионы Крайнего Севера с оленеводческо-промысловыми видами сельскохозяйственного природопользования					
Ханты-Мансийский а.о.-Югра, Ямало-Ненецкий а.о., Таймырский и Эвенкийский районы	Оленеводство; охота на пушного зверя и дичь; звероводство (песец, черно-бурая лисица), рыболовство; пригородное овощеводство в закрытом грунте (интегральные показатели не рассчитывались из-за специфики крайне-северных видов природопользования)				

ность, обеспеченность кормовыми угодьями), структура посевных площадей и урожайность основных сельхозкультур, объемы производства, продуктивность и рентабельность сельскохозяйственной продукции (табл. 2, 3). Такой интегральный методический подход позволяет объективно оценить сложившуюся территориальную дифференциацию сибирских регионов, что подтверждается результатами ряда других научных оценок, основанных на иных методических подходах [12; 14].

Результаты и их обсуждение. В результате оценки для каждой группы регионов пред-

ложены основные пути их устойчивого развития; при этом учитывалось, что устойчивое функционирование систем аграрного природопользования возможно лишь в пределах области регионального оптимума, определяемого сочетанием природных и социально-экономических условий [4]. Второй ключевой момент, на важность которого справедливо обращает внимание А.В. Скалон – это необходимость «осуществления экономического роста исключительно экологически приемлемыми средствами» [10, с. 154].

Проведенный анализ показал, что удельный вес **регионов I группы** в валовой про-

Таблица 2

Показатели сельскохозяйственной освоенности территории, в %
(рассчитано по данным Росстата)

Регион	Доля сельхозугодий в общей площади территории	Доля пашни в общей площади территории	Доля пашни в площади сельхозугодий, %	Доля кормовых угодий в площади сельхозугодий	Доля зерновых и зернобобовых культур в посевной площади	Доля кормовых культур в посевной площади	Доля картофеля и овощных культур в посевной площади
I. Регионы с высоким агроэкономическим потенциалом и невысоким уровнем интенсивности развития							
Алтайский край	65,5	38,7	61,4	35,3	64,9	20,6	1,5
Новосибирская область	47,3	20,3	47,2	51,5	67,3	28,4	1,9
Омская область	47,6	28,7	63,6	33,7	70,1	23,0	1,9
Промежуточное положение между I и II группами							
Красноярский край (без бывшего а.о.)	7,4	4,0	60,1	36,8	67,4	26,1	5,4
II. Регионы с невысоким агроэкономическим потенциалом и повышенным уровнем интенсивности развития							
Иркутская область	3,6	2,1	67,5	31,5	60,4	31,8	7,4
Кемеровская область	27,6	15,4	61,8	37,6	64,6	23,6	5,6
Томская область	4,4	2,1	52,0	47,3	65,3	28,2	5,0
Тюменская область (без а.о.)	21,1	8,2	45,2	45,8	62,6	27,2	3,7
III. Горные регионы с невысоким и низким агроэкономическим потенциалом и низким уровнем интенсивности развития							
Республика Алтай	19,3	1,4	8,8	87,9	8,2	87,8	4,1
Республика Бурятия	9,0	2,0	32,6	65,0	54,7	36,3	8,3
Республика Тыва	22,8	0,8	5,1	92,6	62,5	26,6	10,9
Республика Хакасия	31,2	10,6	39,1	58,4	44,6	48,2	5,8
Забайкальский край	17,7	1,0	7,0	79,3	65,5	21,5	9,7
IV. Регионы Крайнего Севера с оленеводческо-промысловыми видами сельскохозяйственного природопользования							
Ханты-Мансийский а.о. - Югра	1,2	0,01	3,8	93,7	-	28,6	71,4
Ямало-Ненецкий а.о.	0,3	0,0005	1,0	98,8	-	-	100,0

дукции сибирского сельского хозяйства самый высокий и составляет в совокупности 45,4%. Это обусловлено наиболее благоприятными природно-климатическими условиями и плодородными почвенно-земельными ресурсами для ведения сельского хозяйства и, как следствие, наибольшей степенью сельскохозяйственной освоенности и распаханности территории по сравнению с другими

сибирскими регионами. В результате здесь наблюдаются высокие объемы производства сельхозпродукции и, соответственно, самые высокие в Сибири значения агроэкономического потенциала (табл. 1, 3).

Но при более детальной оценке выявляется тот факт, что уровень интенсивности и производительности труда на единицу сельхозугодий и работника, занятого в сельском

Таблица 3

Основные показатели развития сельского хозяйства в сибирских регионах в среднем за 2010–2013 гг. в хозяйствах всех категорий (рассчитано по данным Росстата)

Регион	Продукция сельского хозяйства, млн. руб.	Валовой сбор зерна, тыс. тонн	Урожайность зерновых и зернобобовых культур, ц/га	Производство скота и птицы на убой, тыс. тонн	Производство молока, тыс. тонн	Надой молока на 1 корову, кг	Рентабельность проданной с/х продукции организаций, %	
							растениеводства	животноводства
I. Регионы с высоким агроэкономическим потенциалом и невысоким уровнем интенсивности развития								
Алтайский край	90472,0	3559,0	10,8	216,3	1439,6	3661,3	14,1	11,9
Новосибирская область	56400,3	2031,0	13,3	151,9	748,5	3640,3	14,5	13,8
Омская область	59397,6	2433,6	13,0	186,1	838,5	3850,7	3,1	12,4
Промежуточное положение между I и II группами								
Красноярский край	64802,0	2072,3	21,0	144,5	719,3	4343,3	10,5	8,4
II. Регионы с невысоким агроэкономическим потенциалом и повышенным уровнем интенсивности развития								
Иркутская область	42634,6	585,9	16,2	92,9	450,2	3871,3	-4,6	14,8
Кемеровская область	36547,3	935,7	14,4	84,6	391,9	3995,7	4,0	3,5
Томская область	19204,0	274,5	12,7	71,7	174,0	5056,3	-8,1	21,4
Тюменская область	55761,0	1473,4	27,2	115,9	594,9	5133,7	-0,3	1,3
III. Горные регионы с невысоким и низким агроэкономическим потенциалом и низким уровнем интенсивности развития								
Республика Алтай	7903,7	8,1	10,6	25,2	88,4	2883,7	53,2	-1,2
Республика Бурятия	12443,3	98,6	13,2	29,0	228,2	2379,3	11,9	-0,5
Республика Тыва	4627,3	17,1	9,8	11,8	61,7	719,0	-15,4	-30,5
Республика Хакасия	8975,3	146,8	15,1	33,0	187,4	3673,3	-0,6	-1,8
Забайкальский край	15244,3	155,2	12,9	46,8	318,4	1678,6	-10,4	-16,2
IV. Регионы Крайнего Севера с оленеводческо-промысловыми видами сельскохозяйственного природопользования								
Ханты-Мансийский а.о. - Югра	7105,3	-	-	7,3	22,7	3864,0	-37,0	-28,4
Ямало-Ненецкий а.о.	1480,7	-	-	4,8	2,0	3846,6	-	-62,1

хозяйстве, в данных регионах не высок и не соответствует имеющимся благоприятным предпосылкам развития. Так, индексы аграрного развития в этой группе в среднем в полтора раза ниже аналогичных показателей Иркутской, Тюменской, Кемеровской и

даже Томской областей, входящих во вторую группу (табл. 1). Это связано с тем, что способы ведения сельского хозяйства носят, преимущественно, экстенсивный характер и производительность труда невысока. В крупнейшем производителе сельхозпродукции –

Алтайском крае – урожайность зерновых культур одна из самых низких среди зернопроизводящих регионов Сибири, несмотря на благоприятные природно-климатические условия для их выращивания.

В сельском хозяйстве I группы используются практически все пригодные земельные ресурсы, поэтому дальнейший рост производства сельхозпродукции возможен только за счет повышения продуктивности земель и интенсификации их использования (в том числе, с помощью развития мелиорации). С экологической точки зрения более целесообразным было бы даже сокращение площадей пахотных угодий (в первую очередь, низкопродуктивных, деградированных, засоленных) и перевод их в пастбищные либо залежные угодья (обязательно залужаемые). С одной стороны, это позволит сконцентрировать имеющиеся ресурсы на меньшей территории и повысить производительность труда, с другой стороны, данная мера будет способствовать повышению экологической стабильности структуры землепользований. Особое внимание должно быть уделено внедрению природосберегающих технологий, сохранению и воспроизводству почвенного плодородия, а экологические ограничения в обязательном порядке должны дополнять существующие градостроительные нормативы при стратегическом территориальном планировании [17].

Красноярский край находится на особом положении не только среди сибирских регионов, но и России в целом. Обладая огромной площадью территории (13,7% от площади РФ), край занимает второе место среди сибирских регионов (после Алтайского края) по объему производства сельскохозяйственной продукции, а по урожайности зерновых культур – первое. Удельный вес сельского хозяйства составляет 12% в валовой продукции сельского хозяйства сибирских регионов.

Возможности развития сельского хозяйства края определяются как наличием свободных земельных ресурсов и высокой обеспеченностью сельхозугодьями, так и развитой транспортной инфраструктурой, сетью перерабатывающих предприятий, формирующимися новыми рынками сбыта.

Относительно Красноярского края следует отметить, что ранее, по итогам оценки 2003 года, он был включен нами в I группу

[7]. Однако в настоящее время, в связи с ярко выраженной положительной динамикой индекса аграрного развития край занимает промежуточное положение между I и II группами, что обусловлено усилением интенсификации сельского хозяйства и ростом эффективности производства, характерными для промышленно развитых регионов Сибири.

Но в случае повышения интенсификации и производительности труда в регионах I группы, они вместе с Красноярским краем способны выйти на лидирующие позиции среди сибирских регионов как по уровню своего высокого агропотенциала, так и по уровню интенсивности развития. При соответствующем материально-техническом, технологическом и организационно-экономическом обеспечении эти регионы в длительной перспективе станут основными производителями и поставщиками пшеницы сильных, твердых и ценных сортов, муки, молочных продуктов, овощей и картофеля, как на внутрисибирские, так и внешние рынки (по некоторым оценкам только зерна – около 7 млн т [9]).

Интенсификация и модернизация агропромышленного производства возможна за счет повышения урожайности сельхозкультур и продуктивности животноводства, улучшения материально-ресурсного обеспечения отрасли, обновления основных производственных фондов сельского хозяйства, внедрения и распространения инновационных практик и технологий. Для этого здесь уже имеется ряд предпосылок: совершенствуется система управления технологическими процессами в растениеводстве и животноводстве, создается племенная база, постепенно происходит техническое перевооружение, научное обоснование аграрного производства, реализуется ряд крупных инвестиционных проектов. Но, кроме этого, требуется реализация целого комплекса стратегически важных направлений.

В первую очередь, необходим пересмотр политики ориентирования регионов на самообеспечение, ведущей к росту себестоимости продукции и неэффективному использованию имеющегося аграрного потенциала. Поэтому особое внимание следует уделить формированию межрегиональных специализированных рынков зерна и молочных продуктов, которые можно организовать

на базе крупных предприятий; что, в свою очередь, будет способствовать гарантированному сбыту этой продукции, позволит углубить специализацию в АПК, рационализировать грузоперевозки.

Значительные запасы зерна и продовольствия требуют развития баз хранения, агрологистических центров, вертикально-интегрированных АПК и т.д. Уже сегодня на долю этих регионов приходится более 79% емкостей элеваторов по хранению зерна и 82% мощностей по производству муки в Сибири [9]. Однако высокий уровень тарифов на перевозку сужает рынок и сдерживает рост производства, поэтому для усиления межрегионального товарообмена необходимо рассмотреть вопрос о снижении тарифов на транспортировку сельхозпродукции.

Природно-климатический потенциал способствует развитию таких отраслей, как молочно-мясное скотоводство, овощеводство, картофелеводство. В этой связи назрела необходимость восстановления и комплексной реконструкции мелиоративных систем, как основы для создания стабильной и сбалансированной кормовой базы, развития пригородных овощеводческих и садоводческих производств.

Наличие высокой доли сельского населения в рассматриваемых регионах предопределяет более высокие требования к развитию сельских территорий. Основной упор следует сделать на их более равномерную освоенность, на сохранение всех существующих сельских населенных пунктов, обеспеченность их необходимой социальной инфраструктурой. При этом государственная поддержка должна быть предоставлена в равной мере, как крупным (агрохолдинги, кооперативы), так и мелким фермерским и личным подсобным хозяйствам, для которых существующий порядок предоставления господдержки требует значительного упрощения.

Во II группу входят наиболее развитые в индустриальном отношении регионы Сибири, в которых сельское хозяйство, распространенное на весьма небольших площадях относительно их общей территории, тем не менее, отличается повышенным уровнем интенсивности развития (табл. 1).

Показатели сельскохозяйственной освоенности территории данных регионов (особенно в Иркутской и Томской областях) намного ниже, чем в регионах I группы,

а показатели доли пахотных угодий в площади сельхозугодий, напротив, достаточно высоки (табл. 2). Это связано с тем, что природно-климатические условия и плодородие земель регионов второй группы заметно уступают регионам первой; большую часть их территории (от 50 до 80%) занимают малообжитые и труднодоступные горные, таежные или болотные пространства, мало пригодные для ведения сельского хозяйства.

Несмотря на это аграрное производство здесь отличается повышенным уровнем интенсивности, что обеспечивается, в первую очередь, сочетанием промышленного освоения территории с сельскохозяйственным и большей интенсификацией и производительностью труда. В этой группе наивысшие показатели индекса аграрного развития среди сибирских регионов (лидеры – Кемеровская и Тюменская области), а удельный вес в валовой продукции сельского хозяйства Сибири составляет 32,8%.

Развитию сельского хозяйства в регионах II группы в значительной степени способствуют крупные инвестиции и поддержка региональных органов власти, которая проявляется в бюджетных кредитах, в возмещении процентной ставки банковских кредитов, компенсации затрат по уплате лизинговых платежей, приобретении ГСМ, техники и удобрений за счет областных бюджетов.

Перспективы устойчивого развития аграрной отрасли видятся, в первую очередь, в развитии свиноводства и мясного (бройлерного) птицеводства, рост производства которых должен идти за счет повышения концентрации в специализированных хозяйствах, в увеличении поголовья, дальнейшей интенсификации отрасли. Весьма высокие перспективы развития у таких пригородных форм специализации сельского хозяйства, как овощеводство и картофелеводство, у перерабатывающих отраслей пищевой промышленности, в частности на основе богатых таежных ресурсов (дикоросов и культивируемых ягод и грибов), в том числе на экспорт.

Здесь также имеются предпосылки для взаимодействия между производственными, научными и инновационными предприятиями АПК, что способствует ускоренному формированию вертикально интегрированных структур (агрохолдингов, агрофирм, финансово-промышленных групп).

Таким образом, для регионов II группы наиболее перспективен кластерный подход к развитию сельского хозяйства, «когда вокруг ядра кластера выстраивается сеть социально-культурных объектов, инновационных высокотехнологичных предприятий и организаций агропродовольственного сектора, а также создаются и функционируют бизнес-структуры несельскохозяйственного профиля; имеют место технопарковые формирования, научно-образовательные центры» [13, с. 69].

Логика кластерного подхода диктуется как ограниченностью земель, пригодных для дальнейшего сельскохозяйственного освоения, так и наличием высокорентабельных предприятий добывающей промышленности, которые позволяют обеспечить достаточно высокий уровень доходов региональных бюджетов и, соответственно, возможность областной поддержки аграрного сектора.

В III группе объединены горные регионы, расположенные большей частью в пределах Алтае-Саянской горной области и Байкальского региона, которые отличаются приграничным положением, удаленностью от основных транспортных магистралей и промышленных центров Сибири. Специфические черты заключаются и в четко выраженной вертикальной зональности территории, контрастности, уникальности и уязвимости горных ландшафтов, экстраконтинентальных природно-климатических условиях, сложном этническом составе населения (алтайцы, хакасы, русские, тувинцы, буряты, казахи и др.), дисперсном характере расселения и сохранившихся разнообразных видах традиционных национально-этнических систем горного природопользования. Другой важной особенностью этих регионов является наличие богатой минерально-сырьевой базы и высокая доля сельскохозяйственного производства в валовом региональном продукте.

Уровень сельскохозяйственной освоенности территории невысок и составляет в среднем по группе 20%, при этом большая часть сельхозугодий здесь занята кормовыми угодьями (табл. 2). Удельный вес регионов третьей группы в валовой продукции сельского хозяйства Сибири составляет всего 9,9%.

Эти регионы тяжелее всего перенесли рыночную трансформацию российской экономики: очень сильно сократились посевные площади под зерновыми культурами, снизилось поголовье скота, упали показате-

ли продуктивности и урожайности сельхозкультур. Сельскохозяйственное производство низкопродуктивно и малоэффективно, часто имеет натуральный и полунатуральный характер, ориентировано, прежде всего, на внутренний региональный рынок и самообеспечение продовольствием, отличается низкой товарностью. По объемам производимой продукции сельского хозяйства регионы третьей группы занимают последние места среди сибирских регионов (табл. 3). Соответственно, по показателям абсолютного агроэкономического потенциала и индексам аграрного развития находятся на последних строках таблицы 1.

Наиболее рентабельно аграрное производство в Республике Алтай, что связано с высокой эффективностью и инвестиционной привлекательностью таких хорошо развитых здесь экспортных отраслей, как пантовое мараловодство и оленеводство, пчеловодство, производство продукции с использованием лекарственно-технического сырья (чай, смеси витаминов, бальзамы, мед). О возросшем уровне интенсивности аграрного развития и темпов роста объема производства сельхозпродукции этой республики в последние годы свидетельствует положительная динамика индекса интенсивности аграрного развития (табл. 1).

Опыт Республики Алтай может быть полезен и другим регионам III группы, поскольку все они имеют предпосылки для производства продукции на основе экологически чистого и полезного для здоровья лекарственно-технического сырья, меда, биологически активных и лекарственных средств, дикоросов.

Второе приоритетное направление – развитие животноводческих отраслей, в частности мясоперерабатывающей и молочной (сыроделие). Наиболее полной реализации экономического потенциала этих отраслей будет способствовать учет этнической специфики ведения сельского хозяйства, особенностей хозяйственной культуры и менталитета местных жителей, поддержка традиционных малозатратных видов животноводства (олeneводства, яководства, коневодства, верблюдоводства).

Третье перспективное направление, способное дать значительный толчок развитию сельского хозяйства – туристско-рекреационная сфера. Однако выраженная сезон-

ность туризма негативно влияет на доходность сельскохозяйственных предприятий, поэтому требуется развитие круглогодичных комплексов (спортивных, оздоровительных, охотничьих). В последние годы объем инвестиций в туристско-рекреационную отрасль увеличивается (особенно в Республике Алтай), начинает развиваться сельский и экологический туризм [2]. Имеются и все предпосылки для развития международного туризма: прокладываются кольцевые туристские маршруты, такие как «Саянское кольцо» и «Золотое кольцо Алтая»; обсуждается создание и объединение трансграничных природных резерватов и ООПТ [1].

Предложенные направления развития должны быть поддержаны мерами по сохранению уникального ландшафтного и биологического разнообразия территории; культурно-этнических и исторических традиций местного населения, народных промыслов; поддержанию баланса между экономическими и экологическими интересами местных жителей. При их реализации открываются все возможности и предпосылки для создания агроэкологических кластеров, в том числе животноводческих направлений, которые могли бы специализироваться на производстве экологически чистой продовольственной продукции.

Начинать реализацию приоритетных направлений следует с решения проблемы инфраструктурной обустроенности региона: развивать, в первую очередь, малую гидроэнергетику, социально-экономическую и транспортную инфраструктуру, приграничные экономические зоны. Необходимы как обеспечение доступа продукции из этих удаленных сибирских регионов к рынкам сбыта, так и дополнительные меры поддержки в виде компенсации части затрат на транспортировку сельхозпродукции.

В связи с тем, что удельный вес хозяйств населения в производстве сельхозпродукции (75,7% хозяйств всех категорий), особенно продукции животноводства (80%) значительно выше, чем в среднем по Сибири, государственное финансирование в этих регионах должно быть, в первую очередь, направлено именно на поддержку малых форм хозяйствования.

Предложенные меры позволят увеличить занятость и повысить доходы населения, сохранить уникальный природно-экологиче-

ский потенциал горных ландшафтов, будут способствовать развитию трансграничных связей этих регионов и формированию агроэкологических кластеров.

В IV группу отнесены регионы Крайнего Севера с оленеводческо-промысловым типом природопользования. В эту группу вошли четыре района: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа (а.о.) Тюменской области; Таймырский и Эвенкийский районы (бывшие а.о., включенные в состав Красноярского края). Вследствие природно-климатических условий земледельческие отрасли здесь не развиты, лишь в крупных пригородных зонах выращивают картофель и овощи в закрытом грунте. И поскольку сельхозугодья представлены исключительно оленьими пастбищами (от 63,7% территории в Ямало-Ненецком АО до 16,0% – в Эвенкийском районе), то в силу специфичности крайне-северных типов природопользования расчет индекса аграрного развития территории и ее агроэкономического потенциала нами не проводился.

В целом АПК ориентирован на традиционные для жителей тундры отрасли: оленеводство, рыболовство, звероводство, охотничий промысел. Уникальность этих видов природопользования в том, что они до сих пор остаются не только отраслями хозяйства, но и образом жизни коренных малочисленных северных народов. Их часто называют «этносохраняющими отраслями», роль которых в сбережении традиционных культур Севера трудно переоценить. Поэтому, хотя экономический потенциал этих отраслей пока невелик, в перспективе их значение, как источников ценных видов биологического сырья, возможно, будет возрастать. Важное значение при этом приобретает развитие высокотехнологичных способов переработки сельскохозяйственного сырья, поскольку именно сложности с хранением, переработкой и реализацией оленины являются основными сдерживающими факторами развития оленеводства.

В настоящее же время сельское хозяйство крайне-северных сибирских регионов находится в кризисе. Подавляющая часть производимой сельскохозяйственной продукции направляется на личное потребление. Кроме этого, освоение нефтегазовых ресурсов и сопутствующее этому развитие нефтегазоперерабатывающих производств и трубо-

проводной инфраструктуры будет иметь ряд отрицательных экологических последствий, связанных с вырубкой лесов, загрязнением почв, снижением биоразнообразия и биопродуктивности природных систем, что в свою очередь, отрицательно скажется на здоровье и качестве жизни проживающего в этих районах населения. Для предотвращения экологического ущерба от освоения нефтегазовых ресурсов необходимо разработать и реализовать пакет документов, ужесточающих ответственность за экологические нарушения.

Заключение. Стратегия устойчивого развития сибирского сельского хозяйства обязательно должна учитывать территориальную дифференциацию регионов по уровню агропотенциала и интенсивности развития, что в свою очередь, позволит изменить существующую государственную политику, ориентированную на максимальное самообеспе-

чение каждого региона продовольствием, будет способствовать развитию межрегионального обмена сельхозпродукцией, формированию специализированных аграрных зон и кластеров и повышению производительности труда.

Предложенные для каждой выделенной группы регионов меры будут способствовать решению таких проблем, как: низкая производительность труда; отток квалифицированных трудовых ресурсов из сельского хозяйства; низкая занятость; финансовая неустойчивость сельскохозяйственных производителей из-за их высокой задолженности и их низкие доходы; социальная и инфраструктурная необустроенность сельских населенных пунктов; преодоление периферийности и изолированности удаленных регионов; падение плодородия почвенных ресурсов, снижение территориальной экологической стабильности.

Библиографический список:

1. Гармс Е.О., Сухова М.Г. Перспективы и природно-климатическая специфика трансграничных охраняемых природных территорий (на примере резервата «Алтай») // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 325.
2. Индюкова М.А. Предпосылки развития этно-экологического туризма в российской части Алтая // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6. С. 549–553.
3. Красноярова, Б.А. Территориальная организация аграрного природопользования Алтайского края. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. 161 с.
4. Красноярова Б.А., Резников В.Ф., Рыбкина И.Д., Магаева Л.А., Платонова С.Г. Оценка потенциальных возможностей устойчивого функционирования региональных систем природопользования на юге Западной Сибири // Восьмое сибирское совещание по климато-экологическому мониторингу: материалы рос. конф. / Под ред. М.В. Кабанова. Томск: Аграф-Пресс. 2009. С. 180–182.
5. Лопатников, Д.Л., Эстеров А.И. Возможности использования индекса хозяйственного развития территории в сравнительном экономико-географическом анализе // Известия РАН. Сер. геогр. 1997. № 2. С. 85–88.
6. Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН. Сер. геогр. 2012. № 3. С. 5–21.
7. Орлова И.В. Оценка уровня и потенциала аграрного развития регионов Сибири // Аграрная наука – сельскому хозяйству: сборник статей. В 3 кн. / Международная научно-практическая конференция. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. Кн. 3. С. 264–267.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сборник. М.: Росстат, 2015. 1266 с.
9. Рудой Е., Афанасьев Е., Григорьев Н. Формирование единого продовольственного рынка Сибири // АПК: экономика, управление. 2011. № 5. С. 66–69.
10. Скалон А.В. Проблемы и риски развития России с точки зрения высшей школы // Региональные исследования. 2013. № 3. С. 147–158.
11. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / А.А. Агирречу, А.Ю. Александрова, А.И. Алексеев, Т.А. Ачкасова, В.Л. Бабурин и др. / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
12. Суслов В.И., Суспицын С.А. Стратегия развития Сибири: макроекономическая и территориальная проекции // Регион: экономика и социология. 2005. № 4. С. 77–92.
13. Трескова Е.А., Семин А.Н. Концепция развития сельских территорий: два базовых подхода // Аграрный вестник Урала. 2012. № 12 (104). С. 69–73.
14. Тю Л., Афанасьев Е., Головатюк С. Продовольственное обеспечение Сибири: состояние, перспективы, основные направления // АПК: экономика, управление. 2009. № 1. С. 13–20.
15. Узун В.Я. Сельское хозяйство России: точки роста и зоны запустения // АПК: регионы России. 2012. № 1. С. 30–40.
16. Ушачев И.Г. Экономический рост и конкурентоспособность сельского хозяйства России // Аграрный вестник Урала. 2009. № 3 (57). С. 4–12.
17. Шарабарина С.Н. Стратегическое управление в целях оптимизации землепользования аграрно-ориентированной территории // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 5. С. 70–73.
18. Щетинина И.В., Балашов А.П. Роль Сибири в обеспечении продовольственной безопасности страны и предпосылки перехода агропромышленного комплекса на инновационный путь развития // Сибирская финансовая школа. 2014. № 4. С. 3–10.

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ПРИРОДНО-РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ И ЕГО МЕСТА В МИРОВЫХ РЕЙТИНГАХ

Zayats D.V.

PROBLEMS OF ASSESSMENT OF NATURAL RESOURCE POTENTIAL OF RUSSIA AND ITS PLACE IN THE WORLD RANKINGS

Аннотация. Цель исследования – комплексная оценка природно-ресурсного потенциала России и его сравнение с показателями ее конкурентов на глобальном рынке. На основе использования количественных методов указано текущее (на середину 2010-х годов) место России в мировых рейтингах, показывающих величину запасов важнейших лесных, земельных, водных и минерально-сырьевых ресурсов. Рассчитан интегральный природно-ресурсный потенциал России как среднее арифметическое долей мировых запасов ресурсов. Занимая 12,8% обитаемой суши, Россия концентрирует сопоставимую часть мирового природно-ресурсного потенциала. Наибольшую величину в сравнении с общемировыми показателями имеют в России лесные и топливные минеральные ресурсы. Огромный природно-ресурсный потенциал России не приводит к сопоставимому развитию отраслей экономики страны (на Россию приходится лишь 3% ВВП).

Abstract. The purpose of the study is a comprehensive assessment of natural resource potential of Russia and its comparison with the positions of its competitors in the global market. Quantitative methods indicate the current (mid-2010 years) Russia's place in the world rankings, showing the amount of stocks of the major forest, land, water and mineral resources. The article describes the integral nature-resource potential of Russia as the average share of the world reserves. Occupying 12.8% of the world's inhabited land, Russia concentrates a comparable part of the world's natural resources. The highest value in Russia in comparison with international indicators are forest and fuel mineral resources. The huge natural resource potential of Russia does not lead to comparable economic development of the country (Russia accounts for only 3% of the global GDP).

Ключевые слова: рейтинговая оценка, комплексный подход, ресурсообеспеченность, уровень экономического развития, ресурсоемкость экономики.

Keywords: rating analysis, integrated approach, resource endowment, level of economic development, resource intensity of the economy.

Введение и постановка проблемы. Природные ресурсы – это природные объекты и явления, используемые в настоящем, прошлом и будущем для прямого и непрямого потребления, способствующие созданию материальных богатств, воспроизводству трудовых ресурсов, поддержанию условий существования человечества и повышающие качество жизни [18]. В современном мире, в эпоху значительного истощения запасов ряда важных природных ресурсов и обострения конкуренции за них, обладание большим и разнообразным природно-ресурсным потенциалом (ПРП) становится значимым военно-стратегическим и геополитическим преимуществом.

Цель исследования – комплексная оценка природно-ресурсного потенциала России и его сравнение с показателями ее конкурентов на глобальном рынке – держав, обладающих наиболее масштабными природными богатствами. В достижении этой цели будут использованы прежде всего количественные

методы исследования, позволяющие ранжировать показатели стран по различным значимым компонентам природно-ресурсного потенциала.

Обзор ранее выполненных исследований по теме. Реальную насыщенность территории природными ресурсами может адекватно представить только комплексная оценка природно-ресурсного потенциала, проведенная с учетом количественных характеристик. Обычно межстрановые сопоставления проводятся лишь по отдельным параметрам, крайне трудно определить, какой вид природных богатств важнее: минеральные, водные, лесные и т.д. Иногда один вид ресурсов важен лишь на коротком этапе, другой – при осуществлении долговременной стратегии развития. Предлагалось несколько вариантов разрешения этой проблемы.

Один из подходов направлен на расчет рыночной стоимости каждого ресурса, определяющей экономический эффект от его

использования. Такой подход, тесно связанный с бизнесом, получил распространение преимущественно в зарубежных странах. Примером подобной методики может служить вариант, предложенный в 2012 г. коллективом авторов из американского информационно-аналитического издания «24/7 Wall Street» [36]. Для анализа было выбрано 10 наиболее распространенных и ценных видов природных ресурсов: нефть, газ, уголь, уран, железо, медь, золото, серебро, фосфаты, древесина. Используя оценки разведанных запасов ресурсов в странах мира и рыночной стоимости этих ресурсов, были определены 10 стран с наибольшим ПРП. Ими оказались Россия (потенциал оценен в 75,7 трлн долл.), США (45), Саудовская Аравия (34,4), Канада (33,2), Иран (27,3), Китай (23), Бразилия (21,8), Австралия (19,9), Ирак (15,9) и Венесуэла (14,3 трлн долл.).

В 2006 г. Всемирным банком было выпущено исследование, в котором применяется методика расчета и оценки национального богатства с его подразделением на три составляющие: «природный капитал» (то есть природные ресурсы), «произведенный капитал» и «неосязаемый капитал». Природный капитал оценивался в текущих ценах как возможный объем природной ренты – экономической прибыли от эксплуатации природных ресурсов. Лидерами по этому показателю стали США (4,2 трлн долл.), Китай (2,8), Россия (2,5), Индия (2,0), Бразилия (1,1 трлн долл.) [3, 4, 39].

Слабое место обеих методик – «выпячивание» лишь 2–3 наиболее капиталоемких видов ресурсов (чаще всего – углеводородного сырья). В результате оценка потенциала перестает быть по-настоящему комплексной. К тому же она сильно зависит от перепадов рыночных цен и не может быть универсальным инструментом оценивания величины природных богатств.

Согласно «Экспертной оценке элементов национального богатства РФ», данной Министерством природных ресурсов РФ, ПРП страны на начало 2000-х годов оценен в 412,8 трлн руб. [9]. В тот же период суммарная ценность минерально-сырьевой базы России по разведанным и оцененным запасам всех видов полезных ископаемых определялась в 28 трлн долл. [12].

В Советском Союзе в начале 1970-х годов А.А. Минцем была предложена концепция

природно-ресурсного потенциала. Под ПРП понималась совокупность природных ресурсов территории, которые могут быть использованы в народном хозяйстве с учетом современных технологий. Величина ПРП – это количественное выражение совокупности природных ресурсов, для определения которой используют и более простой метод балльных шкал (плюс коэффициенты взвешенных баллов) и более сложные стоимостные оценки, которые позволяют судить не только об относительном богатстве той или иной территории, но и должны дать абсолютную оценку ее ресурсов [13]. Структура ПРП – это соотношение между различными видами природных ресурсов в пределах определенной территории. В данном случае речь идет уже не об интегральном ПРП, а о так называемых частных потенциалах. По Ю.Д. Дмитревскому, таких потенциалов восемь: географического положения, рельефа, минерально-сырьевой, климатический, водный, земельный, ботанический и зоологический, для оценки которых также применяются балльные и стоимостные показатели [5]. И. Зайцевым и О. Изюмским на основе исследования А.А. Минца была разработана методика оценки значимости природных ресурсов в баллах [7].

В 70–80-х годах прошлого века, на основе имеющихся методик, Т.Г. Руновой и Г.А. Приваловской были проведены расчеты природно-ресурсного потенциала экономических районов страны [16; 17]. Роли природных ресурсов в региональной экономике (особенно в стратегии развития восточных и северных регионов России) были посвящены работы В.П. Орлова [14].

Среди наиболее «свежих» отечественных работ, посвященных оценке ПРП, следует назвать статьи И.Л. Савельевой. Она предлагает методику, суть которой сводится к оценке всех разновидностей природных ресурсов в стоимостных показателях. При этом предварительно определяется возможная годовая продуктивность (производительность) всех оцениваемых ресурсов с учетом конкретных технических, экономических, экологических и других ограничений. Как отмечает и сам автор, этот метод оценки ПРП в сравнении с балльным лишен субъективизма, однако и ему свойственны недостатки. Главный из них – применяемые для расчетов потенциалов цены относятся не к ресурсам как таковым, а к первичной продукции

(сырью), получаемой на их основе, либо характеризуют затраты на ее получение. Поэтому в результате выполненной работы фактически устанавливается не ресурсный, а ресурсно-сырьевой потенциал, выраженный в денежной форме и рассчитанный на определенный период [26].

В последние годы значительную популярность в экономической и социальной географии получил рейтинговый подход. Рейтинг – это ранжир того или иного показателя в порядке от наибольшего к наименьшему. Рейтинги стали широко применяться во многих сферах общественной и экономической жизни, будь то ТНК, банковские услуги, образование, туризм, СМИ, культура. Слабая сторона любых рейтингов – абсолютизация того или иного параметра, приводящая к некорректности сопоставлений. Эта проблема устраняется введением комплексных (интегральных) рейтингов, построенных по ряду значимых показателей.

Результаты исследования. Природно-ресурсный потенциал территории изменяется во времени, эта подвижность связана не только с его исчерпанием (или приростом, если говорить о возобновимых ресурсах), но и с точностью его оценки. Наиболее сложно оценить минерально-сырьевой потенциал, объективные сведения о котором можно получить лишь используя финансово затратные геологические исследования. Довольно легко количественно оценить потенциал лесных, земельных, водных, минеральных ресурсов, в то время как точная оценка остальных (агроклиматических, животного мира и др.) – задача крайне трудоемкая.

Для комплексной оценки ПРП России предложим расчет среднего арифметического долей страны в пяти важнейших и легко количественно определяемых мировых потенциалах природных ресурсов – лесных, земельных, водных, топливных и нетопливных минеральных (табл. 2). Разделение минерального потенциала на две части позволяет лучше учитывать роль наиболее стратегически и экономически важных топливных ресурсов. Величина каждой из пяти составляющих итогового потенциала в свою очередь так же рассчитывается как среднее арифметическое долей в мировых запасах. Показатели, выбранные для расчета оценки ПРП России, указаны в табл. 1.

Лесные ресурсы. По площади лесов Россия занимает внеконкурентное первое место в мире. Она составляет от 7,95 млн км², или 46,4% территории страны, по данным Росстата [21], до 8,1 млн км², или 49,8%, по оценкам ФАО [2]. Если же брать за основу показатель запасов древесины на корню, то мировым лидером станет Бразилия – 96,7 млрд м³ (на 1 га приходится 196 м³ древостоя). Россия по этому показателю вторая – 82,8 млрд м³ (104 м³/га) (табл. 1). Однако по выработке лесами кислорода Россия превосходит Бразилию. По данным ФАО за 2015 г., Россия занимала 2-е место в мире (после Китая) по величине отрицательного сальдо эмиссии CO₂ (то есть выработка кислорода в наших лесах существенно больше выделения в атмосферу диоксида углерода) [34].

Из-за продолжающегося потепления климата леса России, в особенности среднетаежные, составляющие основу запасов, испытывают качественные изменения, уменьшающие их продуктивность (учащение пожаров, расширение болезней леса, аномально частое падение деревьев с корневой системой стелющегося типа из-за переувлажнения грунтов по причине вытаивания мерзлоты, увеличение доли менее ценных мелколиственных пород и т.д.) [11].

Большая величина лесных ресурсов в России не определяет должный уровень развития отраслей лесного комплекса. По вывозке древесины Россия занимает лишь 6-е место в мире, произведя в 2014 г. 123,4 млн плотных м³ необработанной древесины [23]. Доля РФ в мировой вывозке древесины – всего 3,5%, то есть почти в 4,5 раза меньше, чем по лесным ресурсам.

Земельные ресурсы. Площадь пахотных земель в России составляет 115,5 млн га (1,16 млн км²), или 6,8% территории страны. В 1990 г. пашня в РФ занимала 132 млн га, но затем стала сокращаться в связи с кризисом сельского хозяйства и депопуляцией села. По площади пашни Россия занимает 3-е место в мире, после Индии (157 млн га) и США (152 млн га). Доля российского пахотного клина в общемировом, по разным оценкам, от 8,2 до 8,7% (табл. 1). Более высокая доля пашни от площади страны, чем в России, свойственна примерно 130 странам – это явное следствие северного положения нашей страны и неосвоенности многих ее пространств.

Таблица 1

Величина основных видов природных ресурсов России на середину 2010-х годов

Показатель	Зарубежная оценка величины	Отечественная оценка величины	Доля от мировой величины, заруб./отеч., %	Место среди стран мира, заруб./отеч.	Страны, расположенные выше по рейтингу (заруб. и отеч., заруб., отеч.)
Лесопокрытая площадь, млн км ²	8,1 [2]	7,95 [21]	20,4/19,9	1-е/1-е	—
Запасы древесины на корню, млрд м ³	81,5 [2]	82,8 [21]	15,5/15,7	2-е/2-е	Бразилия
Площадь пашни, млн га	122,2 [33]	115,5 [27]	8,7/8,2	3-е/3-е	Индия, США
Объем поверхностного и подземного стока, тыс. км ³	4,5 [30]	4,6 [19]	8,3/8,5	2-е/2-е	Бразилия
Общий валовой гидроэнергопотенциал, трлн кВт·ч	2,3 [40]	2,9 [10]	5,9/9,0	2-е/2-е	Китай
Разведанные запасы нефти, млрд т	14,0 [31]	20,5 [29]	5,8/10,7	6-е/3-е	Саудовская Аравия, Иран, Венесуэла, Ирак, Канада
Разведанные запасы природного газа, трлн м ³	32,3 [31]	50,1 [29]	17,3/26,9	2-е/1-е	Иран
Разведанные запасы угля, млрд т	157 [31]	157 [29]	17,6/17,6	2-е/2-е	США
Разведанные запасы урана, тыс. т	480,3 [35]	333,7 [8]	8,9/6,2	4-е/4-е	Австралия, Казахстан, Канада
Разведанные запасы железных руд, млрд т*	14 [38]	55,5 [8]	16,5/26,3	2-е/1-е	Австралия
Разведанные запасы медных руд, млн т*	30 [38]	67,2 [8]	4,2/3,3	6–8-е/10-е	Чили, Австралия, Перу, Мексика, США, Польша, Китай, ДР Конго, Замбия
Разведанные запасы никелевых руд, млн т*	7,9 [38]	8,0 [8]	10,0/13,7	4-е/1-е	Австралия, Бразилия, Новая Каледония (Фр.)
Разведанные запасы оловянных руд, тыс. т*	350 [38]	1640 [8]	7,3/4,2	6-е/9-е	Китай, Индонезия, Бразилия, Боливия, Австралия, Малайзия, Таиланд, ДР Конго, Перу
Разведанные запасы свинцовых руд, млн т*	9,2 [38]	12,6 [8]	10,3/8,1	3-е/3-е	Австралия, Китай, Казахстан
Разведанные запасы вольфрамовых руд, тыс. т*	250 [38]	250 [8]	7,6/10,0	3-е/3-е	Китай, Канада
Разведанные запасы бокситов, млн т	200 [38]	1144 [8]	0,7/4,2	13-е/5-е	Гвинея, Австралия, Бразилия, Ямайка, Вьетнам, Индонезия и др.
Разведанные запасы золота, тыс. т*	8 [38]	8 [8]	14,3/9,4	2-е/2-е	Австралия, ЮАР
Разведанные запасы серебряных руд, тыс. т*	20 [38]	66,7 [8]	3,5/10,5	9-е/1-е	Перу, Австралия, Польша, Чили, Китай, Мексика, США, Боливия
Разведанные запасы платиноидов, тыс. т	1,1 [38]	10,0 [8]	1,7/16,7	2-е/2-е	ЮАР
Разведанные запасы калийных солей, млн т**	600 [38]	3272 [8]	16,2/14,9	3-е/2-е	Канада, Белоруссия
Разведанные запасы фосфатов, млн т***	1300 [38]	932 [8]	1,9/2,5	6–7-е/2-е	Марокко (включая Западную Сахару), Китай, Алжир, Сирия, ЮАР

* По содержанию металла.

** В пересчете на К₂O.*** В пересчете на P₂O₅.

В России на 100 человек приходится 85 га пашни, в ее главных конкурентах – США, Индии и Китае – соответственно 49, 13 и 8 га [24]. Среднемировая обеспеченность пашней составляет 19,7 га на 100 человек, в лидерах по этому показателю – Австралия (185 га), Казахстан (166 га), Канада (131 га) [33].

К сожалению для России, большая величина земельных ресурсов преуменьшается низким качеством ресурсов почвенных. Несмотря на то, что российские черноземы признаны эталоном плодородия [6], на них приходится всего 49 млн га, или 3% территории России (при том, что в нашей стране сосредоточено около половины черноземов мира). На гектаре чернозема содержится 300–400 т гумуса, однако это природное богатство постоянно расходуется. В конце XIX в. площадь пашни с содержанием гумуса в 7–10% в современных границах нашей страны составляла 7,8 млн га, а в начале XXI в. таких черноземов сохранилось менее 3 млн га [28]. Причины сокращения: разложение гумуса со временем, его расход на урожай, эрозия почвы.

Кризис сельского хозяйства, охвативший нашу страну, не дает возможности сегодня поднять долю производства аграрной продукции выше 2,2% от мирового показателя. В 2015 г. по стоимости произведенной сельскохозяйственной продукции Россия находилась на 13-м месте в мире, уступая не только Китаю, Индии и США, но и, например, Турции, Египту и Таиланду [32].

Водные ресурсы. Главный показатель величины водных ресурсов в мировой статистике – объем поверхностного и подземного стока (при этом водные ресурсы пресных озер и ледников не учитываются). По величине стока Россия – вторая на планете. Ее показатель составляет около 8,5% от мирового, в абсолютных цифрах – 4,5–4,6 тыс. км³ в год. Лидирует по объему стока Бразилия – 8,6 тыс. км³ (15,9% от мира) [27].

При включении в оценку потенциала водных ресурсов пресных озер Россия выходит на 1-е место (в одном Байкале содержится 23 тыс. км³ воды – 1/5 мировых запасов). Засухи последних лет и нерациональное водопотребление привели к уменьшению запасов пресных вод в российских водоемах. Так, в 2015 г., объем Братского водохранили-

ща составил 139 км³ (при среднемноголетнем показателе 170 км³), Красноярского – 56,4 (73,3), Куйбышевского – 43,3 (58,0), Саяно-Шушенского – 24,4 км³ (31,3 км³). Сложнее всего ситуация с Рыбинским и Цимлянским водохранилищами, которые потеряли по 50% своих водных запасов [20].

По величине ресурсов речного и подземного стока на душу населения Россия занимает 30-е место в мире. На каждого россиянина приходится около 29,7 тыс. м³ пресной воды (2014 г.), среднемировой показатель – 6 тыс. м³ [30].

Россия располагает большим гидроэнергетическим потенциалом, на ее территории сосредоточено около 9% мировых гидроэнергоресурсов. По обеспеченности гидроэнергетическими ресурсами РФ занимает 2-е место в мире, уступая Китаю. Общий валовой (теоретический) гидроэнергетический потенциал России – 2,9 трлн кВт·ч годовой выработки электроэнергии или 170 тыс. кВт·ч на 1 км² ее территории. Технически достижимый уровень использования гидроэнергоресурсов составляет около 70% от валового гидроэнергетического потенциала, для России он равен 1670 млрд кВт·ч. Наиболее освоено экономический гидроэнергетический потенциал в Европейской части России, он здесь используется на 46,8%. Существенно ниже использование гидроэнергетического потенциала Сибири (21,7%) и Дальнего Востока (3,8%) [10].

Минерально-сырьевые ресурсы. По оценкам компании «Влант», на Россию приходится 11% мировых разведанных запасов нефти, 27% запасов природного газа¹, 18% запасов угля [29]. Россия занимает 3–6-е место по разведанным запасам нефти и 1–2-е место по запасам природного газа (табл. 1). По разведанным запасам угля Россия – вторая после США. При этом на Россию в 2015 г. приходилось 12% мировой нефтедобычи (2-е место после Саудовской Аравии), 16% добычи газа (2-е место после США), 5% добычи угля (6-е место) [31]. Россия обладает значительными запасами металлического и неметаллического рудного сырья (табл. 1).

Место России в мировом природно-ресурсном потенциале. После вычисления среднего арифметического показателей пяти составных частей ПРП была получена следующая последовательность стран по

¹ Запасы природного газа в России велики, но большая их часть относится к технически и технологически трудноизвлекаемым. Высокоэффективных запасов газа, для освоения которых имеется развитая инфраструктура, явно недостаточно.

Таблица 2

*Природно-ресурсный потенциал семи ведущих стран мира
(среднее арифметическое долей от общемировых запасов, %)*

Страна	Лесные ресурсы	Земельные ресурсы	Водные ресурсы	Топливные минеральные ресурсы	Нетопливные минеральные ресурсы	Общий потенциал
Россия (отечеств. оценки)	17,8	8,2	8,8	15,5	10,3	12,1
Россия (зарубежные оценки)	18,0	8,7	7,1	12,4	7,8	10,8
Китай	4,1	7,5	10,5	5,2	12,3	7,9
Бразилия	15,4	5,4	10,9	1,7	4,8	7,6
США	7,8	10,8	3,5	9,7	2,9	6,9
Австралия	3,1	3,3	0,8	10,4	14,1	6,3
Канада	8,9	3,3	5,4	5,6	4,1	5,4
Индия	1,4	11,2	2,0	2,9	1,5	3,8

Рассчитано автором

величине природно-ресурсного потенциала (табл. 2). Россия занимает 1-е место, на 3–4 процентных пункта опережая следующих за ней Китай и Бразилию. Занимая 12,8% обитаемой суши, Россия концентрирует сопоставимую часть мирового природно-ресурсного потенциала. Обеспеченность природными ресурсами в нашей стране выше среднемировой: примерно $\frac{1}{9}$ частью общемировых богатств пользуются 2% мирового населения. Наиболее высокие показатели ПРП России характерны для лесных и топливных минеральных ресурсов. Любопытно, что российские оценки ПРП страны существенно выше зарубежных для водных и минеральных ресурсов, но несколько ниже для лесных и земельных. В мировых рейтингах обеспеченности природными ресурсами РФ чаще всего занимает места в первой шестерке (табл. 1).

Россия – лидер клуба «ресурсных гигантов», в который, помимо нее, входят Китай, Бразилия, США, Австралия, Канада, Индия, ЮАР, Индонезия. Именно они конкурируют с Россией за рынки сбыта природных ресурсов и ресурсоемкой продукции. Эти страны относятся к разным группам в зависимости от уровня их экономического развития. США, Канада, Австралия, ЮАР – экономически развитые государства, первые два из них входят в «Большую семерку». Остальные относятся к развивающимся странам, но динамика их экономического роста весьма перспективна (особенно это заметно на примере Китая). В числе «ресурсных гигантов» все без исключения страны БРИКС – передо-

вой эшелон стран мировой Полупериферии, имеющий амбиции расширения своей экономической экспансии. Контроль за мировыми ресурсами – существенное подспорье в осуществлении этой стратегии, призванное обеспечить экономические и технологические преимущества этим странам уже в ближайшей перспективе.

Меры по охране природных богатств России, к сожалению, нельзя назвать удовлетворительными: ООПТ РФ составляют всего 1,4% от общей площади охраняемых ландшафтов в мире (2014 г.). По площади ООПТ наша страна – пятая, впереди – США, Австралия, Канада и даже Индонезия – страны, существенно уступающие России по размерам [25; 37].

Выводы. Оценивая комплексный природно-ресурсный потенциал страны как сумму частных потенциалов отдельных видов ресурсов, мы пришли к интегральному показателю ПРП, базирующемуся на среднем значении долей частных потенциалов, взятых от общемировых запасов. Согласно актуальной статистической информации о запасах ресурсов, лидером общего рейтинга стран мира по ПРП является Россия. Однако крупнейший в мире природно-ресурсный потенциал пока не способствует сопоставимому развитию экономики РФ: на страну приходится лишь 3% мирового валового продукта. Это объясняется, прежде всего, следующими обстоятельствами.

Во-первых, имеет значение методика расчета ВВП, в структуре которого стоимость

добытых и использованных первичных природных ресурсов крайне мала, а стоимость готовой продукции и тем более услуг непомерно высока. В результате оценки полных цепочек добавленной стоимости получают непропорционально высокие значения ВВП в странах и территориях, почти полностью отказавшихся от ресурсной экономики, таких как Сингапур или Сянган (Гонконг).

Во-вторых, существуют серьезные различия между странами, следующими по экстенсивному и интенсивному путям природопользования. Природно-ресурсный потенциал России используется со сравни-

тельно низкой эффективностью, а природопользование сложно назвать рациональным: по разным оценкам, от 1 до 3% добываемой нефти на нефтепромыслах России теряется и попадает в окружающую среду² [15], по стране заброшено 10 млн га сельскохозяйственных земель [1], пройденная пожарами в 2014 г. лесная площадь достигла 3191 тыс. га, превысив показатель 2000 г. в 2,4 раза [22] и т.д. Для современной России крайне актуальны задачи рационализации природопользования, сокращения потерь природных ресурсов, усиления деятельности по восстановлению возобновимых ресурсов.

Библиографический список

1. В России заброшено 10 миллионов гектаров сельхозземель // РИА «Новости» – 03.12.2015. URL: <http://www.utro.ru/news/2015/12/03/1262982.shtml>
2. Глобальная оценка лесных ресурсов 2015. Настольный справочник. FAO, 2015. Табл. 13.
3. Горкин А.П., Демидова Е.Е., Кадилова Л.А. Территориально неограниченные ресурсы стран мира // География мирового развития. Выпуск 3: Сборник научных трудов / Под ред. Л.М. Синцова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016.
4. Горкин А.П., Демидова Е.Е., Кадилова Л.А. Национальное богатство и территориально неограниченные ресурсы стран мира // Региональные исследования. 2015. № 2 (48). С. 148–152.
5. Дмитриевский Ю.Д. О природном потенциале территории / Ресурсы, среда, расселение. М.: Наука, 1974. С. 101–106.
6. Докучаев В.В. Русский чернозем [Отчет Вольному экономическому обществу]. СПб.: Типография Деклерона и Евдокимова, 1883.
7. Зайцев И.Ф., Изюмский О.А. Природные ресурсы – на службу экономическому прогрессу. М.: Мысль, 1972.
8. Информационно-аналитический центр «Минерал». URL: www.mineral.ru
9. Количественная и качественная оценка природных ресурсов // Использование и охрана природных ресурсов в России. Бюллетень. 2001. № 1–2. С. 8.
10. Краткая характеристика крупнейших гидроэлектростанций России // Рейтинговое агентство «Эксперт». URL: http://raexpert.ru/researches/energy/electric/part_2_3/
11. Медведков А.А. Среднетаежные геосистемы Приенисейской Сибири в условиях меняющегося климата. М.: МАКС Пресс, 2016.
12. Минерально-сырьевые ресурсы в стратегии развития российской экономики // Россия в окружающем мире: 2000 (Аналитический ежегодник). Отв. ред. Н.Н. Марфенин. М.: Изд-во МНЭПУ, 2000.
13. Минц А.А. Экономическая оценка естественных ресурсов (Научно-методические проблемы учета географических различий в эффективности использования). М.: Мысль, 1972.
14. Орлов В.П. Природные ресурсы в экономике регионов России // Федерализм. 2005. № 4. С. 109–132.
15. Пиковский Ю., Пузанова Т. Экологические проблемы добычи нефти в России // ТЭК России. 2012. № 1.
16. Приваловская Г.А., Рунова Т.Г. Территориальная организация промышленности и природные ресурсы СССР. М.: Наука, 1980.
17. Приваловская Г.А., Рунова Т.Г. Территориальные сочетания ресурсов и региональные особенности добывающей и обрабатывающей промышленности // Региональное развитие и географическая среда. М., 1971.
18. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. С. 456.
19. Российский статистический ежегодник. 2015. М.: Росстат, 2015. Табл. 3.2.
20. Российский статистический ежегодник. 2015. М.: Росстат, 2015. Табл. 3.3.
21. Российский статистический ежегодник. 2015. М.: Росстат, 2015. Табл. 15.43.
22. Российский статистический ежегодник. 2015. М.: Росстат, 2015. Табл. 15.44.
23. Российский статистический ежегодник. 2015. М.: Росстат, 2015. Табл. 15.45.
24. Россия и страны мира. М.: Росстат, 2014. Табл. 1.3.
25. Россия и страны мира. М.: Росстат, 2014. Табл. 10.3.
26. Савельева И.Л. Оценка природных ресурсов в экономической географии // География и природные ресурсы. 2009. № 4. С. 10–16.
27. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. М.: Росстат, 2015. Табл. 4.1. С. 75.

² Это происходит в результате испарения легких фракций нефти, прорывов труб на промысловых нефтепроводах, непредсказуемого фонтанирования и аварий на скважинах, утечек при ремонтных работах, негерметичности скважинного и трубопроводного оборудования, испарения и утечек из резервуаров и др.

28. Турусов В., Шевченко В. Дороже всякой нефти, дороже золотых и железных руд... // Коммуна. Информационный портал Воронежа и Воронежской области. – 27.02.2015. URL: http://communa.ru/nauka_i_obrazovanie/dorozhe_vsyakoy_nefti-_dorozhe_zolotykh_i_zheleznykh_rud/
29. Хохлов А.В. Справочные материалы по географии мирового хозяйства. 2016. Вып. 1. М.: Консалтинговая компания «Влант», 2016.
30. AQUASTAT. Global Water Information System. URL: http://www.fao.org/nr/water/aquastat/countries_regions/Profile_segments/RUS-WR_eng.stm
31. BP Statistical Review of World Energy. June 2016. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>
32. CIA World Factbook. 2015. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/>
33. FAOSTAT. Arable land by country. URL: <http://faostat3.fao.org/download/R/RL/E>
34. FAOSTAT. Net emissions/removals by country (CO₂ equivalent). URL.: <http://faostat3.fao.org/browse/G2/GF/E>
35. OECD. Uranium 2009: Resources, Production and Demand. OECD NEA Publication 6891. 2010.
36. Sauter Michael, Stockdale Charles, Ausick Paul. The World's Most Resource-Rich Countries // 24/7 Wall St. April 18, 2012. URL: <http://247wallst.com/special-report/2012/04/18/the-worlds-most-resource-rich-countries/3/>
37. United Nations List of Protected Areas. Cambridge: UNEP World Conservation Monitoring Centre, 2014.
38. U.S. Geological Survey, Mineral Commodity Summaries. January 2016. URL: <http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/mcs/>.
39. Where is the wealth of nations? Measuring Capital for 21st Century. The World Bank, Washington, 2006. P. 23.
40. World hydro potential and development. Norwegian Renewable Energy Partners. URL: <http://www.intpow.com/index.php?id=487&download=1>

УДК 353:35.08(470.332)

Розанова Н.Н. (Смоленск)

РЕПУТАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Rozanova N.N.

REPUTATIONAL CHARACTERISTICS OF THE REGIONAL POWER (ON THE EXAMPLE OF SMOLENSK REGION)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования репутации региональной власти на примере Смоленской области. Определяются ее приоритетные и значимые содержательные характеристики, по мнению как населения (своего рода «взгляд извне»), так и представителей самой власти – государственных гражданских служащих органов исполнительной власти Смоленской области («взгляд изнутри»). Соотносится понимание содержания репутации населением и властью и выявляется степень единства и зоны расхождения в их мнении.

Abstract. Results of research of reputation of the regional power on the example of the Smolensk region are presented in article. Her priority and significant substantial characteristics, are determined by opinion as the population (some kind of "a look from the outside"), and representatives of the power – the public civil servants of executive authorities of the Smolensk region ("insides"). The understanding of content of reputation by the population and the power corresponds and degree of unity and a zone of a mismatch in their opinion comes to light.

Ключевые слова: репутация региональной власти; содержательные характеристики репутации; население; государственные гражданские служащие, Смоленская область.

Keywords: reputation of the regional power; substantial characteristics of reputation; population; public civil servants, Smolensk region.

Введение и постановка проблемы. Современные условия непростой международной обстановки и значительной внешнеполитической изоляции нашей страны актуализируют задачи наращивания внутриполитического доверия, репутационно-

го капитала российской власти [3; 5; 6; 17; 18], призванного способствовать консолидации усилий государства и общества для совместного преодоления кризисных явлений в различных сферах социально-экономического и политического развития страны.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Информационно-аналитическое продвижение реальной репутации региональной власти», № 16-03-00503 а.

И если высокий уровень доверия к Президенту России, наблюдаемый на протяжении последних лет и иллюстрируемый опросами ВЦИОМа, в определенной степени сказывается на улучшении восприятия населением деятельности субъектов федеральной власти, то для регионального уровня проблема наращивания репутационного капитала, как территории в целом, так и институтов, формирующих ее положительную репутацию, остается по-прежнему актуальной [1; 2; 9–11; 16].

Репутационный капитал региона трактуется исследователями как развернутый комплекс оценочных представлений, сформированных на основе объективных параметров [10, с. 112]. Среди институтов, создающих репутацию территории, И.С. Важенина называет органы федеральной, региональной и муниципальной власти; политические партии и движения; средства массовой информации; профессиональные объединения и союзы; общественные организации; рекламные и PR-агентства; Интернет-сообщество и т.д. [2, с. 26–27].

Таким образом, важнейшей составляющей репутационного капитала региона является репутационный капитал региональной власти, под которым мы понимаем совокупность ценностных характеристик региональной власти, приобретенных ею благодаря наличию позитивной репутации у населения региона и наделяющих власть дополнительными социально значимыми преимуществами. К таким преимуществам можно отнести: гарантии поддержки (разделение населением) реализуемой в регионе государственной политики; высокий потенциал конструктивного сотрудничества власти и общества; благоприятные условия для реализации государственно-частного партнерства; инициативность и активность населения; заинтересованное участие в поиске перспективных направлений регионального развития; высокую избирательную активность населения; устойчивость положения власти; способность к более адекватной, взвешенной реакции на антикризисные меры власти и др.

В то же время, исследователи указывают на значительную стихийность процесса управления репутацией в современной региональной политике, подчеркивая его ориентацию на массовые коммуникации и манипулятивные технологии: происходит подмена репутации имиджем, что приводит к сни-

жению авторитета местных политических субъектов [9, с. 9].

Начало исследования категории «репутация» в социально-политическом контексте в отечественной науке связано с изучением политического лидерства (А.Г. Блудова, Е.В. Егорова-Гантман, А.Р. Галлямов, А.Ю. Кошмаров, С.В. Нестерова, Б.Д. Парыгин, А.М. Цуладзе, Е.Б. Шестопал и др.). Вопросам репутационного менеджмента посвящены исследования многих российских авторов, преимущественно это аналитические работы по паблик рилейшнз (в том числе, политическому PR, GR), имиджологии, массовым коммуникациям, социологии управления, связанные с репутационной проблематикой политической сферы (М.П. Бочаров, А.Ф. Векслер, И.А. Викентьев, В.С. Комаровский, Д.В. Ольшанский, А.Ю. Панасюк, Е.А. Петрова, Г.Г. Почепцов, А.Ю. Русаков, А. Санаев, С.М. Тучков, О.А. Феофанов, А.Н. Чумиков, В.М. Шепель, Ф.И. Шарков и др.).

Ряд научных исследований посвящен репутации политических субъектов, технологии и особенностям ее формирования и реализации (А.Р. Галлямов, Е.В. Коган, А.Ю. Кошмаров, З.Р. Мингазова, А.Ю. Трубецкой, Н.В. Устинова, И.Г. Харламов и др.), отдельным предметом изучения становится репутационный капитал политических субъектов (И.В. Варламова, К. Великанов, Н.Е. Гранкин, А.Ю. Кравчук, А.Э. Рудакова, А.Э. Соколова, Е.С. Тихомирова и др.).

Рассмотрению политического пространства региона, вопросам его продвижения, территориального маркетинга, формирования имиджа и репутации, в том числе, в политическом пространстве, посвящены исследования С.Н. Андреева, Н.А. Андриановой, О.В. Артюх, И.М. Бусьгиной, И.С. Важениной, А.Н. Вихрова, В.Я. Гельман, Т.Б. Гердт, А.А. Добриковой, Е.Ю. Доморовской, С.Н. Еремеева, Н.Ю. Замятиной, В.Н. Колосова, Ю.В. Кудашовой, Ю.М. Маркиной, Р.Н. Мингалеева, Н.С. Мироненко, А.П. Панкрухина, Т.В. Поляковой, В.И. Суханова, Ю.В. Тарановой, Р.Ф. Туровского, Н.А. Цветкова, И.А. Шабалина, В.Н. Якимец, М.В. Яковлева и др.

В изучении репутации власти существенную роль играют исследования по избирательному процессу, политическому менеджменту, маркетингу и консал-

тингу (В.Н. Амелин, К.П. Боришлопец, С.В. Вилков, С.Л. Головачева, Т.Э. Гринберг, М.Л. Гунаре, И.Л. Недяк, И.А. Новожилова, Д.В. Ольшанский, Е.Н. Пашенцев, Г.В. Пушкарева, О.Ф. Русакова, С.В. Устименко, С. Фаер, Ф.И. Шарков и др.).

В то же время, сохраняется актуальность дальнейшего изучения репутации власти, особенно на региональном уровне, поскольку в современной отечественной науке, в отличие от имиджа различных субъектов власти, она только становится предметом самостоятельного исследования.

В данной связи представим результаты изучения репутации региональной власти на примере Смоленской области. В рамках реализации научно-исследовательских проектов² ставился ряд задач, в том числе:

- определить сущностное понимание репутации власти (на примере исполнительной власти Смоленской области), выявить ее содержательные характеристики, провести оценку репутации как населением, так и представителями самой власти – государственными гражданскими служащими органов исполнительной власти (ОИВ) Смоленской области;
- соотнести понимание репутации населением и властью для определения степени единства в понимании категории «репутация региональной власти» для выявления ключевых проблемных зон и приоритетных направлений дальнейшей работы по формированию позитивной репутации.

В рамках данной статьи остановимся на выявлении степени единства в содержании репутации региональной власти населением и властью. Значительная разница в данном соотношении условно обозначена как «зона рассогласования», которая может быть критической при наиболее существенном разрыве.

Методика исследования. Изучение репутации региональной (исполнительной) власти проводилось методами социологического исследования с помощью анкетных опросов двух целевых групп: жителей г. Смоленска и районов Смоленской области (январь 2014 г., 305 респондентов; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная

по полу, возрасту, территории проживания); государственных гражданских служащих органов исполнительной власти Смоленской области (июнь 2014 г., 127 респондентов, что составляет 10% от общего числа служащих; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная по категориям должностей государственной гражданской службы).

Исследование проводилось на основе разработанной автором формы анкеты. В частности, содержательные характеристики репутации региональной власти были выделены, исходя из результатов анализа разработок отечественных ученых (в том числе, например, с учетом подхода к выделению критериев социальной эффективности государственного управления Г.В. Атаманчука) и нормативно-правовых актов, определяющих показатели эффективности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Названия двух основных целевых групп: «население» и «госслужащие» (государственные гражданские служащие органов исполнительной власти Смоленской области) определены условно, исходя из задач изучения репутации региональной власти «извне» – основным субъектом – носителем мнения о репутации власти – представителем «обычного» населения, не являющимся одновременно носителем репутации, и «изнутри» – субъектом самой власти, непосредственным носителем репутации.

Также особо отметим, что в рамках данной статьи мы не останавливаемся на представлении особенностей мнения населения по территориальному признаку (горожане и жители сельской местности) в силу отсутствия принципиальной разницы в выделении содержательных репутационных характеристик данными группами.

I. Содержание репутации региональной власти. Для определения содержания понятия «репутация региональной власти» происходило ранжирование характеристик репутации из заданного перечня, включающего 60 характеристик.

Содержание репутации региональной власти – это ее значимые характеристики, совокупность которых позволяет судить о репутации власти в целом. Именно на основе данных характеристик складывается

² Гранты РГНФ: «Оценка репутации региональной власти», проект № 11-12-67007 а/Ц, 2011–2012 гг.; «Технология формирования позитивной репутации региональной власти» № 14-03-00549 а, 2014–2015 гг.).

представление о репутации региональной власти. Проектируемые нами репутационные характеристики (содержание репутации) региональной власти были объединены в два основных блока: институциональный и деятельностный.

Институциональные (профессиональные) характеристики репутации власти – это внутренние качественные характеристики самой власти, отражающие представление о том, какой должна быть власть; преимущественно они являются довольно абстрактными собираемыми категориями.

Деятельностные характеристики репутации власти – это качественные характеристики власти, отражающие представление о том, что должна делать региональная власть, чтобы быть результативной; они вполне конкретны.

Также было допущено предположение о наличии четырех *приоритетных, обобщающих характеристик репутации региональной власти*, исходя из социального предназначения власти. Данные характеристики как бы объединяют в себе все содержательные характеристики репутации и отражают ее целостное сущностное понимание как своего рода критерия социальной эффективности власти:

- результативность деятельности власти;
- доверие населения;
- «служение народу» – социальная ориентация власти;
- идентификация населения и власти – единство целей, ценностей, интересов.

Сначала представим *результаты исследования по выявлению степени единства населения и власти в выделении самых значимых институциональных характеристик репутации региональной власти*. Вопрос к респондентам звучал следующим образом: «Какие из перечисленных характеристик, на Ваш взгляд, в наибольшей степени создают репутацию региональной власти?». Из 31 характеристики нужно было выбрать не более 10 вариантов. На рисунке 1 приводятся данные по соотношению мнения власти и населения при ранжировании предложенных характеристик репутации институционального блока. Шкала показывает процент респондентов, выбравших те или иные характеристики в качестве 10 основных.

Для выявления степени единства мнения населения и власти проведем сопоставитель-

ный анализ по четырем условно выделенным группам репутационных характеристик, определенных по критерию их значимости: приоритетные (обобщающие) характеристики; характеристики высокой, средней и низкой степени значимости.

II. Приоритетные репутационные характеристики и характеристики высокой степени значимости.

1. В качестве *приоритетных (обобщающих) характеристик репутации региональной власти и населения*, и госслужащие выделили результативность и доверие. При этом у населения, в отличие от госслужащих, с явным отрывом лидирует результативность власти, в качестве приоритетной характеристики ее выбрали почти 80% смолян. То есть для населения репутация региональной власти – это, в первую очередь, результаты ее деятельности. При этом доверие занимает вторую по значимости позицию, но с отставанием в почти 20%! Данный результат представляется важным, поскольку как в публицистике, так и научной литературе довольно распространенным является отождествление понятия репутации с доверием. Репутация – это не просто доверие, а прежде всего доверие, основанное на реальных результатах деятельности власти.

2. В *характеристики репутации высокой степени значимости* мы включили 10 лидирующих характеристик (ТОП-10), поскольку именно такое их количество требовалось выбрать из всех предложенных с учетом уже рассмотренных приоритетных характеристик (рис. 2–3).

Мы видим, что большинство репутационных характеристик совпадает, разница заключается в двух из них для каждого субъекта. Для населения – это выполнение взятых обязательств и единство целей, ценностей и интересов власти и населения; для госслужащих – учет мнения населения и справедливость. В то же время отметим, что хотя данные характеристики нельзя отнести к ТОП-10 для обоих субъектов, три из них вошли в следующую по значимости группу характеристик как для населения, так и для власти, и получили сопоставимые результаты.

Исключение составляет такая характеристика, как единство целей, ценностей и интересов власти и населения. Она вошла в условно обозначенную нами «зону рассогласования» в едином понимании содержа-

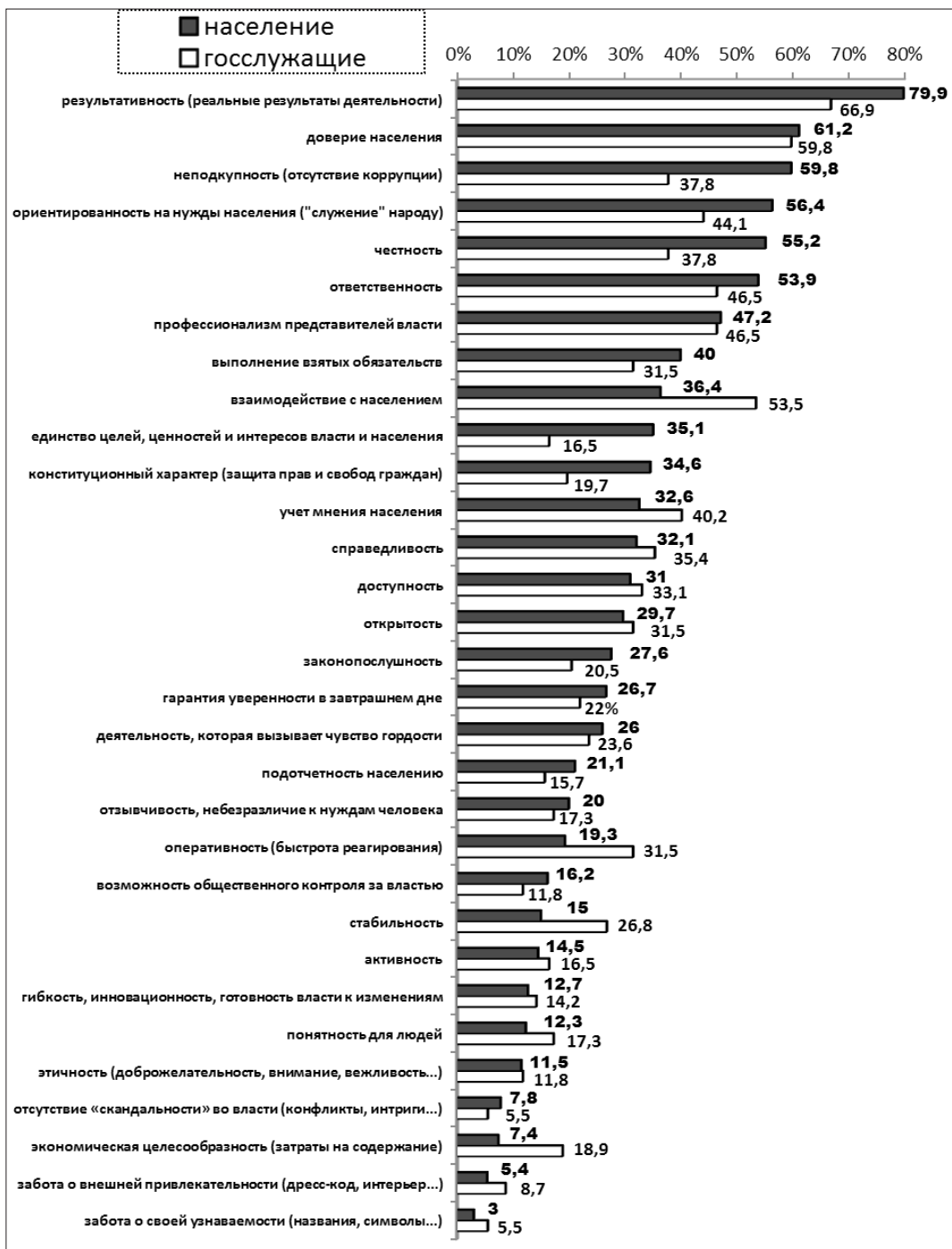

Рис. 1. Ранжирование институциональных характеристик репутации региональной власти, по мнению населения и государственных гражданских служащих ОИВ Смоленской области

ния репутации региональной власти, представляющую собой набор содержательных характеристик репутации, по которым у населения и власти есть существенная разница во мнении об их значимости (превышает 10%). Более 35% населения включили единство

целей, ценностей и интересов власти и населения в число наиболее значимых, создающих репутацию региональной власти. Таковой она является только для 16,5% госслужащих. На наш взгляд, это довольно опасный идейно-смысловой разрыв, который может

Рис. 2. Топ-10 институциональных характеристик репутации региональной власти, по мнению населения Смоленской области

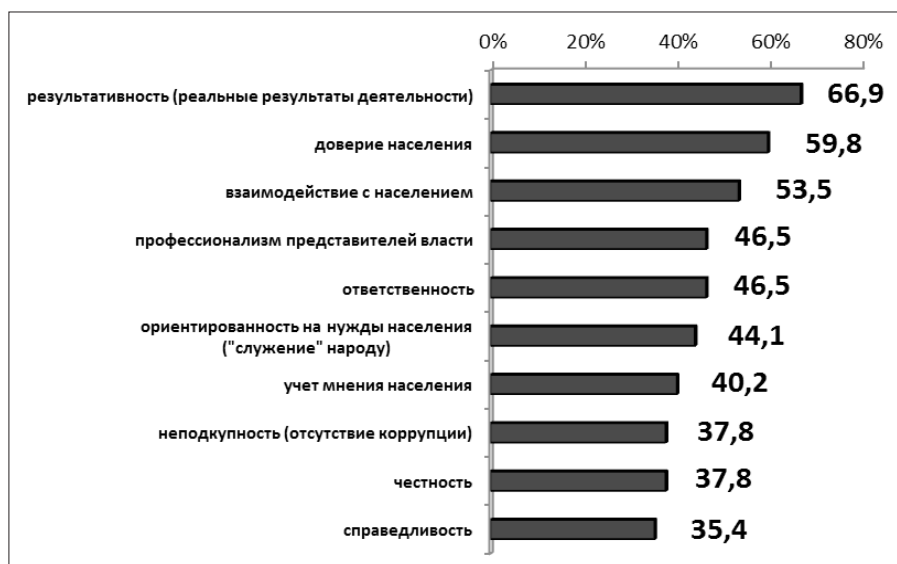

Рис. 3. Топ-10 институциональных характеристик репутации региональной власти, по мнению государственных гражданских служащих ОИВ Смоленской области

свидетельствовать о наличии потенциальной или реальной проблемы отчуждения населения от власти.

Также в рассматриваемой группе необходимо особо выделить те характеристики, которые разделяет большинство опрошенных (более 50%). Для населения это неподкупность, служение народу, честность и ответственность. Для госслужащих – взаимодействие с населением. На наш взгляд, данный факт свидетельствует о том, что у населения есть более четкое понимание институционального содержания репутации региональной власти, чем у самой власти,

что выражается в большем единстве мнений при выборе характеристик.

Таким образом, анализ результатов исследования показывает, что из четырех проектируемых приоритетных характеристик репутации региональной власти (результативность, доверие, «служение народу», единство целей, ценностей, интересов власти и населения) все вошли в число наиболее значимых как для населения, так и для власти, за исключением последней, которую госслужащие отнесли к характеристикам низкой степени значимости. Тем не менее только две из них – результативность и доверие – названы

в числе первых, и их действительно можно считать ключевыми обобщающими характеристиками, которые как бы аккумулируют в себе все остальные.

III. Репутационные характеристики средней и низкой степени значимости.

3. Рассмотрим репутационные *характеристики средней степени значимости*. В данный блок были включены 10 следующих за лидирующими характеристик (с 11 по 20). В основном они получили «поддержку» около 20–30% как населения, так и госслужащих.

Мнение субъектов совпадает по 6 из 10 характеристик: конституционный характер (здесь наблюдается зона рассогласования), доступность, открытость, законопослушность, гарантия уверенности в завтрашнем дне и деятельность, которая вызывает чувство гордости.

Ранее мы уже отмечали, что еще три характеристики (учет мнения населения и доступность госслужащие отнесли к группе высокой степени значимости, а население – к средней; выполнение взятых обязательств, наоборот, более значимо для населения) хотя и вошли у обоих субъектов в разные группы, но принципиально близки в количественном (процентном) отношении.

Две репутационные характеристики (подотчетность населению и отзывчивость, безразличие к нуждам населения), которые для населения имеют среднюю степень значимости, госслужащими отнесены к низкой. И, наоборот, три характеристики, вошедшие у госслужащих в данный блок (оперативность, стабильность, экономическая целесообразность), для населения не так значимы. При этом все они входят в зону рассогласования.

4. Соотнесем *репутационные характеристики низкой степени значимости*. Сюда входят оставшиеся 11 характеристик, которые были выбраны наименьшим количеством респондентов в качестве значимых (преимущественно до 20%). По 8 из них наблюдается единство во мнении.

В рамках предыдущего блока уже были рассмотрены несовпадения во мнении субъектов по характеристикам, отнесенным к блокам средней и низкой степеней значимости. Там же была определена зона рассогласования, к которой также присоединяется репутационная характеристика – единство целей, ценностей и интересов власти и насе-

ления. По данной характеристике наблюдается самый большой разрыв во мнении субъектов, поскольку у населения она входит в число наиболее значимых, а для госслужащих – наименее значимых.

Сделаем основные выводы по выявлению степени единства населения и власти относительно институционального блока характеристик репутации региональной власти.

Степень *принципиального совпадения мнения населения и госслужащих* наблюдается по большинству *содержательных репутационных характеристик институционального блока* во всех группах, различающихся по степени значимости. В том числе выделены одинаковые приоритетные характеристики: результативность и доверие; по характеристикам высокой степени значимости также существует принципиальное единство. При этом у населения есть более четкое понимание институционального содержания репутации региональной власти, чем у самой власти, что выражается в большем единстве мнений при выборе характеристик.

В то же время есть и определенная *зона рассогласования в едином понимании содержания репутации региональной власти по институциональному блоку* (рис. 4).

Особое внимание следует обратить на так называемую *критическую зону рассогласования*, где смысловой разрыв наиболее существенен.

К данной зоне относится, в первую очередь, такая репутационная характеристика, как единство целей, ценностей и интересов власти и населения, которую население рассматривает как характеристику высокой степени значимости, а госслужащие – низкой.

Также к критической зоне можно отнести неподкупность (отсутствие коррупции) в силу большой разницы в расстановке акцентов. Роль неподкупности власти в содержании репутации для населения очень важна – для 60% она занимает третье по значимости место, и если бы не конкретная направленность, то ее можно было бы включить в группу приоритетных характеристик наряду с результативностью и доверием. Госслужащие также отнесли неподкупность к числу характеристик высокой степени значимости, но при этом так считает около 38% представителей власти (разрыв во мнении субъектов составляет 22%). Близки к критической зоне еще две характеристики (разрыв составля-

Рис. 4. Зона рассогласования институциональных характеристик репутации региональной власти, по мнению населения и государственных гражданских служащих ОИВ Смоленской области

ет более 17%): честность и взаимодействие с населением, при этом первая характеристика более значима для населения, вторая – для госслужащих.

IV. Степень единства населения и власти в понимании содержания репутации региональной власти.

Теперь перейдем к анализу результатов исследования по выявлению степени единства населения и власти в выделении самых значимых деятельностных характеристик репутации региональной власти. Задавание для респондентов звучало следующим образом: «Выберите, пожалуйста, 10 наиболее важных действий региональной власти, которые, на Ваш взгляд, лучше всего могут способствовать формированию ее репутации у населения». Всего было предложено 29 вариантов.

Ниже приводятся данные по соотношению мнения власти и населения при ранжировании предложенных характеристик репутации региональной власти деятельностного блока (рис. 5).

Проведем сопоставительный анализ репутационных характеристик по ранее определенным группам в зависимости от степени их значимости.

1. В деятельностном блоке в качестве приоритетной (обобщающей) характеристики репутации региональной власти и население, и госслужащие выделили создание условий для достойной жизни; наблюдается единство

мнения обоих субъектов и в количественном (процентном) отношении. При этом население определяет данную характеристику как явно лидирующую, с отрывом от остальных в 15%, то есть мы можем наблюдать ситуацию, аналогичную лидерству результативности как приоритетной характеристики институционального блока.

Заметим, что данная характеристика в качестве приоритетной проектируемой репутационной характеристики нами выделена не была, но стала таковой, исходя из результатов исследования и ее смыслового понимания как обобщающей: она как бы аккумулирует различные потребности и интересы населения, возможность реализации которых позволяет судить о результативности деятельности власти по разным направлениям: трудоустройство, медицина, образование и т.д. Таким образом, на наш взгляд, результативность власти, обозначенная в качестве приоритетной репутационной характеристики в рамках институционального блока, фактически конкретизирована в другой приоритетной характеристике и отражает степень создания властью условий для достойной жизни населения региона.

2. Соотнесем характеристики репутации высокой степени значимости – ТОП-10 – по деятельностному блоку (рис. 6–7).

Большинство репутационных характеристик, так же как и в институциональном блоке, совпадает, но для каждого из субъектов специфическими являются три

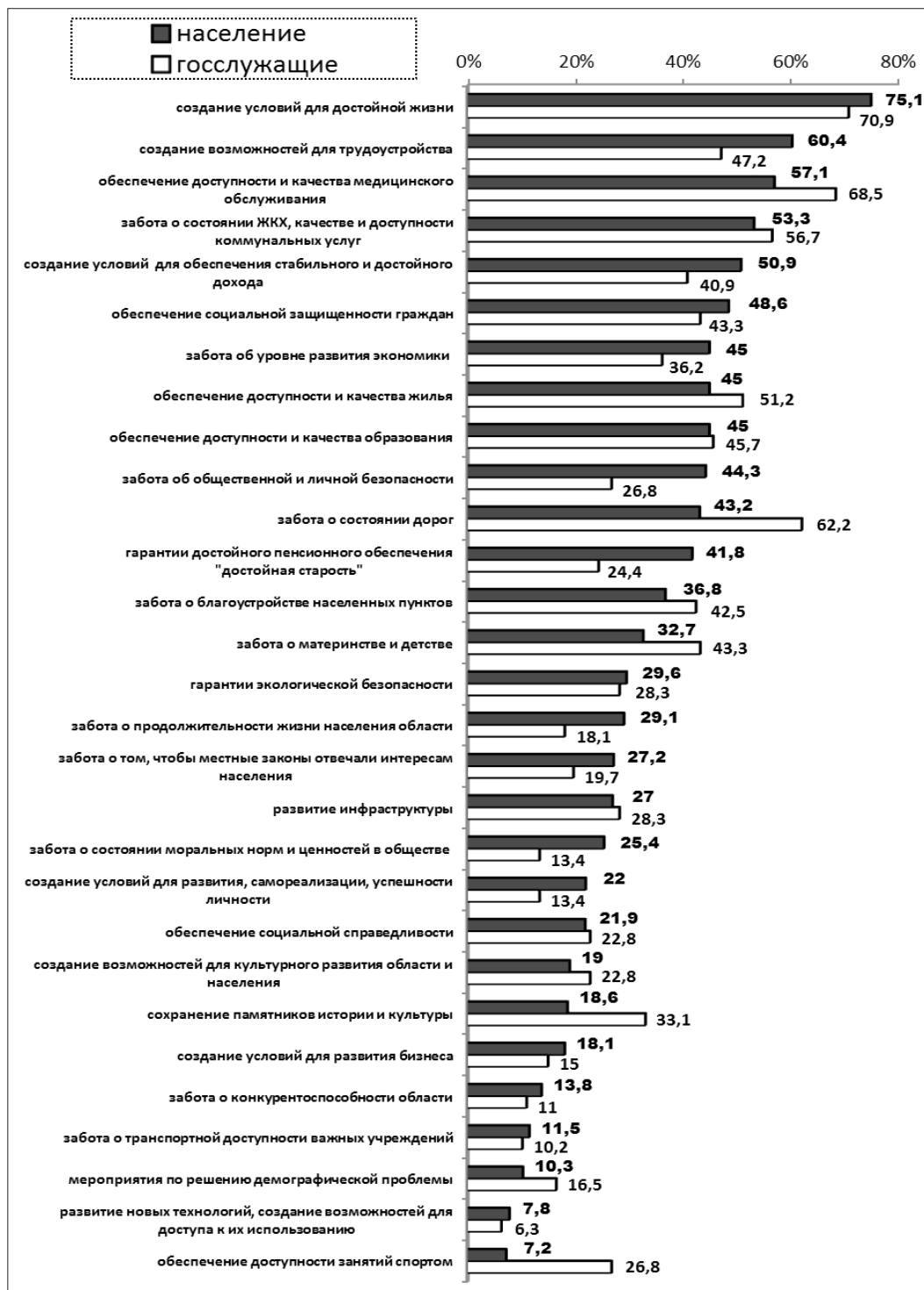

Рис. 5. Ранжирование деятельностных характеристик репутации региональной власти, по мнению населения и государственных гражданских служащих ОИВ Смоленской области

характеристики. Для населения это создание условий для обеспечения стабильного и достойного дохода, забота об уровне развития экономики и забота об общественной

и личной безопасности; для госслужащих – забота о состоянии дорог, материнстве и детстве и благоустройстве населенных пунктов. Аналогично институциональному блоку,

Рис. 6. Топ-10 деятельностных характеристик репутации региональной власти, по мнению населения Смоленской области

Рис. 7. Топ-10 деятельностных характеристик репутации региональной власти, по мнению государственных гражданских служащих ОИВ Смоленской области

хотя данные характеристики нельзя отнести к ТОП-10 для обоих субъектов, все они вошли в следующую как для населения, так и для власти (среднюю) по значимости группу характеристик. Но при этом результаты по двум из них (забота об уровне развития экономики, забота о благоустройстве населенных пунктов) сопоставимы в процентном отношении, а четыре другие (создание условий для обеспечения стабильного и достойного дохода, забота об общественной и личной безопасности, о состоянии дорог,

о материнстве и детстве) вошли в зону рас- согласования.

Также назовем те характеристики, кото- рые выделяет большинство опрошенных (более 50%). Для населения это: создание возможностей для трудоустройства; обе- спечение доступности и качества медицин- ского обслуживания; забота о состоянии ЖКХ, качестве и доступности коммуналь- ных услуг; создание условий для обеспече- ния стабильного и достойного дохода. Для госслужащих это тоже обеспечение доступ-

ности и качества медицинского обслуживания; забота о состоянии ЖКХ, качестве и доступности коммунальных услуг; но также и забота о состоянии дорог, обеспечение доступности и качества жилья. Субъекты в первую очередь связывают репутацию власти с социально-экономическими результатами ее деятельности, обеспечивающими своего рода минимальный набор условий для нормальной жизни.

Таким образом, в отличие от институционального блока, где значительное единство мнений в выборе репутационных характеристик проявлялось у населения (выбор большинства опрошенных), в деятельностном блоке такое единство наблюдается и у власти.

3. Рассмотрим репутационные *характеристики средней степени значимости*. Мнение субъектов совпадает всего по трем из десяти характеристик: гарантии достойного пенсионного обеспечения, гарантии экологической безопасности и развитие инфраструктуры. При этом первая из них может быть отнесена к *зоне рассогласования*, поскольку задачи обеспечения «достойной старости» население связывает с репутацией в гораздо большей мере, чем власть (разрыв составляет более 17%).

Определенная часть несовпадающих характеристик, как уже отмечалось ранее, вошла в группу высокой степени значимости, остальные – в группу низкой степени значимости. Для населения более важны (госслужащие отнесли их к группе низкой степени значимости) четыре следующие репутационные характеристики: забота о продолжительности жизни населения области; забота о том, чтобы местные законы отвечали интересам населения; забота о состоянии моральных норм и ценностей в обществе; создание условий для развития, самореализации, успешности личности. Госслужащие, наоборот, в большей степени, чем население, связывают содержание репутации региональной власти с сохранением памятников истории и культуры, обеспечением доступности занятий спортом и созданием возможностей для культурного развития области и населения. В *зону рассогласования* вошли следующие характеристики: забота о продолжительности жизни населения области, забота о состоянии моральных норм и ценностей в обществе, сохранение памятников истории и культуры, обеспечение доступности занятий спортом.

4. Проанализируем *репутационные характеристики низкой степени значимости*. Сюда входят оставшиеся девять характеристик, которые были выбраны наименьшим количеством респондентов в качестве значимых (преимущественно до 20%). По пяти из них наблюдается единство во мнении обоих субъектов и отсутствует зона рассогласования. Четыре характеристики отнесены каждым из субъектов к предыдущей группе и были рассмотрены выше.

Выводы. Сделаем основные выводы по выявлению степени единства населения и власти относительно деятельностного блока характеристик репутации региональной власти.

Степень *принципиального совпадения мнения населения и госслужащих* наблюдается по большинству *содержательных репутационных характеристик деятельностного блока*. Выделена одна и та же приоритетная характеристика – создание условий для достойной жизни. По характеристикам высокой и низкой степени значимости также существует принципиальное единство. По ряду репутационных характеристик можно наблюдать более консолидированное мнение (выбор большинства) не только у населения (как в институциональном блоке), но и у власти. В отличие от институционального блока, в группе характеристик средней степени значимости наблюдается преимущественное расхождение во мнении субъектов.

Зона рассогласования в едином понимании содержания репутации региональной власти по деятельностному блоку представлена на рисунке 8.

В рамках данного блока *нет характеристик, которые относятся к критической зоне рассогласования*. Но близки к ней четыре характеристики (разрыв составляет более 17–19%): забота о состоянии дорог; забота об общественной и личной безопасности; гарантии достойного пенсионного обеспечения; обеспечение доступности занятий спортом. При этом первые три характеристики более значимы для населения, последняя – для госслужащих.

Таким образом, результаты исследования содержания категории «репутация региональной власти» позволяют говорить о принципиальном единстве мнения населения и самой власти. По-разному расставлены

Рис. 8. Зона рассогласования деятельностных характеристик репутации региональной власти, по мнению населения и государственных гражданских служащих ОИВ Смоленской области

акценты в выделении значимых репутационных характеристик (рис. 9; приоритетные и значимые характеристики репутации – характеристики, выбранные более чем половиной опрошенных).

В то же время большинство характеристик, не вошедших в зону высокой степени значимости, у обоих субъектов вошли в следующую по значимости группу и получили сопоставимые результаты. Но в едином понимании содержания репутации региональной власти есть и *зона рассогласования, критичность* в которой наблюдается по двум характеристикам: единство целей, ценностей и интересов власти и населения; неподкупность власти.

Таким образом, можно дать следующее определение категории «репутация (региональной) власти», единое в принципиальных моментах, как для самой власти, так и для населения. Данное определение дается с учетом различных научно-исследовательских подходов к проблеме репутации [см. 2; 4; 7–9; 12; 13; 15; 19–21 и др.].

Репутация (региональной) власти – это совокупность устойчивых, объективно сложившихся ценностных убеждений и рационально осознанных оценочных мнений

людей о власти, формируемых в значительной степени на основе опыта прямого и / или косвенного взаимодействия, вызывающих чувство доверия и отражающих степень результативности деятельности власти по удовлетворению интересов и потребностей граждан в создании условий для достойной жизни.

Довольно интересным является также и то, что самой важной (выбранной большинством) репутационной характеристикой для населения является результативность власти, а для госслужащих – создание условий для достойной жизни. С точки зрения целевой ориентации данных субъектов такая расстановка акцентов представляется правильной, поскольку население определяет результативность власти по критерию создания условий для достойной жизни, тогда как для самой власти важно, прежде всего, создавать эти условия для населения, а результативность является уже следствием приложенных усилий.

Итак, в результате проведенного исследования было выявлено принципиальное единство мнений населения и самой власти в понимании содержания репутации региональной власти на примере исполнительной

Рис. 9. Приоритетные и значимые характеристики репутации региональной власти, единые для населения и государственных гражданских служащих ОИВ Смоленской области

власти Смоленской области. Основным объектом формирования репутации региональной власти, на который направлено управленческое воздействие, является население, поэтому при выявлении степени единства в понимании содержания репутации в качестве исходного мы берем мнение населения, с которым соотносим мнение госслужащих. Именно от мнения граждан о репутации региональной власти следует отталкиваться в выявлении ее недостатков и направлений улучшения. Мнение же госслужащих и сте-

пень его отличия от мнения населения является тем аспектом, на который в процессе исследования нужно обратить особое внимание. Представление власти о собственной репутации может привести к его прямому отождествлению с мнением граждан, отсутствию целенаправленной деятельности по его изучению, что в результате создает опасность нивелирования проблемных зон репутации и препятствует выстраиванию единой модели поведения населения и власти в процессе формирования ее позитивной репутации.

Библиографический список

1. Большаков С.Н., Григорьев А.Н. Масс-медиа в управлении репутационным капиталом региона // Вопросы управления. 2013. Вып. № 22 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.uapa.ru/issue/2013/01/04/> (дата обращения: 05.07.16).
2. Важенина И.С. Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде. Автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2008. 41 с.

3. Великанов К. Репутационный капитал. Завоевание и поддержание доверия в XXI веке // Отечественные записки. 2014. № 1(58). С. 35–51.
 4. Горчакова В.Г. Имидж власти // Маркетинг в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 117–121.
 5. Гранкин Н.Е. Политический имидж, репутационный капитал современной России: теоретико-концептуальные подходы // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 1 (6). С. 64–69.
 6. Гришин О.Е., Соколова А.Э. Формирование репутационного капитала государства: инновационные информационно-коммуникативные технологии // PolitBook. 2013. № 2. С. 106–116.
 7. Дзялошинский И.М. Коммуникативная природа имиджа, репутации, бренда // PR-Линия. 2008. № 2. С. 6–8.
 8. Еременко А.Ю. Семантика термина «имидж» в политологии // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40). С. 75–79.
 9. Коган Е.В. Управление репутацией в региональном политическом процессе РФ: на примере Челябинской области. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2013. 25 с.
 10. Кравчук А.Ю., Тихомирова Е.С. Репутационный капитал региона: вопросы создания и оценки // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 112–115.
 11. Кудашова Ю.В. Технологии формирования публичного капитала в политическом позиционировании региона [Электронный ресурс]. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/27_2011_kudashova.htm (дата обращения: 15.07.16).
 12. Маслов И. В. Стратегия формирования положительного имиджа органов исполнительной власти в регионе // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. 2011. Т. 8, вып. 4 [Электронный ресурс]. URL: http://sisp.nkras.ru/issues/2011/4/maslov_iv.pdf (дата обращения: 10.08.16).
 13. Молодов О.Б. Имидж региональных органов власти: теоретические основы и проблемы формирования // Вопросы территориального развития. Научный журнал ИСЭРТ РАН (сетевое издание). 2014. № 10(2). С. 1–12 [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/nLOFrm> (дата обращения: 23.06.16).
 14. Официальный сайт научно-исследовательского проекта «Репутация региональной власти» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smolvlst.ru> (дата обращения: 15.06.16).
 15. Петрова Е.А. Имидж как фактор продуктивной политической коммуникации // Корпоративная имиджология. 2007. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ci-journal.ru/article/70/200701polit_image (дата обращения: 08.06.16).
 16. Рудакова А.Э. Технологии формирования репутационного капитала субъектов Российской Федерации // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». 2015. № 1 (ч. 1) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17488> (дата обращения: 08.06.16).
 17. Рудакова А.Э., Гришин О.Е. Информационно-коммуникационный базис формирования репутационного капитала государства: технологический аспект // PolitBook. 2015. № 2. С. 63–73.
 18. Соколова А.Э. Репутационный капитал государства: проблема интерпретации термина в современной политической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10(24). Ч. I. С. 176–179 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/43.html> (дата обращения: 20.03.16).
 19. Трубецкой А.Ю. Категория репутации в социально-политической коммуникации. Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2006. 47 с.
 20. Устинова Н.В. Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2005. 18 с.
 21. Харламов И.Г. Управление формированием репутационного капитала // Власть. 2008. № 11. С. 89–92.
-
-

УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ

УДК 314.728

Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. (Москва)

МАЯТНИКОВЫЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ: ОПЫТ ОЦЕНОК ПОТОКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДАННЫХ СОТОВЫХ ОПЕРАТОРОВ

Makhrova A.G., Kirillov P.L., Bochkarev A.N.

LABOUR COMMUTING IN MOSCOW METROPOLITAN AREA: EVALUATION OF FLOWS USING DATA FROM MOBILE NETWORK OPERATORS

Аннотация. В статье на основе данных операторов сотовой связи о локализации пользователей сети дается оценка масштабов и пространственной структуры трудовых маятниковых миграций населения в Московской агломерации, рассматривается притягательность рынка труда Москвы и локальных центров, а также сезонные колебания потоков коммьютеров.

Проведенный анализ показал небольшой рост взаимных потоков между Москвой и Московской областью при сохранении прежних пропорций между ядром и пригородной зоной и между муниципалитетами Подмоскovie, расположенными в разных секторах и поясах удаленности от столицы. С помощью регрессионного анализа выделена зона «эффективных» маятниковых миграций (территория примерно 50 км от МКАД, которая выполняет функцию спальных пригородов столицы) и рубеж «нулевой эффективности» (150 км или 170 минут удаленности), который показывает предельный размер ареала трудового тяготения Москвы.

Изучение сезонной динамики показало, что при увеличении потоков маятниковых миграций из прилегающих к Москве муниципалитетов области, растут возвратные потоки дачников и субурбанизировавшихся москвичей, которые предпочитают жить в комфортном природном, дачном или «полудачном» окружении в своих загородных домах, что особенно заметно в летний сезон.

Abstract. The article assesses scale and spatial structure of labor commuting in Moscow metropolitan area based on geo-localized data provided by mobile operators; attractiveness of Moscow and local centres within the labour market is considered, as well as seasonal fluctuations in commuting.

Analysis showed a slight increase in flows between Moscow and Moscow oblast in both directions, with the proportions of flow between the core and the suburban area and between municipalities in Moscow region being stable. By means of regression analysis an area of 'effective' commuting (approximately 50 km from Moscow Ring Road – MKAD) performing the function of suburbs belt and the boundary of 'zero effectiveness' (150 km or 170 minutes of travel time) representing labour market limits were distinguished.

The study of seasonal fluctuations showed that the growing commuting flow from nearby municipalities to Moscow is combined with the increase in recurrent migrations of dacha (summer countryside residence) owners and so called 'suburbanised' Muscovites, as both groups prefer to stay in a comfortable, more natural, 'dachas' or 'semi-dachas' environment, especially during the summer season.

Ключевые слова: трудовая маятниковая миграция, коммьютеры, Московская агломерация, локальные центры, зоны трудового тяготения, сезонная дачная субурбанизация.

Keywords: labour commuting, commuters, Moscow metropolitan area, local centres, employment zone gravity, seasonal 'dacha' suburbanization.

Введение. Трудовая маятниковая миграция как одна из форм трудовой подвижности населения играет особую роль в формировании и развитии городских агломераций, являясь атрибутом и индикатором их связности. Факторы формирования маятниковых потоков населения на работу определяются, в основном, соотношением градиентов дохо-

дов от трудовой деятельности и издержек на обеспечение жизнедеятельности (стоимости жизни). В постсоветский период в крупнейших агломерациях РФ в результате центр-периферийного дисбаланса рынков труда и ускоренного прироста стоимости труда в ядрах агломераций происходило увеличение потоков трудовых маятниковых мигрантов

из пригородов без переселения в них. При этом массовая сезонная миграция жителей из ядер агломераций в их пригороды на дачи приводит к увеличению центростремительного потока комьютеров за счет дачников, которые ездят из своего загородного жилья на работу в город-центр.

В РФ проблема оценки масштабов внутриагломерационных колебаний размещения населения продолжает оставаться «terra incognita» в сфере статистического учёта и исследования расселения. Несмотря на очевидность и «осязаемость» ежедневных трудовых потоков населения, как таковой формальный учет их объемов в отечественной практике не ведется. В пределах Московской агломерации учёт маятниковых мигрантов особенно актуален, так как это не только ареал самых масштабных возвратных миграций в пределах России, но и место проявления новых трендов в их развитии: именно здесь они наиболее интенсивны и в то же время изменчивы.

Материалы и методы исследования.

В данной работе для оценки трудовой маятниковой миграции были использованы данные о передвижениях абонентов сотовых компаний, которые относятся к категории так называемых BigData («большие данные»). Первые исследования трудовых маятниковых миграций с применением таких данных были выполнены в США и странах Евросоюза в конце 1990-х – начале 2000-х гг., причем одним из первых способов их применения стал мониторинг дорожной ситуации [12], что впоследствии трансформировалось в исследование транспортных потоков для целей городского планирования. Данная тематика по-прежнему является одной из наиболее часто встречающихся в научных работах, в которых акцент делается на практическую значимость получаемых результатов [10; 11; 15; 16].

Крупный блок исследований рассматривает перемещения населения между домом и работой, включая изучение главных и локальных центров притяжения, дальность поездок, сезонную пульсацию населения и другие аспекты [13; 18; 19 и др.]. При этом данные сотовых операторов часто дополняются другими источниками, что позволяет

составлять различные виды мобильности. К примеру, могут сравниваться данные о пробеге личных автомобилей и перемещениях абонентов, что позволяет оценить их влияние на окружающую среду (по так называемому углеродному следу) [10; 12]. В некоторых работах для верификации данных используют опрос волонтеров, которые сообщают о своих передвижениях [17]. Как правило, исследователи оперируют обезличенной информацией о перемещениях отдельных абонентов, проводя детальные исследования с применением математических моделей, начиная от кластеризации и регрессии до построения предиктивных (прогностических) моделей.

Таким образом, зарубежный опыт использования данных сотовых операторов при исследовании миграций свидетельствует о высокой гибкости данного инструмента и как самостоятельного источника, и в сочетании с другими данными. В России применение BigData, включая данные сотовых операторов о передвижениях абонентов, является относительно новым источником информации. Одна из первых работ в этом направлении была выполнена в рамках комплексного исследования «Археология периферии», в которой использовались данные оператора «Мегафон» за рабочий день сентября 2013 г. [1].

В данной работе использованы данные Департамента информационных технологий города Москвы (ДИТ)¹, которые собираются с июля 2015 г. на основе обезличенной информации об абонентах операторов «большой тройки» («Билайн», «МТС», «Мегафон»). Для определения местоположения абонента используют замер удаленности абонента от трех станций по мощности сигнала от его сотового телефона. При этом система регистрирует только тех абонентов, которые совершают звонки, аккумулируя информацию об их перемещениях в течение суток (измерения проводятся с шагом в 30 минут). Далее проводится обезличивание звонков и очищение выборки от сигналов модемов, планшетов, а также телефонов, используемых для передачи данных через сеть Интернет, и абонентов, которые пользуются двумя и более сим-картами.

Затем специалисты ДИТ формируют отчеты о различных типах перемещений абоне-

¹ Авторы благодарят Департамент информационных технологий правительства г. Москвы за возможность использовать собираемые ими данные о передвижениях абонентов сотовой связи для написания статьи.

Оценки потоков трудовых маятниковых миграций по Москве и Московской области

Источники данных	Год	Оценки, млн человек			
		Москва		Московская область	
		Въезд	Выезд	Въезд	Выезд
Перепись населения [7]	2010				0,9
Обследование населения по проблемам занятости (ОНПЗ) [6]	2012	0,4			0,4
Баланс трудовых ресурсов [4]	2005	1,2	0,3	0,3	1,2
Баланс трудовых ресурсов Комитета по труду и занятости правительства Московской области [3]	2014			0,2	0,9
Пенсионный фонд РФ, Налоговая служба РФ [8, 9]	2001	0,9–1,2			0,9–1,2
Пенсионный фонд РФ [3, 4]	2005	1,2	0,3	0,3	1,2
	2014	0,8	0,5	0,5	0,8
Социологический опрос «Центра экономики инфраструктуры» [3]	2014, зима	1,2	0,3	0,3	1,2
	2014, лето	0,3*			0,3*
Данные операторов сотовой связи	2015	1,3	0,4	0,4	1,3

* – москвичи, живущие в Московской области и ездящие на работу в Москву

нентов. К примеру, при составлении матрицы корреспонденций «дом-работа» за место проживания принимается адрес, по которому абонент с 23 часов вечера до 6 часов утра проводит в неделю более 40 часов. Места работы (дневного пребывания) определялись в интервале с 10 до 17 часов дня при длительности более 40 часов в неделю. Интервалы могут меняться, но остается принцип выделения основных мест проживания и работы, что позволяет исключить из выборки тех, кто находится в столице проездом. В то же время сложность вызывает учет абонентов, не привязанных к определенному месту работы, так как данная методика не позволяет отследить тех, кто не находится на одном месте достаточное количество времени.

В целом на основе этих данных можно оценить объемы центростремительного и центробежного потоков, выявить дифференциацию трудовых маятниковых миграций в разрезе административных округов Москвы и муниципальных образований Московской области, аттрактивность главного и локальных центров притяжения, сезонные колебания потоков комьютеров и ряд других аспектов.

Оценка масштабов и пространственной структуры трудовых маятниковых миграций. Сравнение данных о поездках на работу между Москвой и Московской областью, которые были сделаны на основе передвижений абонентов операторов,

показывает, что при существенном разбросе существующих оценок, эти результаты неплохо согласуются с основным массивом результатов (табл. 1). По состоянию на ноябрь 2015 г. размер центростремительного потока комьютеров составил 1,3 млн, а центробежного – 0,4 млн человек.

Сравнение этих данных с результатами других оценок при анализе пространственных закономерностей потоков комьютеров в разрезе поясов и секторов также показало, что они достаточно надежно описывают эти перемещения, позволяя судить и о динамике этого процесса (табл. 2).

Население всех без исключения муниципальных образований Московской области вовлечено в трудовые маятниковые миграции в столицу, причем для потоков комьютеров характерен ярко выраженный центр-периферийный градиент (рис. 1). Пропорции в распределении маятниковых мигрантов по секторам, как и по поясам, в общих чертах традиционно повторяют структуру размещения населения и занятых Подмоскovie. Максимальное число работников «поставляет» на столичный рынок труда ближний пояс пригородов и восточный сектор области – в обоих случаях более 1/3 от общего числа трудовых мигрантов, и такая картина сохраняется на протяжении последних 10 лет. До расширения территории Москвы наименее сильно в миграционный обмен был вовлечён западный сектор, и при пересчете потоков в старых границах столицы на его долю по-прежнему приходит-

Таблица 2

Оценка динамики центростремительного потока трудовых маятниковых мигрантов по поясам и секторам периферийности Московской области, млн чел.

Пояса	Источники информации				Сектора	Источники информации		
	данные баланса трудовых ресурсов	данные Пенсионного фонда	данные соц. опроса	данные сотовых операторов*		данные баланса трудовых ресурсов	данные Пенсионного фонда	данные сотовых операторов*
	2005 г.	2005 г.	2014 г.	2015 г.		2005 г.	2005 г.	2015 г.
1-й пояс	0,6	0,5	0,6	0,7/0,8	север	0,3	0,3	0,4
2-й пояс	0,4	0,4	0,5	0,4/0,4	восток	0,5	0,5	0,4
3-й пояс	0,2	0,3	0,1	0,1/0,1	юг	0,2	0,2	0,2/0,3
Всего по области	1,2	1,2	1,2	1,2/1,3	запад	0,2	0,2	0,2

*в числителе указан размер потока в Москву в новых границах, в знаменателе – размер потока в Москву в старых границах. Рассчитано авторами по данным разных источников

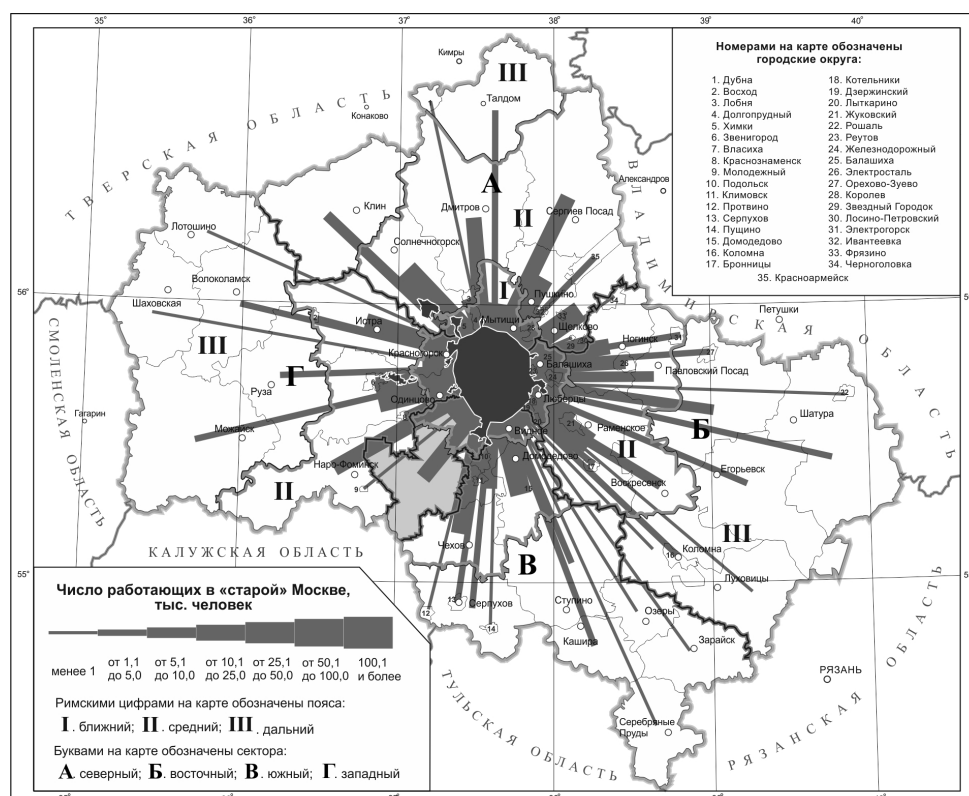

Рис. 1. Центростремительный поток трудовых ресурсов в Москву из муниципалитетов Московской области, 2015 г.

ся минимальная часть от всего центростремительного потока, несмотря на опережающий рост его численности населения.

Значительная часть трудовых маятниковых мигрантов из Московской области работает в Центральном административном округе из-за централизованности размещения рабочих мест всех без исключения отраслей экономики столицы. Одновременно трудовые мигранты «оседают» в периферийных районах, что сокращает время в пути и

позволяет компьютерам из более отдаленных муниципалитетов Подмосквья работать в Москве. Данные операторов сотовой связи подтверждают такую модель приоритетов по выбору места работы мигрантами: в общей структуре потока мигранты, которые едут на работу в центр, составляют около $\frac{1}{4}$, а почти $\frac{3}{4}$ «оседают» в округе на своем «луче».

Существенную роль фактора транспортной доступности (комфортности мигра-

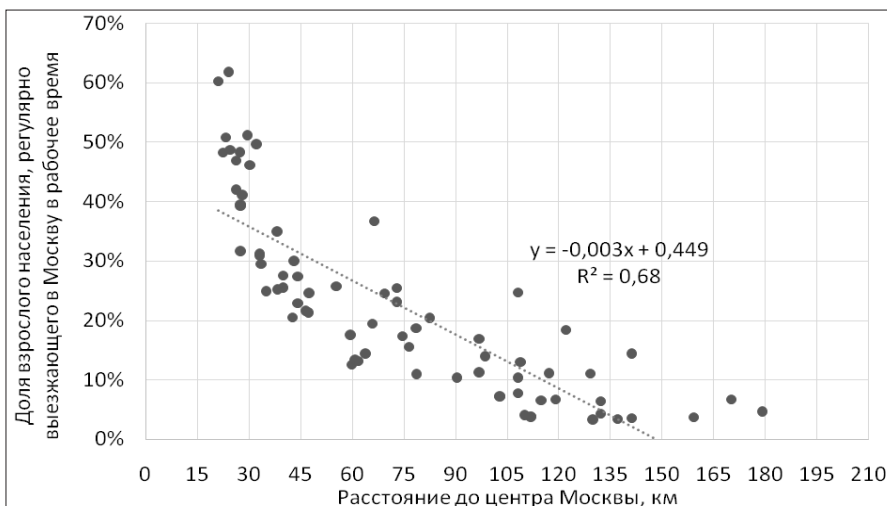

Рис. 2. Зависимость доли взрослого населения, выезжающего на работу в Москву, от расстояния до центра города

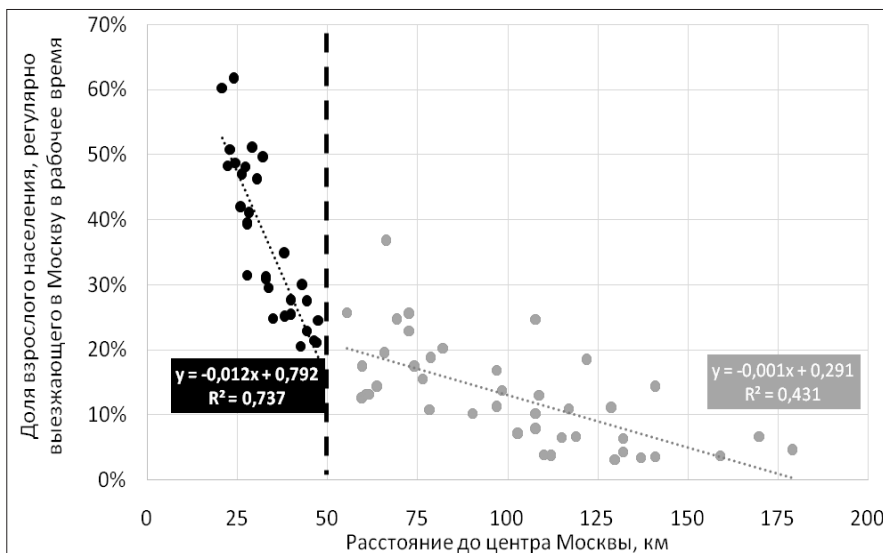

Рис. 3. Граница зоны «эффективной» маятниковой миграции в Москву

ций) при выборе месте приложения труда подтверждает регрессионный анализ пространственного распределения маятниковых миграций в разрезе муниципальных образований Московской области. На рисунке 2 хорошо виден градиент снижения доли маятниковых мигрантов в зависимости от удаленности Москвы: 0,3% на 1 км удаления от центра столицы.

Применение линейной регрессии распределения центростремительного потока в Москву (в целом) даёт лучшие результаты при использовании фактора расстояния (рис. 2–3), а применительно только к центральной зоне города (в границах Центрального адми-

нистративного округа) – фактора временной доступности (рис. 4).

Граница условного перелома потока коммьютеров проходит примерно в 50 км от МКАД, выделяя зону «эффективных» маятниковых миграций, которая характеризуется градиентом снижения потока в среднем на 1,2% на 1 км расстояния от ядра агломерации (рис. 3). По сути, она является продолжением пояса городских спальных районов на территории области, а маятниковые перемещения населения по формальным критериям могут быть даже названы внутригородскими (особенно с учётом того, что значительная часть коммьютеров, как правило, стремится трудо-

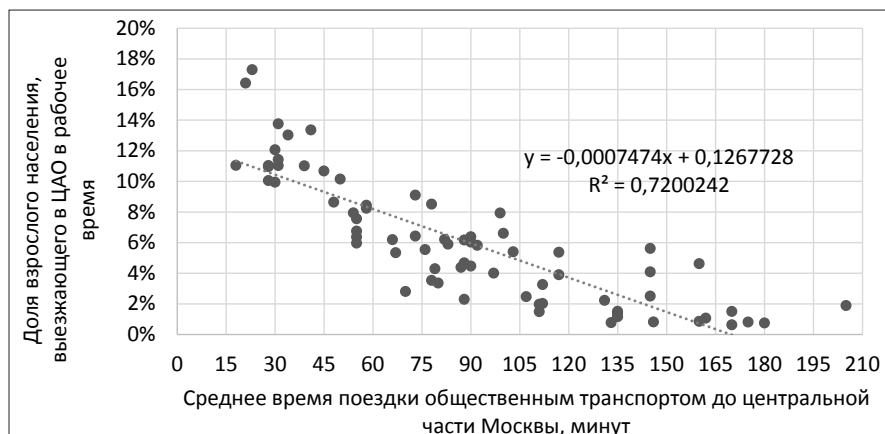

Рис. 4. Зависимость доли маятниковых мигрантов в центр Москвы от времени поездки

устроиться в близлежащих к месту жительства частях Москвы).

За пределами этого пояса мощность миграционных потоков сильнее дифференцирована и поляризована между городами, стоящими на транспортных путях, и межлучевыми пространствами. Здесь полученный на основании регрессии градиент центробежного снижения привлекательности маятниковых миграций существенно замедляется – до 0,1% вовлеченности на каждый километр удаления.

Для потока маятниковых мигрантов в центральную часть города градиент снижения составляет 0,07% на 1 минуту поездки (рис. 4). Причём убывание доли маятниковых мигрантов, работающих именно в Центральном округе, с ростом расстояния происходит более равномерно: в отличие от всего центростремительного потока зона «эффективных» миграций отчётливо не проявляется.

Другим важным следствием регрессионного анализа является выделение гипотетической зоны не только «эффективной», но и «нулевой эффективности» маятниковых миграций, граница которой удалена от рабочих мест центра столицы почти на 150 км. Периметр «сбора» работников Центра ограничен почти трёхчасовой изохроной транспортной доступности (точное значение – 170 минут), что для Московской агломерации почти на час превышает традиционный для отечественных методик делимитации границ агломераций критерий двухчасовой доступности.

Таким образом, при развитии рынка труда Московской агломерации, так же как

и других городских систем, фактор доступности места работы относительно места жительства является ключевым, что повышает привлекательность локальных центров занятости, расположенных в Московской области, и их рынков труда.

Локальные рынки труда Подмосквья: центры притяжения и выталкивания маятниковых мигрантов. В пригородной зоне Московской агломерации, которая выделяется полицентричностью, довольно много городов (35), играющих роль подцентров трудового тяготения, среди которых можно выделить «окраинные» города (edge sites) – самодостаточные центры занятости, проживания и проведения досуга [2]. Первая группа таких центров (Химки, Красногорск, Одинцово и ряд других ближних спутников столицы) примыкает к городскому ядру, быстро наращивая офисно-деловые и торгово-развлекательные функции в расчете на спрос москвичей и своих жителей. Вторая группа – это ядра удаленных агломераций второго порядка (Дубна, Ступино, Обнинск), расположенных как в Московской, так и в соседних областях, часть из которых тоже развилась в центры приложения труда и потребления, приуроченные уже к внешним рубежам агломерации, что говорит о появлении признаков относительно самодостаточной североамериканской постсубурбии [14].

Притягательность локальных рынков труда подмосковных городов рассматривается на примере двух агломераций второго порядка: Химкинско-Зеленоградской и Серпуховской. Первая из них интересна не

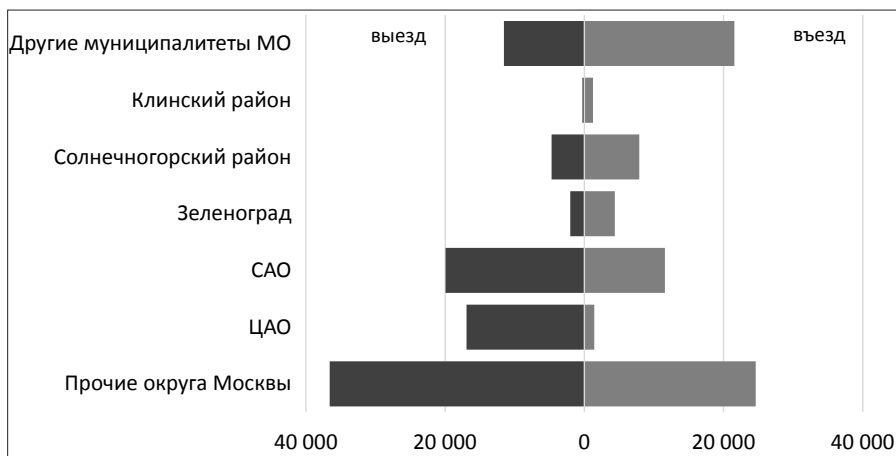

Рис. 5. Химки: баланс потоков трудовых маятниковых мигрантов, 2015 г., чел.

только своей бицентричностью, но и тем, что один из ее центров – Химки – развивается как сложившийся «окраинный» город [2], а Зеленоград изначально создавался как часть Москвы. Выбор второй агломерации связан с ее положением на периферии, а также тем, что входящие в ее состав Пущино и Протвино имеют статус городских округов, благодаря чему по ним есть данные о потоках коммьютеров внутри агломерации.

Оба центра Химкинско-Зеленоградской агломерации при почти одинаковой численности населения (соответственно 240 и 237 тыс. человек) имеют очень разные «пирамиды» потоков коммьютеров. Химки, один из важнейших центров ракетно-космической отрасли страны, в 2000-е гг. стал инвестиционным форпостом Подмосковья. Из-за своей близости к столице и аэропорту «Шереметьево», а также положению на одной из главных трасс страны, связывающих Москву и Санкт-Петербург, он уже к 2007 г. достиг практически столичного уровня заработной платы, что сделало привлекательным его рынок труда. Тем не менее, его аттрактивности не хватает для конкуренции со столицей: в обмене с Москвой он теряет коммьютеров, но имеет положительный баланс и с соседними муниципалитетами Московской области, и с Зеленоградом, а из-за близости к МКАД он гораздо привлекательнее Зеленограда и для жителей прочих округов Москвы (рис. 5). Еще одна особенность этого города как миграционного магнита – расширенная площадь «водосбора» маятниковых мигрантов, которая не ограничивается муниципалитетами вдоль Октябрьской железной дороги,

а охватывает соседей, связанных с ним менее надежным автомобильным сообщением. В целом Химки по особенностям организации трудовых маятниковых миграций могут быть отнесены к транзитному типу центров с реверсивным характером потоков коммьютеров.

В отличие от Химок Зеленоград служит центром тяготения в основном для населения соседнего Солнечногорского района (и в меньшей степени для Клинского района), хотя в 1970-е и 1980-е гг. его рабочие места активно привлекали и жителей Химок (рис. 6). Этот основной центр электроники и микроэлектроники страны – аналог американской кремниевой долины – тяжело пережил 1990-е гг., он позже Химок стал выходить из кризиса и медленнее трансформировать структуру своей экономики, что сказывается на его рынке труда [5]. В этом отношении «профиль» въезда и выезда Зеленограда гораздо ближе к Серпухову, который выделяется размерами встречных потоков коммьютеров с Серпуховским районом (рис. 6, 7).

Зеленоград, который со всех сторон окружен Солнечногорским районом, несмотря на свой статус административного округа Москвы, по своей сути выполняет ту же функцию районного центра для части соседнего района. Многие из городских поселений на территории района, включая такие крупные как п.г.т. Андреевка и Поварово с более чем десятитысячным населением, входят в зону тяготения этого столичного округа. При этом, как и у Химок, у него положительный миграционный баланс с подмосковными муниципалитетами, а в обмене с другими округами Москвы, несмотря на сто-

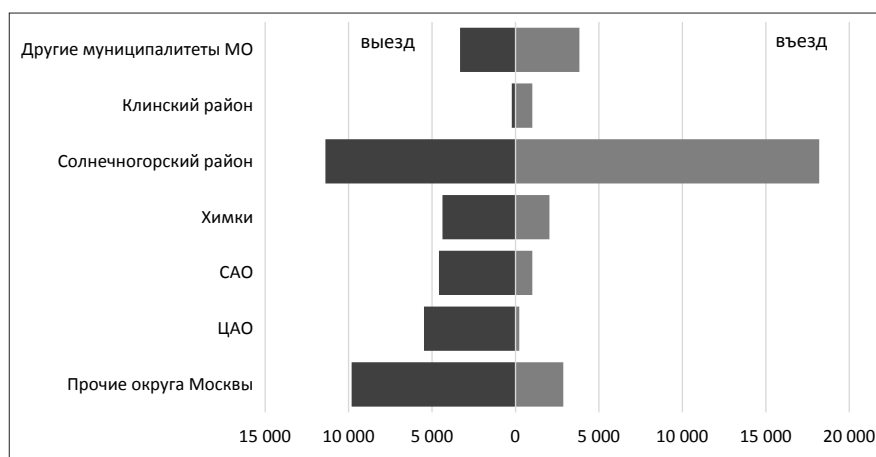

Рис. 6. Зеленоград: баланс потоков трудовых маятниковых мигрантов, 2015 г., чел.

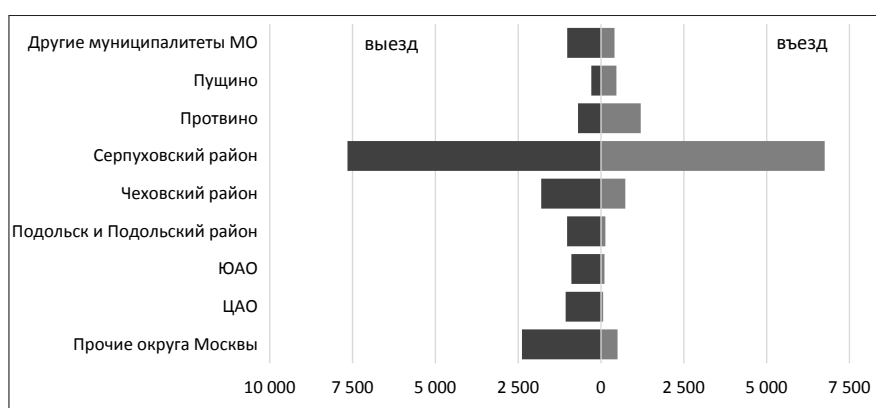

Рис. 7. Серпухов: баланс потоков трудовых маятниковых мигрантов, 2015 г., чел.

личный статус, из-за большей удаленности для Зеленограда характерны меньшие размеры центробежного и центростремительного потоков. Фактически он представляет собой промежуточный тип центра тяготения второго порядка, для которого, как и для Химок, характерны довольно активные связи со столицей, но более значительные въездные и выездные потоки направлены в населенные пункты окружающего его района (рис. 6).

Для Серпухова, одного из крупнейших городов Подмосковья, старейшего центра текстильной промышленности, а в советское время и металлообработки, связи с Москвой еще менее значимы, чем для Зеленограда; особенно истончен центробежный поток. Менее выражена и его роль локального центра трудового тяготения: в обмене компьютерами с муниципалитетами Подмосковья он теряет население (рис. 7). Однако, как показывает пример

Пущино и Протвино – двух научных центров, входящих в состав Серпуховской агломерации, для них рынки труда и Серпухова, и Серпуховского района выступают в качестве главных точек притяжения, на которые приходится около 90% их трудовых связей с подмосковными территориями.

При этом в Серпуховской агломерации увеличивается число «полукомьютеров – полуотходников», которые не в ежедневном, а в суточном режиме ездят на работу, в том числе в Москву. Кроме того, возрастает поток из приграничных муниципалитетов соседних Калужской и Тульской областей. Это не отражается в статистике, так же как и в данных операторов сотовых связей, но фиксируется в ходе полевых обследований этих территорий. Показателен пример пограничного Протвино, куда и откуда можно ходить пешком на работу в соседний город Кременки Жуковского района Калуж-

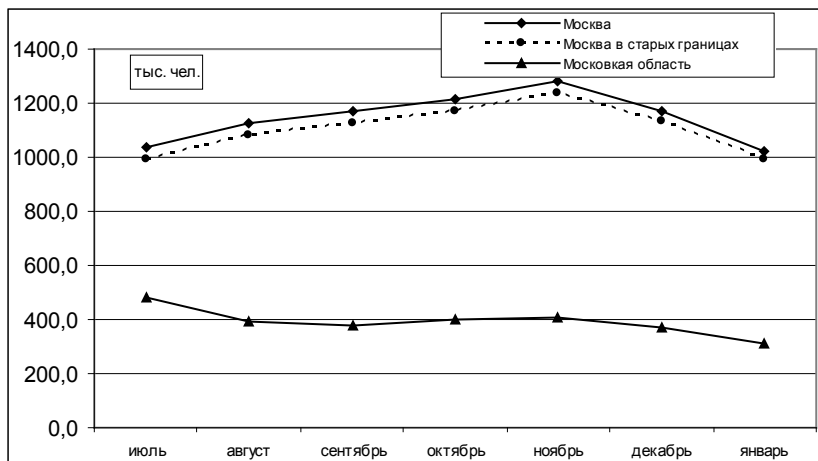

Рис. 8. Динамика трудовой маятниковой миграции, 2015 г.

ской области, хотя формально такие работники относятся к категории трудовых маятниковых мигрантов.

Общей чертой «миграционного профиля» Серпухова и Зеленограда является отрицательный миграционный баланс с окружающими их районами, рынки труда которых благодаря появлению значительного числа новых промышленных предприятий в результате процесса реиндустриализации привлекательны и для серпуховчан, и для зеленоградцев. При этом численность населения, проживающего и в Серпухове, и в Зеленограде больше, чем в окружающих их районах, что не мешает им поставлять, а не получать комьютеров.

Сезонные колебания маятниковых миграций. Данные операторов сотовой связи о передвижениях комьютеров позволяют оценить сезонные колебания, которым подвержены трудовые маятниковые миграции, как из-за массового наступления отпусков в летний период, так и из-за переезда части горожан на дачи, откуда они ездят на работу. Центростремительный поток своего максимума достигает в ноябре (1,3 млн чел) при двух минимумах – в июле и январе, первый из которых вызван летними отпусками, а второй – зимними праздниками (рис. 8). Близкие значения октября – ноября можно рассматривать как наиболее полно отражающие типичный размер трудовых маятниковых миграций (условно – для зимнего периода), хотя в октябре еще ощущается влияние конца отпускного периода.

Размах колебаний размеров центробежного потока (из Москвы в область) меньше (рис. 8). Его пик приходится на июль, что вероятно связано с «двудомной» моделью проживания москвичей (на даче и в городской квартире). Вероятно, «нормальное» значение числа москвичей, работающих в области, составляет около 400 тыс. чел., что фиксируют показатели и октября, и ноября.

В небольших по площади городских округах и районах Московской области с высокой долей городского населения москвичи-дачники не компенсируют сокращение потока комьютеров в Москву из-за летних отпусков местного населения: уровень замещения составляет 0,7 (рис. 9). При этом в малочисленных округах небольшой рост или убыль потока приводит к сильному изменению соотношения численности комьютеров в летний и зимний сезон, приводя или к его понижению до 0,5, или к повышению до 1,1–1,8. В менее урбанизированных районах с большими территориальными ресурсами для дачного расселения соотношение летнего и зимнего потока повышается до 0,8, а в периферийных районах с небольшой численностью постоянного населения поток трудовых маятниковых мигрантов вырастает в несколько раз в результате притока дачников.

Выводы. Опыт использования данных сотовых операторов о передвижениях абонентов для изучения трудовых маятниковых миграций населения показал хорошую

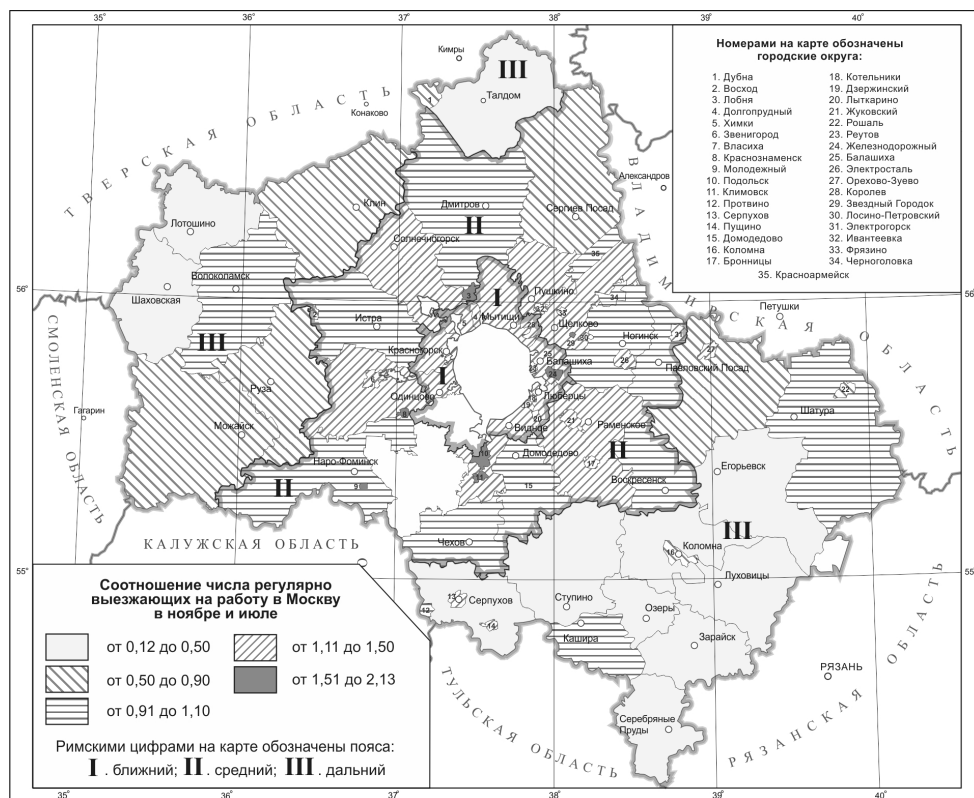

Рис. 9. Сезонные колебания центростремительного потока трудовых маятниковых мигрантов, 2015 г.

применимость данного инструмента и в качестве самостоятельного источника, и в сочетании с другими данными. При отсутствии официальной статистики этот относительно новый для России источник информации позволяет проводить мониторинг сложных, накладывающихся друг на друга потоков перемещающегося населения с разными временными интервалами, анализировать притягательность рынков труда Москвы и подцентров трудового тяготения, а также оценивать расселенческие нагрузки, которые испытывает ядро и пригородная зона в разные сезоны года.

Особенность рынка труда Московского столичного региона – его полииерархичность, при которой значительная часть регулярных трудовых миграций замыкается в пределах «участков жизнедеятельности». В основном, их конфигурация определяется транспортной доступностью мест приложения труда, т.е. преимущественно они ориентированы вдоль основных транспортных маршрутов и/или замыкаются в пределах крупнейших агломераций второго поряд-

ка. Как показал проведенный анализ, $\frac{3}{4}$ всех компьютеров из Московской области, работающих в Москве, оседают в периферийных округах столицы по своему «лучу», а для жителей периферийных районов Подмосковья такую же перехватывающую функцию выполняют локальные центры – крупные города Московской области с развитой экономикой и социальной сферой, имеющие свои выраженные зоны трудового притяжения.

Как показывает анализ работ многих исследователей, наиболее важными для объемов и направлений потоков компьютеров кроме доступности места работы являются состояние рынков труда (уровень безработицы и заработной платы) и жилья (финансовая доступность аренды или покупки жилья) [8]. Для условий Московской агломерации важно иметь в виду, что, несмотря на подтягивание области к столице, уровень среднедушевых доходов жителей Москвы в 1,6 раза выше, чем в Подмосковье, и эта разница стимулирует маятниковую миграцию.

При этом развитие привлекательных локальных рынков труда в Подмоскowie и в соседних регионах, удаленного доступа к месту работы, фрилансера начинает сдвигать основной фокус с рынка труда Москвы как главного приоритета, делая выбор места работы более разнообразным. Анализ аттрактивности столичного и локальных рынков труда позволил уловить это усиление роли центров агломераций второго порядка. При этом они по-прежнему остаются «в тени» столицы, что показывает пример одного из самых динамично развивающихся подмосковных городов – Химок, который подпитываясь комьютерами из области, теряет их в обмене со столицей.

Высокая доля собственников жилья, своеобразная форма современного «крепостничества» россиян, препятствует трудовой мобильности населения. Отсутствие рынка арендного жилья и разрыв в ценах на жилье между Москвой и областью более чем в два раза также способствуют маятниковым миграциям, а не переселению ближе к месту работы. В свою очередь, использование москвичами и городским населением области дачи в качестве второго постоянного или единственного дома, не только позволяет улучшать жилищные условия, но приводят к увеличению потока трудовых маятниковых миграций с дачи на работу в Москву, что особенно заметно в летний сезон.

Фактором, который препятствует развитию трудовых миграций, остается низкая финансовая (в РФ нет практики возмещения мигрантам транспортных затрат из выплаченных налогов или нелинейного снижения тарифов с увеличением расстояния) и временная доступность работы. Выявленные с

помощью регрессионного анализа пороги перелома потока комьютеров позволяют демаркировать зону «эффективных» маятниковых миграций (примерно 50 км от МКАД), которая выполняет функцию спальных пригородов столицы. Вторая граница – зона «нулевой эффективности» маятниковых миграций (150 км или 170 минут удаленности) показывает предельный размах территории «водосбора» Москвы, что оказывается существенно больше традиционно принятых для трудовых маятниковых миграций дистанций, отражая рост трудовой мобильности населения соседних областей не в ежедневном, а еженедельном режиме (по типу мини-вахт).

Таким образом, аналитические возможности метода оценки трудовых маятниковых миграций населения через локализацию абонентов сотовой связи позволяют оценивать масштабы перетоков рабочей силы и их пространственную структуру, причем в отличие от большинства применяемых методов могут делать это в динамике. Кроме того, этот метод имеет и целый ряд явных преимуществ перед традиционными подходами. К их числу относится возможность исследования аттрактивности локальных рынков труда, включая как агломерации второго порядка и подцентры трудового тяготения в самой Москве, так и локализацию комьютеров («лучевую» или «сетевую») в пределах ядра агломерации и их участков жизнедеятельности. Среди других преимуществ использования данного источника информации – возможность исследования на ее базе сезонной изменчивости трудовых миграций, включая возвратные потоки дачников-москвичей.

Библиографический список

1. Богоров В. Новиков А., Серова Е. Самопознание города // Археология периферии. М., 2013. С. 380–405. URL: http://issuu.com/mosurbanforum/docs/_d_uf_380-405_data (дата обращения 25.01.2015).
2. Махрова А.Г. Особенности стадийного развития Московской агломерации // Вестник МГУ. Серия 5. География. 2014. № 4. С. 10–16.
3. Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.
4. Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008.
5. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 2: Путешествие из Петербурга в Москву в XXI веке (по итогам экспедиции 2013 года). М.: ЛЕНАНД, 2015.
6. Труд и занятость. Статистический справочник. М.: Федеральная службы гос. статистики, 2013.
7. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
8. Шитова Ю.Ю. Маятниковая миграция в Подмоскowie: комплексный социально-экономический анализ. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009.

9. Шитова Ю., Шитов М. Маятниковая трудовая миграция в Московском регионе. Демоскоп Weekly. № 569 – 570. 30 сентября – 13 октября 2013. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0569/tema01.php> (дата обращения: 15.01.2015).
 10. Calabrese F., Di Lorenzo G., Liu L., Ratti C. Estimating Origin-Destination Flows Using Mobile Phone Location Data // *IEEE Pervasive Computing* 10. 2011. № 4 (April). pp. 36–44.
 11. Calabrese F., Diao M., Di Lorenzo G., Ferreira Jr. J., Ratti C. Understanding individual mobility patterns from urban sensing data: A mobile phone trace example // *Transportation Research Part C* 26 (2013), pp. 301–331.
 12. Colak S., Alexander L.P., Alvim B. G., Mehndiratta S. R., González M.C. Analyzing Cell Phone Location Data for Urban Travel Current Methods, Limitations, and Opportunities // *Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board*. 2014. Vol. 2526.
 13. Csaji B.Cs., Browet A., Traag V.A., Delvenne J.-Ch., Huenc E., Van Dooren P., Smoreda Z., Blondel V. D. Exploring the mobility of mobile phone users // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications* Volume 392, Issue 6. March 2013. pp. 1459–1473.
 14. Golubchikov O., Phelps N. and Makhrova A., 2011. From closed city to edge city? Governing growth at the periphery of Moscow - the case of Khimki. // Phelps, N. and Wu, F. (eds). *International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World?* Palgrave-MacMillan, pp. 177–191.
 15. Frias-Martinez V., Soguero C., Frias-Martinez E. Estimation of Urban Commuting Patterns Using Cellphone Network Data // *The International Workshop on Urban Computing (UrbComp 2012)*, August 12, 2012 - Beijing, China, pp. 9–17.
 16. Herrera J.C., Work D.B., Herring R., Ban X.J., Bayen A.M. Evaluation of Traffic Data Obtained via GPS-Enabled Mobile Phones: the Mobile Century Field Experiment. URL: <http://escholarship.org/uc/item/0sd42014> (дата обращения: 06.07.2016 г.)
 17. Isaacman S., Becker R., Saceres R., Kobourov S., Martonosi M., Rowland J., Varshavsky A. Identifying Important Places in People's Lives from Cellular Network Data. URL: <http://kiskeya.org/ramon/work/pubs/pervasive11.pdf> (дата обращения: 06.07.2016 г.)
 18. Phithakkitnukoon S., Smoreda Z., Olivier P. Socio-Geography of Human Mobility: A Study Using Longitudinal Mobile Phone Data. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=journal.pone.0039253> (дата обращения: 06.07.2016 г.)
 19. Silm S., Ahas R. The seasonal variability of population in Estonian municipalities // *Environment and Planning A*. 2010. V. 42. pp. 2527–2546.
-

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИМОЛОГИЯ И РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

УДК 910.3

Колосов В.А. (Москва)

ТРАНСГРАНИЧНАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ФРОНТАЛЬЕРСКИЕ МИГРАЦИИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ?¹

Kolosov V.A.

CROSS-BORDER REGIONALISATION AND COMMUTERS: EUROPEAN EXPERIENCE FOR RUSSIA?

Аннотация. Отмечается прогресс в «малой» (трансграничной) регионализации в странах ЕС и его связь с динамикой числа фронтальеров – трудовых трансграничных маятниковых мигрантов. На основе анализа интенсивности пересечения границы жителями приграничных районов рассматриваются предпосылки и перспективы развития этих явлений в пограничье между Россией и соседними странами.

Abstract. Progress in the development of “small” (cross-border) regionalization in the EU and its relation with the dynamics of commuters’ number is considered. Premises and perspectives of similar phenomena in border regions of Russia and neighbouring countries are analyzed on the basis of information on the number of border’s crossings.

Ключевые слова: приграничные районы, фронтальеры (трансграничные маятниковые мигранты), Россия, ЕС, соседство, число пересечений границы, регионализация.

Keywords: border regions, cross-border commuters, Russia, EU, neighbourhood, the number of border crossings, regionalisation.

Введение и постановка проблемы. Интернационализация общественной жизни в условиях глобализации неразрывно связана с процессами экономической интеграции и регионализации в разных территориальных уровнях. Районы, расположенные по обе стороны границы, получают возможность сообща использовать свой потенциал. Интенсифицируются трансграничный обмен товарами, услугами, капиталами. Многие приграничные районы из заброшенной периферии, удаленной от главных центров в пределах государственных территорий, превращаются в зоны контакта хозяйства соседних стран, локомотивы интеграции и экономического развития. Функциональное измерение регионализации постепенно дополняется институциональным: заключением соглашений между региональными и местными властями о сотрудничестве, их переходом к совместному стратегическому планированию, реализации общих про-

ектов и созданию трансграничных органов управления. Регионализация не ограничивается экономической сферой и приводит к значительным изменениям в социальной политике, культуре, территориальном маркетинге и брендинге, формированию специфической идентичности, разделяемой населением, проживающим по разные стороны государственной границы. Частный бизнес переносит свою деятельность в те части трансграничных агломераций и районов, где более благоприятно государственное регулирование, ниже налоги и стоимость рабочей силы. «Инаковость» ситуации на разных территориях сама по себе может оказывать стимулирующее воздействие на креативный потенциал малых и средних предприятий. Как правило, процесс регионализации проходит определенные закономерные стадии.

Одно из важных ее проявлений – формирование трансграничного рынка труда.

¹ Исследование выполнено в Институте географии РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03621 «Российское пограничье: вызовы соседства»).

Как правило, на территориях, охваченных процессами регионализации, возникают фронтальерские миграции, под которыми понимают трудовые трансграничные маятниковые миграции, то есть ежедневное перемещение людей через границу из дома к местам приложения труда (или учебы) и обратно. Наибольшее развитие они получили в ЕС, особенно его «старых» странах-членах, территории которых отличаются высокой плотностью населения и уровнем урбанизации. Несмотря на значительно более низкую хозяйственную освоенность, интеграция России в мировое хозяйство и открытие ее границ после распада СССР вызвали усиление поездок жителей приграничных территорий в соседние города по другую сторону границы. Задача настоящей работы – на основе европейского опыта рассмотреть предпосылки формирования трансграничного рынка труда как фактора регионализации на различных участках российских границ.

Фронтальерские миграции и регионализация в ЕС. Исследования фронтальерских миграций в зависимости от фокуса и подхода можно разделить на несколько направлений. Первое можно условно определить как экономико-географическое, второе – экономическое, третье – часть так называемых междисциплинарных пограничных исследований (*border studies*, или лимнологии).

В соответствии с первым подходом фронтальерские миграции рассматриваются как один из ярких критериев функциональной взаимосвязанности хозяйства соседних стран и их регионов, «продвинутой» экономической и политической интеграции. Акцент делается на изучении масштабов, направлений и дальности этих миграций и делимитации границ трансграничных районов и городских агломераций, а также выделении приоритетных ареалов сотрудничества между региональными и муниципальными властями. Масштабы, направления и динамика фронтальерских миграций отражают соотношение потенциалов соседних регионов [7; 12; 13].

Экономический подход состоит в изучении взаимовлияния фронтальерских миграций и особенностей местного рынка труда, в частности мотиваций их участников, связи

с образованием, квалификацией, возрастом, местом жительства, воздействию на уровень занятости по обе стороны границы, вопросы социальной защиты и др. [17].

В рамках третьего (лимнологического) направления обычно предпринимаются попытки комплексного анализа феномена фронтальерских миграций, в том числе их значения в трансграничных потоках, зависимости от режима границы, политических и институциональных факторов [18; 20; 21; 22; 26].

Выделен ряд общих факторов, влияющих на интенсивность фронтальерских миграций. Эти факторы можно условно подразделить на политические, зависящие от межгосударственных отношений, и экономико-географические – общенациональные и региональные. К первой группе относятся:

- стабильность отношений между соседними странами;
- режим (открытость) границы;
- наличие правовой базы и государственных гарантий, степень различий в законодательстве, регулирующем рынок труда и международные миграции, определяющем социальные гарантии.

Во второй группу входит широкий набор факторов, определяющих спрос на иностранную рабочую силу и возможности ежедневного пересечения государственной границы, в том числе:

- демографическая ситуация по обе ее стороны;
- экономическое положение, структура хозяйства, местные рынки труда и жилья;
- характер системы расселения: близость к межгосударственному рубежу крупных городов, «симметричность» расположения непосредственно примыкающих к нему населенных пунктов;
- культурная близость соседних регионов, в особенности общность языка;
- природные особенности – наличие на данном участке границы естественных препятствий (например, крупных рек);
- характер транспортной сети – число (плотность в расчете на единицу длины границы) автомобильных и железных дорог, пересекающих границу, уровень развития общественного

транспорта и оснащение пограничных переходов. Нередко система коммуникаций играет в развитии фронтальерских миграций если не решающую, то очень важную роль. Так, открытие моста через пролив Оресунд в 2000 г. дало сильный импульс срастанию трансграничной агломерации Копенгаген – Мальме (Дания – Швеция), а число «фронтальеров» всего за шесть лет увеличилось на 27% [31].

Наиболее интенсивные фронтальерские миграции наблюдаются между территориями, сильно различающимися по уровню ВРП и доходов на душу населения, стоимости жилья и другим показателям, в случаях, когда сфера влияния приграничного крупного города с диверсифицированной и прогрессивной структурой хозяйства распространяется на часть территории соседней страны. При этом такие миграции далеко не всегда приводят к сближению уровней развития сопредельных территорий и институциональным изменениям. В то же время выравнивание социально-экономических условий в результате открытия границы, под влиянием внутренних факторов или регионализации необязательно связаны с масштабами фронтальерских миграций [33].

Особое развитие фронтальерские миграции получили в странах Европейского Союза, в которых уже давно создан единый рынок труда, открыты внутренние границы и существуют надежные социальные гарантии для граждан, работающих в другом государстве, входящем в эту организацию. По состоянию на 2007 г. в ЕС в составе 27 стран и прилегающих к ним странах Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) насчитывалось 779 тыс. «фронтальеров». Из них 664 тыс. ежедневно передвигались между 15 «старыми» членами ЕС и их соседями (2009). Наиболее интенсивные трудовые миграции наблюдались в 10 трансграничных функциональных городских ареалах, охватывающих территории нескольких стран, – Базельском (Швейцария – Франция – Германия), Люксембургском (Люксембург – Франция – Бельгия – Германия), Женевском (Швейцария, Франция), в агломерации Ницца – Монако – Сан-Ремо (Франция –

Монако – Италия) и др. На эти трансграничные городские ареалы приходилось 44% общего числа «фронтальеров» в ЕС и сопредельных государствах. В последнее время все активнее разворачиваются трудовые трансграничные перемещения людей между «старыми» и «новыми» членами ЕС и между самими «новыми» членами – бывшими социалистическими странами Центральной Европы, хотя по масштабам они еще значительно уступают перемещениям между странами-основателями ЕС [27; 32].

По результатам специального международного проекта, самые крупные потоки «фронтальеров» наблюдались между Люксембургом и его соседями (127 тыс.), в Базельской (49 тыс.) и Женевской агломерациях (48 тыс.), между Ниццей, Монако и Сан-Ремо (34 тыс.). Между частями других агломераций, находящимися в разных странах (Саарбрюккен, Копенгаген – Мальме и др.), ежедневные трудовые миграции были слабее [31]. Между Веной и Братиславой, сравнительно недавно разделенными значительным пограничным барьером, они еще недавно измерялись всего лишь сотнями человек. Невелики маятниковые перемещения между приграничными городами Польши и Германии, хотя, например, Берлинская агломерация расположена всего в 60 км от границы.

В большинстве трансграничных ареалов с интенсивным передвижением трудовых мигрантов их число в 2000-е гг. росло. Например, в Женевской агломерации оно увеличилось в 2000–2006 гг. на 9,0%, в Люксембурге – на 6,5%. Его анализ показывает исключительно высокую асимметрию потоков, характерную для Люксембурга и Базеля, Женевы и Саарбрюккена, Страсбурга и Ниццы. Во всех этих трансграничных агломерациях 90% трудовых мигрантов приезжают на работу в главный город – международный финансовый центр, в котором наиболее успешно развиваются передовые отрасли сферы услуг или высокие технологии в промышленности, в особенности связанные с биотехнологиями и телекоммуникациями («экономикой знаний»). Но есть и трансграничные агломерации с более равномерным распределением трудовых потоков: Лилль (Франция – Бельгия) и Аахен – Льеж – Маастрихт (Германия – Бельгия – Нидерланды).

Социальный состав «фронтальеров» отличается высокой долей лиц с высоким уровнем образования и квалификации, которые по уровню доходов и уровню жизни относятся к средним слоям, предпочитающим собственные дома в благоустроенных и экологически чистых пригородах, а не квартиры в шумном центре [27].

Мотивы трансграничных ежедневных трудовых передвижений в ЕС мало отличаются от «обычных» маятниковых миграций [31]. Градиент в оплате труда и стоимости жизни между соседними странами играет основную роль. Так, в Швейцарии заработная плата существенно выше, чем во Франции и Германии, но и уровень налогообложения, цена на потребительские товары и недвижимость тоже выше, что побуждает людей работать в Базеле и Женеве, но жить в соседних поселениях по другую сторону границы [32].

Предпосылки фронтальерских миграций и формирования трансграничных районов между Россией и соседними странами. Приграничное положение становится важным экономическим преимуществом и в России. Обладая огромной территорией, Россия унаследовала от СССР *многососедское положение*. Непосредственно по суше она граничит с 16 странами, включая частично признанные Абхазию и Южную Осетию (мировой рекорд!). Соседей у России даже больше, чем у СССР. Общая протяженность границ у России почти такая же, как и у бывшего СССР, хотя территория существенно меньше. Разные участки российских границ значительно различаются по природным условиям, происхождению и «возрасту», степени совпадения с этнокультурными границами, хозяйственной освоенности приграничных районов и обеспеченности трансграничными коммуникациями. Естественно, эти различия накладывают отпечаток на интенсивность и направления миграций, включая и фронтальерские. Многие российские регионы лежат на путях как сложившихся еще в бывшем СССР, так и относительно новых мощных миграционных потоков.

На постсоветском пространстве потребность в прямом взаимодействии подталкивает к более тесному сотрудничеству не только население и мелкий бизнес, но и административно-хозяйственные элиты приграничных

регионов. Постепенно приходит понимание выгод приграничного положения, таких как:

- увеличение числа рабочих мест, расширение экономической деятельности и базы налоговых поступлений за счет обслуживания функционирования границы и развития посреднических функций;
- стабилизация социальной ситуации: трансграничный рынок позволяет людям самостоятельно решать проблему поиска доходов, поддерживать привычный уровень жизни, что, в конечном итоге, сказывается на снижении социальной напряженности;
- расширение спектра социальных услуг без значительных дополнительных затрат: дефицит социальной инфраструктуры и кадров частично компенсируется за счет ресурсов профильных учреждений по другую сторону границы. Одновременно привлеченный платежеспособный спрос способствует развитию собственной социальной сферы;
- объединение усилий и совместное финансирование дорогостоящих проектов;
- повышенное внимание центральных властей к проблемам приграничных территорий, способствующее улучшению их имиджа и инвестиционной привлекательности;
- возможность использования средств международных организаций для реализации трансграничных проектов [2; 7; 8; 11; 22].

Осознание преимуществ приграничного положения меняет отношение к приграничному сотрудничеству. Приграничное сотрудничество можно определить как использование выгод соседства для решения проблем повседневной жизни и перспективного социально-экономического развития каждого региона. Оно начинает рассматриваться как одна из форм региональной политики, направленной на социально-экономическое развитие каждой из сторон благодаря координации усилий и получению совместных выгод. Этому способствуют и стабильные, как правило, отношения между соседними областями, экономика которых в значительной степени адаптировалась к границам, возникшим в результате распада Советского Союза.

На постсоветском пространстве фронтальерские миграции – сравнительно новое явление. Серьезные препятствия для них связаны с нестабильностью отношений между соседними странами, частыми и резкими изменениями в миграционном законодательстве, неурегулированностью статуса многих участков границ, слабостью пограничной инфраструктуры и неадекватным пограничным режимом.

С этими факторами связана и крайне слабая изученность фронтальерских миграций. Поскольку часть связанных с трудовой деятельностью регулярных перемещений через границу носит нелегальный или полунелегальный характер, то представления об их масштабе фактически можно получить только сравнительно дорогостоящими социологическими методами.

На границах между Россией, Украиной, Беларуссией и ЕС жесткий Шенгенский режим фактически исключает возможность фронтальерских миграций. Они существуют лишь в суррогатной форме – впрочем, сложившейся далеко не только на границах между ЕС и его восточными соседями – движения «челноков», пользующихся перепадом в ценах на некоторые товары и совершающими регулярные трансграничные поездки.

Перемещение «челноков» между странами СНГ, Польшей и другими их западными соседями, между Россией и Китаем было особенно интенсивным в кризисные 1990-е гг. Оно в целом сыграло положительную роль в насыщении внутреннего потребительского рынка дешевыми товарами, обеспечило временную занятость сотням тысяч людей и смягчило социальные последствия кризиса переходного периода. Постепенно многие «челночники» привыкли жить за счет периодически создаваемых накоплений и значительным разовым заработкам и образовали особую социальную группу, слабо заинтересованную в занятости по месту жительства.

Особенно много дискуссий возникло вокруг миграций китайцев в соседние районы России. В отсутствие достоверных данных в 1990-е гг. угроза демографической экспансии Китая в малонаселенные районы Дальнего Востока и Восточной Сибири сильно преувеличивалась и служила основой политических спекуляций. На самом деле временные мигранты, постоянно перемещавшиеся между Россией, хотя и далеко

не ежедневно, как «настоящие» фронтальеры, смогли занять в российских городах две сравнительно узкие ниши, ограниченные внутренним спросом и конкуренцией со стороны россиян. Во-первых, это торговля произведенными в Китае потребительскими товарами, овощами и фруктами и, во-вторых, малоквалифицированный и тяжелый труд в строительстве и сельском хозяйстве, от которого отказываются российские граждане [3].

Улучшение экономического положения в России и других постсоветских странах, изменение таможенного законодательства и уровня цен, введение жесткого визового режима в странах, вступавших в ЕС, резко уменьшило численность «челноков», но не остановило полностью этот вид трансграничных миграций. Набор перемещаемых товаров постоянно меняется и постепенно сокращается.

Так, мелкую челночную торговлю между населением эстонской Нарвы и российского Ивангорода, разделенных лишь рекой Нарвой, облегчали тесные личные и семейные связи. До распада Советского Союза этот был фактически единый город, подавляющее большинство населения которого – русские. В первой половине 2000-х гг. ежедневно через мосты между этими городами пешком переходили границу по меньшей мере 2000 человек. Челночная торговля служила существенным источником дохода для значительной части населения, сильно пострадавшего от закрытия или резкого сокращения занятости на промышленных предприятиях. На эстонской территории перекупщики аккумулировали водку, сигареты, дешевые лекарства, известные людям из советского прошлого, бензин и другие товары, перемещаемые людьми в небольших количествах. Благодаря мелкой торговле в Ивангороде было создано немало предприятий торговли, особенно бензоколонок и аптек, что позволило обеспечить рабочими местами часть людей, уволенных с крупных предприятий, способствовало пополнению местного бюджета. Сходная картина наблюдалась и в Печорах [2; 9; 10].

В настоящее время главные товары, которые неизменно выгодно перемещать из России в соседние страны ЕС – сигареты и особенно бензин. Выравнивание цен между соседними странами на многие другие товары, наряду с мерами, препятствующими

многократному ежедневному пересечению границы, ограничение объема вывозимого бензина, – привело к резкому сокращению числа «челночников» на границах между Псковской, Ленинградской и Калининградской областями и «новыми» членами ЕС. Тем не менее, мелкий челночный бизнес сохраняется. На рубежах между Калининградской областью и соседними польскими воеводствами, по сообщениям экспертов, этим ныне занимаются в основном польские граждане [30]. По тем же причинам namного уменьшилось и число «челноков», перемещающихся между городами российского Дальнего Востока и Китая.

Тем не менее, даже на рубежах между Россией и странами ЕС формируется особая социальная общность людей, чья повседневная жизнь по разным причинам связана с регулярным пересечением границы. Это представители местного мелкого и среднего бизнеса, занятые на совместных предприятиях, специалисты, лица, состоящие в смешанных браках, российские эмигранты, живущие в сопредельных районах Финляндии. Их нельзя назвать собственно «фронтальерами», но несомненно, что профессиональная деятельность значительной их части носит трансграничный характер. По оценкам ученых из Карельского института Восточно-Финляндского университета, численность этого сообщества оценивается в 30 тысяч [30].

Другое сообщество, часть членов которого по роду своей деятельности регулярно пересекает рубежи России с соседними странами, состоит из людей, занятых доставкой, хранением и продажей товаров, перемещаемых через границу. Такое сообщество, в частности, еще в начале прошлого десятилетия сложилось в Смоленской области, и уже тогда его численность оценивалась в 10–12 тыс. чел. [6]. М.И. Костюченко [14] с помощью статистических выкладок обосновал выгоды положения области на полимагистрали², соединяющей Москву с Минском, Варшавой, Берлином и другими городами Европы. В начале 2000-х гг. социальные показатели Смоленщины были существенно лучше, чем экономические, поскольку в области большое значение имели теневые доходы, извлекавшиеся из сферы услуг, связанной с автомобильным транзитом.

На Дальнем Востоке отставание в структурной перестройке экономики и социальном развитии ведут к сокращению населения и усиливают объективную потребность в иностранной рабочей силе, в том числе и фронтальерах из Китая. В приграничных районах Северо-Восточного Китая сформировался целый сегмент хозяйства, нацеленный на российский рынок и включающий производственную базу, инфраструктуру, оптовую и розничную торговлю, сферу туризма. Занятые в нем граждане Китая ориентированы на связи с Россией, многие в той или иной степени владеют русским языком и могут потенциально стать фронтальерами в таких крупных пограничных российских городах, как Хабаровск или Благовещенск. Одна из основ развития фронтальерских миграций – китайские общины в России. Ценности китайцев, обосновавшихся в России, меняются. Все больше из них перевозит сюда семьи, все выше доля тех, кто провел в стране более года. Тем не менее, численность постоянных китайских общин на Дальнем Востоке к середине 2000-х гг. оценивалась всего в 35 тыс. чел. Таким образом, серьезной угрозы китайской демографической экспансии не было. Напротив, от взаимодействия с временно или постоянно проживающими в России китайцами зависели работа и благосостояние многих десятков тысяч россиян.

Наиболее благоприятные возможности для фронтальерских миграций объективно существуют в районах с наиболее высокой степенью хозяйственной освоенности и плотностью городского населения – там, где новые государственные границы разрезали единые в недалеком прошлом городские агломерации, между частями которых исторически сформировался определенный рисунок маятниковых миграций. В более благоприятных геополитических условиях эти агломерации, особенно крупные, могут превратиться в ядра регионализации. Некоторые значительные города расположены на самой границе или совсем близко от нее: Сочи (около 400 тыс. жителей), Орск (около 250 тыс.), Благовещенск (218 тыс.), Ново-троицк (105 тыс.) и другие. Это теоретически создает благоприятные условия для процессов регионализации [24], чему во многих случаях способствуют этнокультурные фак-

² Под полимагистралями понимают «пучки» параллельных дальних коммуникаций – линий железной дороги, авто-трассы, линий электропередачи, трубопроводов, обычно являющихся «несущими конструкциями» каркаса расселения.

торы (4). Определенные предпосылки для формирования трансграничного региона существуют между Калининградом и польским Трехградьем (Гданьск – Гдыня – Сопот) [28]. В некоторых случаях пограничные районы находятся гораздо ближе к городам соседнего государства, чем к своему областному центру. Например, некоторые районы Брянской области тяготеют к Гомелю [15]. В российско-украинском пограничье Белгород (около 340 тыс. жителей) входил в сферу тяготения гораздо более крупного Харькова (более 1,5 млн жителей), расположенного всего в 25 км от границы. Расстояние между центрами этих городов – около 80 км, но фактически оно значительно меньше, так как их пригороды вытянулись вдоль соединяющей их полимагистрали. В Харькове – главном в советское время центре высшего образования Украины, насчитывающем десятки вузов, обучались сотни студентов из Белгорода и области, совершавших регулярные, а иногда и ежедневные поездки через границу республик. Весьма благоприятствовала подобным обменам культурная близость жителей этих районов. Социологические опросы показали, что около 40% населения центрального и южного участков российско-украинского и российско-белорусского пограничья (Смоленская область) имеют родственников в соседней стране [1; 2; 22].

Однако, за исключением отдельных участков порубежья в целом, территориальные структуры России и других стран СНГ соприкасаются «спинами», освоенность территории и плотность населения по объективным причинам значительно ниже, чем в Западной Европе. Пограничные области России – сравнительно мало урбанизированные, а в приграничной полосе значительных городов совсем мало. В своих областях приграничные административные районы – как правило, далекая периферия [19].

Степень «приграничности» населения и хозяйства можно оценить с помощью таких показателей, как доля населения, проживающего в приграничных административных районах или в пятикилометровой приграничной зоне, во всем населении региона, численности и общем числе жителей крупных населенных пунктов в этих районах (с населением более трех тысяч жителей). Более высокой степенью хозяйственно-демографической освоенности отлича-

ются приграничные территории Северной Осетии, Амурской и Еврейской автономной областей, юг которых продолжает основную полосу расселения России и отличается более благоприятными природными условиями. Сравнительно велика плотность населения в приграничье Оренбургской области, а также в таких староосвоенных районах, как Калининградская область (часть единой в прошлом Восточной Пруссии), в новом пограничье – Белгородской области (части ныне трансграничной исторической области Слобожанщина).

Однако после распада СССР бывшие трудовые связи даже между близко расположенными приграничными городами и районами довольно быстро почти полностью сошли на нет. Причин тому много. Наиболее очевидная – постепенное ужесточение режима границы, хотя на некоторых границах в зависимости от перепадов в двусторонних отношениях периоды его относительного смягчения чередуются с периодами более строгого контроля. Главное препятствие в глазах граждан, однако, даже не столько сами пограничные формальности, сколько длительное и часто непредсказуемое время ожидания на пограничных переходах, возможность предвзятого отношения и вымогательства со стороны сотрудников пограничных служб. К тому же давно отменено большинство трансграничных маршрутов автобусов и поездов местного сообщения, а те, что остались, подолгу простаивают на границе. Например, еще в 1990-х гг. число трансграничных автобусных рейсов из Смоленской области в Белоруссию сократилось в четыре раза [6]. Большое влияние на трансграничные взаимодействия оказывают колебания валютных курсов. Их сокращению на ряде участков особенно способствовала резкая девальвация рубля в конце 2014 г.

Более глубокие причины – бюрократические сложности, трудности легального трудоустройства иностранцев. На него устанавливают квоты, с работодателей за использование труда иностранных граждан взимают специальные платежи и от них требуют доказать, что претендентов на данное рабочее место среди «своих» граждан нет. Отсюда – широкое распространение неофициальной и сезонной занятости. Другая причина – разрыв образовательного пространства, переход в высшем и среднем образовании

на титульный язык и все большие различия в программах, что вызвало резкое сокращение трансграничных потоков учащихся.

Характерный пример воздействия этих факторов на фронтальерские миграции представляют два фактически сросшихся небольших районных центра на российско-украинской границе, Чертково (Ростовская область) и Меловое (Луганская область). Вокзал станции Чертково находится на российской стороне, и, чтобы попасть в Украину, достаточно просто перейти железнодорожные пути. Понятно, что наладить здесь пограничный контроль и, главное, убедить местных жителей пересекать границу только через пункт пропуска, было непросто. Многие здесь всегда жили по одну, а работали по другую сторону границы. Например, еще в 1994 г. 1 200 жителей Меловского района и 800 – Чертковского работали «в гостях» друг у друга. При совокупном населении обоих районов порядка 60 тыс. чел., 2 тыс. «фронтальеров» – величина немалая. После введения российской стороной экономических ограничений на использование иностранной рабочей силы в Чертково под угрозой увольнения оказались и те категории специалистов, которым трудно найти замену среди жителей района – например, школьные учителя. Другой пример – донбасская агломерация Гуково (Ростовская область) – Свердловск – Червонопартизанск (Луганская область). До начала 2000-х гг. на шахты Гуково, где оплата труда была выше, еще ежедневно доставляли рабочих из соседних городов Луганской области, но административные сложности свели «завоз иностранной рабочей силы» к минимуму. До нынешнего кризиса на Украине между соседними городами этой трансграничной агломерации, расстояние между которыми всего несколько километров, курсировал один рейсовый автобус в день, и этот недлинный маршрут занимал более двух часов [22].

Неадекватные затраты времени на пересечение границы и возводимые на ней административные барьеры – отражение общего противоречия между обеспечением безопасности границ и возрастающими потребностями в усилении трансграничных потоков, в том числе рабочей силы. Объективно существует дилемма между безопасностью, обычно понимаемой как полный контроль над любым перемещением через границу,

а стало быть, означаящим ограничение коммуникации, и открытостью, нередко уже ставшей условием экономического развития. Однако открытость границы элиты и общественное мнение обычно связывают с рисками и угрозами. Эта дилемма – поиск баланса между интересами безопасности и «прозрачностью» границ – лишь частично может быть разрешена чисто технологическими методами – например, установкой сложного оборудования для считывания биометрических данных или дистанционного контроля автомобилей [29]. В постсоветских условиях сказывается и нехватка средств для оборудования местных пунктов пропуска. Так, российско-украинское межправительственное соглашение предусматривало создание 78 таких переходов, но далеко не все из них удалось открыть (ныне большинство из них закрыто).

И все же по мере адаптации населения и всего социума к современным границам и их режиму можно наблюдать некоторые сдвиги, которые в дальнейшем могут привести к формированию в постсоветском пространстве легальных, «цивилизованных» фронтальерских миграций [16; 18]. Можно предполагать, что положительное влияние на фронтальерские миграции окажет также создание Евразийского экономического союза. Одно из наиболее ярких изменений последних лет – заключение с соседними странами соглашений о местном приграничном передвижении (МПП). С мая 2012 г. жители российских городов Никель, Заполярный, Корзуново и Печенга (Мурманская область) и 30-километровой приграничной зоны с норвежской стороны (коммуны Сор-Варангер с центром в Киркенесе) могут пересекать границу по специальным карточкам. С сентября 2012 г. режим МПП распространен с российской стороны на всю Калининградскую область, а с польской – на часть Варминско-Мазурского и Поморского воеводств, включая Гданьск, Гдыню и Сопот. В июне 2013 г. вступило в силу соглашение о МПП между Россией и Латвией, охватывающем семь муниципальных образований Псковской области, с латвийской – 11 краев [5]. Жители Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Карелии пользуются облегченным режимом получения финских виз. Хотя от этих мер еще очень далеко до легализации трудовых миграций, это важный шаг.

Наиболее успешным было введение режима МПП на российско-польской границе, что объясняется как условиями использования карты, так и расширением его зоны вместо обычных 30–50 км на всю Калининградскую область с российской стороны и до Трехградья – с польской. Уровень цен на основные товары и услуги в соседних европейских странах, как правило, был ниже или сопоставим с российским пограничьем, а их качество выше. Сопредельные с Россией районы Польши, Финляндии, Норвегии, а также Китая стали специализироваться на «потребительском туризме». На многих участках пограничья сложились гибкие, динамичные теневые трансграничные рынки [23]. Население активно использовало позиционную (приграничную) ренту. Опыт показал, что со временем стихийные рентно-спекулятивные отношения постепенно приобретают более сложные формы: российские граждане регулярно отправляются в соседние регионы другой страны не только за покупками, но и для проведения досуга, получения различных услуг, в том числе медицинских и образовательных.

Напротив, на российско-латвийской границе заметного увеличения трансграничного потока не произошло. В зону МПП вошла только полоса территории до 30–50 км от границы, куда не входят наиболее значительные города – Псков и Резекне. Приграничные районы Латвии относятся к числу депрессивных и непривлекательны для жителей Псковской области.

Выводы. Перспективы. Несмотря на глубокие демографические и социально-экономические различия между западными странами-членами ЕС и Россией, в российских приграничных регионах возникли суррогатные формы регулярных «фронтальных» миграций и сообщества, живущие использованием приграничной ренты. Как и в странах ЕС, относительно наиболее интенсивны такие поездки между регионами (городами), между которыми наблюдается значительный перепад в уровне доходов на душу населения. Там же, как и в Европе, отмечается и наиболее высокий уровень институализации приграничного сотрудничества, и в отдаленной перспективе, по мере улучшения отношений России с некоторыми ее соседями, можно ожидать формирования

функциональных трансграничных регионов. При этом заметные регулярные перемещения жителей наблюдаются далеко не во всех приграничных городах.

Приграничные взаимодействия между Россией со многими западными соседями, а теперь и с Китаем носят ассиметричный характер. В подобной асимметрии (модели взаимодействия «бедный регион – богатый регион») находят отражение разрыв в уровне экономического развития, структурные и институциональные различия между сторонами. Неудивительно, что ассиметричны и потоки лиц, пересекающих границу, в том числе туристов; следовательно, неэквивалентны в прямом измерении и выгоды, получаемые от этого сторонами.

Однако большое значение имеют и косвенные выгоды от обмена визитами жителей приграничных регионов, значительные именно для российской стороны. В Карелии улучшилось лесопользование, получила распространение культура индивидуального жилья. Обмен преподавателями и учеными с финскими университетами способствовал актуализации исследований и учебных программ в вузах и научных учреждениях. Так, «открытие» границы с Финляндией настолько глубоко повлияло на экономику и социальную жизнь Карелии, что меняется главная «ось» ее развития. Если главная «ось» направлена вдоль полимагистрали Петербург – Мурманск, то теперь формируется вторая ось «запад – восток», которая существенно улучшает перспективы развития периферии и позволяет малым городам региона обрести «второе дыхание» [25]. Это неудивительно, если учесть что число пересечений границы за год превышает 2 млн при населении в 635 тыс. чел. Несмотря на трудности и проблемы, приграничные взаимодействия облегчают процесс диффузии инноваций и перетока знаний и компетенций. Так, многолетнее сотрудничество Карелии с соседними территориями Финляндии обеспечило трансфер технологий и переноса производств на территорию республики в традиционных для партнеров отраслях – в частности, технологий лесовосстановления и лесозаготовок, первичной деревообработки, производства топливных брикетов из ее отходов. В результате производительность труда в лесопромышленном комплексе выросла примерно вдвое [25].

Дальнейшие перспективы трансграничных взаимодействий на уровне рядовых граждан выглядят неоднозначно. Переоценка выгод и недостатков приграничного положения администрациями, хозяйственными руководителями и простыми жителями – фактор дальнейшего развития приграничного сотрудничества и одновременно результат сдвигов в отношениях между соседями. Модель трансграничного взаимодействия, основанная только на использовании приграничной ренты, неустойчива. Санкции ЕС, падение курса рубля и обострение отношений с западными партнерами сократили заинтересованность россиян в поездках за товарами и услугами в соседние страны. В начале июля 2016 г. польская сторона под предлогом обеспечения без-

опасности саммита НАТО приостановила действие соглашение о МПП; российская сторона ответила симметричными мерами в отношении польских граждан. Несмотря на официальные просьбы властей приграничных воеводств, по состоянию на начало октября Варшава не восстановила МПП, поскольку якобы из Калининградской области и в целом России исходят угрозы безопасности Польши и всех стран НАТО. Тем не менее, санкции ЕС против России в целом пока не повлияли на приграничное сотрудничество и ближайшие программы Европейского инструмента соседства (ENI). Движущая сила взаимодействий – прагматизм, позволяющий получить приграничным районам дополнительные ресурсы для решения местных проблем.

Библиографический список

1. Баринов С.Л. Новое западное пограничье РФ: влияние границ на коммуникацию населения. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М.: Ин-т географии РАН, 2012.
2. Вендина О.И., Колосов В.А. Партнерство в обход барьеров. Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 1. С. 142–153.
3. Гельбрас В. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке // Отечественные записки. 2004. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/4/2004_4_9.html
4. Герасименко Т.И. Роль этнокультурной основы в формировании трансграничных регионов // Вестник АРГО. 2015. № 4. URL: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/268--q-q.pdf>
5. Гуменюк И.С., Кузнецова Т.Ю., Осмоловская Л.Г. Местное приграничное движение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 1. С. 97–117.
6. Катровский А.П. Российско-белорусское пограничье: современное состояние и перспективы развития // Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина. Под ред. С.И. Пирожкова. Киев: Центр проблем изучения вынужденной миграции в СНГ и Национальный институт проблем международной безопасности. 2002. С. 47–64.
7. Каледин Н.В., Корнеевец В.С. Трансграничная кооперация в Балтийском регионе // Вестник СПбГУ. Сер. Геология, география. 2007. № 3. С. 80–90.
8. Колосов В.А. Как изучать «новое пограничье» России? Международные процессы. 2004. Т. 2. № 3(6). С. 141–165.
9. Колосов В.А., Бородулина Н.А. Российско-эстонская граница: барьеры восприятия и приграничное сотрудничество. Вестник Института Кеннана в России. 2007. Вып. 11. С. 36–51.
10. Колосов В.А., Бородулина Н.А. «Бремя геополитики» во взаимовосприятии России и стран Прибалтики // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 1(13). С. 101–107.
11. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Типы новых российских границ // Изв. РАН. Сер. геогр. 1999. № 5. С. 39–47.
12. Корнеевец В.С. Международная регионализация на Балтике. СПб: Изд-во СПбГУ, 2010. 207 с.
13. Корнеевец В.С. Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 80 с.
14. Костюченко М.И. Приграничное положение как фактор регионального развития Смоленской области. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М.: Геогр. ф-т МГУ, 2004.
15. Малиновская Е.А. Миграция населения приграничных районов Волыни и Черниговщины в Беларусь // Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина. Под ред. С.И. Пирожкова. Киев: Центр проблем изучения вынужденной миграции в СНГ и Национальный институт проблем международной безопасности. 2002.
16. Манакон А.Г., Евдокимов С.Н., Григорьева Н.В. Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития Псковского региона. Псков: Изд-во АНО «Логос», 2010. 216 с.
17. Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина / Под ред. С.И. Пирожкова. Киев: Центр проблем изучения вынужденной миграции в СНГ и Национальный институт проблем международной безопасности, 2002.
18. Миграция и социально-экономическое развитие стран Балтийского региона / Под ред. Г.М. Федорова. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. 366 с.
19. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией регионов России. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М.: Геогр. ф-т МГУ, 2013.

20. Попкова Л.И. Приграничное пространство как особый тип территории (на примере российско-украинского пограничья) // Изв. Рус. Геогр. о-ва. 2005. Т. 137. Вып. 1. С. 83–89.
21. Попкова Л.И. География населения российско-украинского пограничья. Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. М.: Ин-т географии РАН, 2007.
22. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. Под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. М.: Новый хронограф, 2011.
23. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013.
24. Социально-экономический атлас России. М.: ПКО «Картография», 2009.
25. Толстогузов О.В. Регион в условиях глобализации: пространственный и институциональный аспекты // Труды КарНЦ РАН. № 6. Сер. Регион: экономика и управление. 2012. С. 19–28.
26. Чуклова О.Ю. Геоинформационная система анализа социально-экономических связей России и Украины (на примере миграционных потоков в приграничье). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М.: Геогр. ф-т МГУ, 2011.
27. Decoville A., Durand F., Sohn C. and Walther O. Comparing Cross-border Metropolitan Integration in Europe: Towards a Functional Typology // Journal of Borderlands Studies. 2013. Vol. 28. № 2. P. 221–237.
28. Domaniewski S. and Studzinska D. The Small Border Traffic Zone Between Poland and Kaliningrad Region (Russia): the Impact of a Local Visa-Free Regime // Geopolitics. 2016. Vol. 21. № 3. P. 538–555.
29. Kolossov V. International Communications and Border Regions: Transcending the Problem of Scale on the Boundary between Russia and EU. Regional Development in Central and Eastern Europe. Gorzelak G., Bachtler L. and Smętkowski M., eds. London et al.: Routledge. 2009. P. 239–259.
30. Lines of Exclusion as Arenas of Cooperation: reconfiguring the External Boundaries of Europe / Final Project Report. Ed. by J. Scott and S. Matzeit. Brussels, 2006.
31. Metroborder. Cross-border Polycentric Metropolitan Regions. Targeted Analysis 2013/2/3. Final Report. 31/12/2010. ESPON & University of Luxembourg, 2010.
32. Sohn C., Reitel B., Walther O. Cross-border Metropolitan Integration in Europe: The Case of Luxembourg, Basel, and Geneva // Environment and Planning C: Government and Policy. 2009. Vol. 27. P. 922–939.
33. Topaloglou L., Kalliora D., Manetos P., Petrakos G. A Border Regions Typology in the Enlarged European Union. Journal of Borderlands Studies. 2005. Vol. 20. № 2. P. 67–89.

Зайцева Н.А. (Москва), Корнеевец В.С., Кропинова Е.Г.,
Кузнецова Т.Ю., Семенова Л.В. (Калининград)

ВЛИЯНИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ПЕРЕДВИЖЕНИЙ И ОБМЕНОВ НА ДИВЕРСИФИКАЦИЮ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ)¹

Zaitseva N.A., Korneevets V.S., Kropinova E.G.,

Kuznetsova T.Yu., Semenova L.V.

EFFECT OF CROSS-BORDER MOVEMENTS AND EXCHANGES ON THE ECONOMIC DIVERSIFICATION OF THE CROSS-BORDER COOPERATION REGIONS (CASE FOR THE RUSSIAN-POLISH BORDERLANDS)

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью приграничных передвижений для развития экономики регионов соседних стран. Целью исследования, результаты которого представлены в статье, стало проведение анализа динамики приграничных передвижений и обменов между жителями Калининградской области РФ и Польши. Использованы методы экспертных оценок и статистического анализа, экономико-статистического и факторного анализа, экономико-математического моделирования. В результате составлен «портрет» основных групп жителей Калининградской области и воеводств Польши, участвующих в приграничных передвижениях, и дана авторская оценка влияния таких передвижений на развитие экономики данных регионов.

Abstract. Relevance of the research topic due to the increasing role of cross-border movement for the development of the economies of neighboring countries. The study, whose results are presented in the article, was to analyze the dynamics of cross-border movements and exchanges between the residents of the Kaliningrad Region of the Russian Federation and Poland. The methods of expert assessments and statistical analysis, economic statistics and factor analysis, economic and mathematical modeling. As a result, it compiled a "portrait" of the main groups of residents of the Kaliningrad Region and the voivodships of Poland, participating in cross-border movements, and given to the author's assessment of the impact of such movements on the economic development of these regions.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, диверсификация, экономическое сотрудничество, Российская Федерация, туризм.

Keywords: cross-border cooperation, diversification, economic cooperation, Russian Federation, tourism.

Введение. В настоящее время в нашей стране большое внимание уделяется развитию внутреннего и въездного туризма в центральной России, созданию необходимой инфраструктуры гостеприимства для длительного пребывания туристов [15]. Вместе с тем российские приграничные регионы чаще всего принимают особую категорию туристов – жителей территорий, находящихся в непосредственной близости от границ с соседним государством, которые совершают приграничные обмены.

В целом воздействие туризма на экономическое и социальное развитие страны может быть огромным: открытость для бизнеса, торговли и капиталовложений, создание новых рабочих мест и развитие предприниматель-

ства, защита наследия и культурных ценностей [25]. Следует учитывать, что экономическое значение туризма не ограничивается прямыми финансовыми результатами. Чаще всего туризм выступает в качестве катализатора социально-экономического развития стран и отдельных регионов, обладая мультипликативным эффектом – результат комплексного взаимодействия с ключевыми секторами экономики, такими как транспорт, связь, торговля, строительство, производство товаров народного потребления, оказание услуг питания и других сервисных услуг [12].

Следует понимать, что приграничные регионы – это особый тип регионов, специфика развития которых определяется не только периферийностью, но и функцио-

¹ Материалы данной статьи подготовлены в рамках выполнения гранта РФФИ «Развитие трансграничного сотрудничества с целью диверсификации экономической деятельности субъектов Российской Федерации на основе эффективного использования туристско-рекреационного потенциала территорий» (регистрационный номер НИОКТР АААА-А16-116021210138-0).

нальным дуализмом границы, сочетающей функции барьерности и контактности [10]. Иногда, в случае недружественных отношений между странами, границы становятся непреодолимыми барьерами для осуществления коммуникаций. В других случаях, в условиях развивающегося сотрудничества между соседями, через них проходят мощные потоки товаров, услуг, осуществляется миграция населения [8].

События последних лет показывают, что вследствие изменений внешнеполитических факторов, оказывающих влияние на развитие сотрудничества между Российской Федерацией и странами Европы, характер отношений между странами также изменился. Из-за высокой динамики этих изменений научные исследования не успевают оперативно отслеживать данные трансформации. Именно поэтому учеными Балтийского федерального университета им. И. Канта было инициировано проведение исследования проблем и перспектив развития трансграничного сотрудничества с целью диверсификации экономической деятельности субъектов Российской Федерации на основе эффективного использования туристско-рекреационного потенциала территорий.

Обзор ранее выполненных исследований. Методологической основой данного исследования послужили труды ученых, изучавших сущность трансграничного сотрудничества, особенности развития туризма в приграничных территориях, а также его влияния на диверсификацию экономики соседних стран. В частности, были проанализированы работы Давидова Д.М. [4; 5], Драгиловой И.И. [1; 6], Зыкова А.А. [7], Огневой Н.Ф. [13], Федорова Г.М. [14; 16] и других. Кроме того, были использованы результаты исследования Большева О.Н., Гуменюка И.С., Кузнецовой Т.Ю. [2] о роли местного приграничного передвижения в развитии розничной торговли в Калининградской области Российской Федерации и приграничных регионах Республики Польша.

На основании проведенного исследования научно-теоретических подходов к определению сущности понятия «трансграничное сотрудничество» был использован, в том числе, подход, предложенный Верховланцевой К. В. [3]. Под «трансграничным сотрудничеством» она понимает «совместные кон-

структивные действия, направленные на развитие отношений между территориально-административными единицами или властями в рамках юрисдикции двух или более государств, подразумевающие заключение соответствующих соглашений между ними». Это определение соответствует и подходам к определению сущности трансграничного сотрудничества, принятым в международной практике [18].

Полученные результаты и их обсуждение. Исследование вышеуказанных работ позволило авторам статьи выявить несколько наиболее существенных признаков трансграничного сотрудничества:

- установление двусторонних и многосторонних связей между органами власти, хозяйствующими субъектами, общественными организациями и населением приграничных регионов двух и более государств;
- совместные конструктивные действия в рамках данных проектов на приграничных территориях двух или более государств;
- широкое взаимное общение хозяйствующих субъектов и населения соседних государств;
- заключение соответствующих соглашений о сотрудничестве между территориально-административными единицами или властями двух или более государств.

Для анализа существующей системы приграничных обменов и оценки их влияния на диверсификацию экономики регионов трансграничного сотрудничества были использованы методы экспертных оценок и статистического анализа, экономико-статистического и факторного анализа, экономико-математического моделирования. Применение данных методов позволило обосновать структуру приграничных передвижений и обменов, а также оценить их влияние на диверсификацию экономики регионов трансграничного сотрудничества.

На основе использования теоретико-эмпирических методов исследования в статье обоснованы факторы, усиливающие положительное и отрицательное влияние приграничных обменов на развитие и диверсификацию экономики регионов трансграничного сотрудничества. В качестве одного

Таблица 1
Доля туризма и общий вклад с учетом мультипликативного эффекта в 2014 г, %

Регион	Валовой внутренний продукт		Занятость	
	Прямой вклад	Общий вклад	Прямой вклад	Общий вклад
Российская Федерация	1,5	6,0	1,4	5,6
Европа, в среднем	3,4	9,2	3,6	9,0
Мир, в среднем	3,1	9,8	3,6	9,4

Источник: [25].

из наиболее действенных факторов стоит отметить туризм как составную часть местных приграничных потоков.

Оценка мультипликативного эффекта туризма. Данные исследований Всемирного совета по путешествиям и туризму (WTTC) показывают, что по вкладу в валовой внутренний продукт в России (табл. 1) один процент прямого вклада туризма приводит к трем процентам вклада сопутствующих отраслей (в 2014 г. на долю туризма приходилось 1,5% ВВП и 6% общего вклада с учетом мультипликативного эффекта).

Аналогичная ситуация и с численностью занятых в сфере туризма: 1,4% – прямой вклад туризма и 5,6% – общий вклад с учетом мультипликативного эффекта. Иными словами, каждое рабочее место в туризме создает три рабочих места в других взаимосвязанных отраслях экономики [19]. Данное соотношение значительно выше, чем среднемировой и среднеевропейский показатель, где мультипликативный эффект менее двух единиц [24]. Это свидетельствует о транзитном характере развития туристской индустрии в России, когда ощущается огромная нехватка инфраструктурных объектов и идет диверсификация экономической деятельности в сторону обслуживания туристских потребностей.

Сложившийся мультипликативный эффект в туризме имеет важное значение для разработки программ развития приграничных регионов, учитывая, что в большинстве случаев они относятся к периферийным, а ряд муниципальных образований приграничных регионов можно отнести к «двойной» периферии, имеющей серьезные проблемы в социально-экономическом развитии. По мнению ряда авторов [2], уровень социально-экономического развития периферийных территорий в национальном пространстве всегда оказывается ниже среднего по стране, а сами эти территории нужда-

ются в постоянной поддержке со стороны регионального центра. При этом одним из основных инструментов преодоления внутригосударственного периферийного положения для приграничных регионов выступает механизм развития приграничного сотрудничества, в результате чего, с течением времени, может сформироваться трансграничный экономический центр, который в наднациональном пространстве выступит в роли территории опережающего развития. В данной ситуации туризм может являться одним из главных механизмов начала развития приграничного сотрудничества с последующей трансформацией трансграничного региона в диверсифицированный экономический центр.

Калининградская область как приграничный регион (российско-польское приграничье). С учетом классификации приграничных регионов по степени интегрированности и развитости связей между ними, предложенной Б. Ван дер Вельде [23], авторы выделяют следующие типы приграничных регионов с учетом специфики российского пограничья:

- отчужденные приграничные регионы: приграничные связи отсутствуют в силу военных действий, политических споров, сильных националистских тенденций, идеологической или религиозной вражды, культурных различий или этнического соперничества (в настоящее время к данному типу можно отнести приграничные регионы России и Украины);
- сосуществующие приграничные регионы: характеризуются некоторой степенью экономического и культурного взаимодействия (Россия – Грузия);
- взаимозависимые приграничные регионы: полное взаимодействие в экономической, общественной и культурной сферах, насколько это возможно в ус-

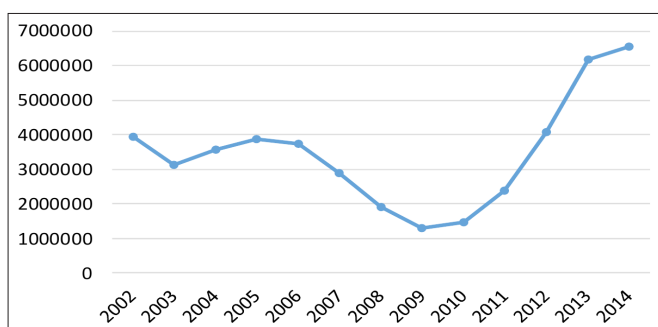

Рис. 1. Динамика количества пересечений российско-польской границы с 2002 по 2014 годы, единиц
Источник: [22].

ловиях все еще действующей границы (Россия – Китай);

- интегрированные приграничные регионы: высшая степень интеграции, свободное движение людей, товаров, денежных потоков и идей (Россия – Беларусь).

Проведенное авторами статьи исследование показало, что эволюция типов приграничных регионов от отчужденных к интегрированным является важным, но не основным фактором развития туризма, хотя сильно сказывается на условиях социально-экономического развития приграничных регионов в целом.

Для Калининградской области развитие разнообразных форм трансграничного сотрудничества – важнейший фактор преодоления недостатков периферийности, с одной стороны, и эксклавности – с другой стороны. Участие Калининградской области в трансграничном сотрудничестве на региональном и местном уровне осуществляется в различных форматах [9; 16], основными из которых являются:

- участие в международных сетевых организациях и программах;
- участие в Программе сотрудничества ЕС – Россия;
- участие региональных органов власти в двустороннем и многостороннем международном сотрудничестве на межправительственном уровне;
- двусторонние соглашения о сотрудничестве с приграничными регионами сопредельных государств;
- двусторонние и многосторонние соглашения о сотрудничестве на местном уровне.

Активное участие Калининградской области в трансграничном сотрудничестве ведет к эволюции типов приграничных регионов и к положительным тенденциям в изменении политики и законодательства в области приграничного сотрудничества.

В 2012 г. на польско-российской границе был введен режим местного приграничного передвижения (МПП) как инструмент сотрудничества между странами ЕС и граничащими с ними государствами. Режим МПП рассматривается в качестве меры по смягчению барьерной функции внешней границы Европейского союза, что подтверждается ростом количества пересечений российско-польской границы по сравнению с резким снижением количества пересечений границы (рис. 1) после вступления Польши в Шенгенскую зону, сопровождавшегося усилением барьерной функции границы.

По данным рисунка 1 можно сделать вывод о том, что с 2012 г. отмечается резкое увеличение количества пересечений российско-польской границы. Однако из-за ухудшения политических взаимоотношений между Польшей и Россией в 2014 г. темпы роста замедлились, но не снизились, что хорошо видно на рисунке 2.

Данные рисунка 2 свидетельствуют о том, что количество пересечений границы польскими и российскими гражданами примерно соответствует друг другу, но видны некоторые изменения, связанные с курсами валют: после сильного снижения курса рубля количество поездок россиян снизилось на 15% по сравнению с 2014 г., а польских граждан увеличилось на 3%. Вместе с тем, для оценки воздействия приграничных обменов между Калининградской областью Россией-

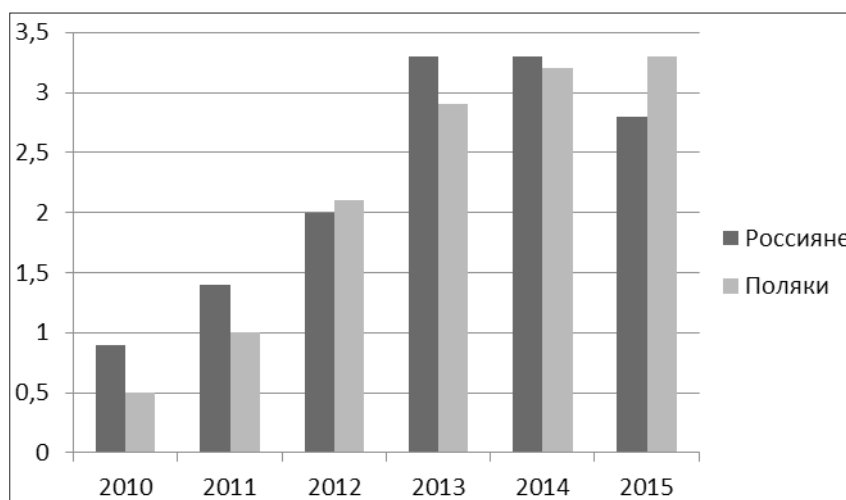

Рис. 2. Количество взаимных пересечений российско-польской границы за 2010–2015 гг., млн единиц

Составлено авторами по данным [21].

ской Федерации и Польшей важно понимать структуру визитов по целям и другие особенности этих перемещений.

Оценка структуры приграничных обменов и их влияние на экономику Калининградской области. Можно сказать, что участие Калининградской области в Программе сотрудничества ЕС–Россия ведет к переходу от сосуществующих приграничных регионов к взаимозависимым приграничным регионам. Они предполагают, как это было приведено в типологии приграничных регионов, полное взаимодействие в экономической, общественной и культурной сферах, насколько это возможно в условиях все еще действующей границы. По мнению одних авторов, механизм МПП в большей степени ориентируется на население приграничных регионов (задача – поддержание локальных социальных контактов по обе стороны границы), чем на хозяйствующие субъекты данных территорий [2], по мнению же других – малое приграничное передвижение позволяет жителям приграничной территории регулярно пересекать общую границу в социальных, культурных или семейных целях, а также для обоснованных экономических целей [22]. При этом семейные цели предполагают приобретение различных товаров и услуг, включая туристские, по другую сторону границы, что может повлиять на диверсификацию экономической деятельности в пригра-

ничных регионах, как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Для оценки позитивного и негативного влияния увеличения числа пересечений границы на экономическое развитие следует проанализировать ряд показателей, характеризующих не только цели визитов, но также структуру и величину расходов, удаленность конечных целей от границы. Проведенное исследование показало, что значения данных показателей абсолютно различны для польских и российских граждан. По целям визита у польских и российских граждан преобладают покупки, но у поляков эта цель доминирующая и составляет 95,4% (рис. 3), а у россиян значительно ниже – 68,7%.

На долю туризма приходится 0,3% поездок у поляков и 14% у россиян. При этом низкая доля туризма в целях визита польских граждан соответствует и общероссийскому показателю. В целом в Россию въехало 1 823 тыс. поляков, с целью туризма – только 17,9 тыс. или менее 1% [11]. Для жителей Калининградской области характерной целью пересечения границы является также транзит (7,3%) для вылета из аэропорта Гданьска или Варшавы, либо транзит по территории Польши, в первую очередь, в направлении Германии.

Другой оцениваемый в данном исследовании показатель – среднее расстояние от границы до конечного пункта визита (рис. 4).

Как видно по данным рисунка 4, различия между Польшей и Россией здесь более

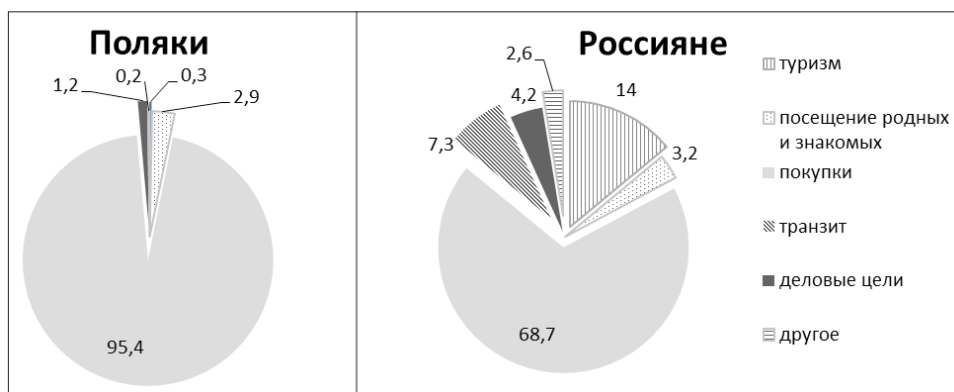

Рис. 3. Распределение пересечений границы поляками и россиянами по целям визита, 2015 г., %
Составлено авторами по данным [21].

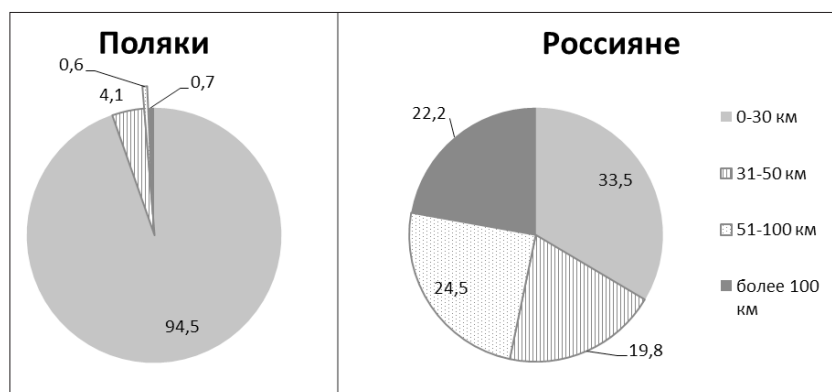

Рис. 4. Структура пересечений границы по расстоянию от границы до целевого центра визита, %, 2015 г.
Составлено авторами по данным [21].

существенные, чем при сопоставлении целей визитов. Если большинство поляков перемещается на расстояние не более 30 км от границы (94,5%), то передвижение россиян имеет более широкую географию: 33,5% перемещается в пределах зоны до 30 км от границы, а 22,2% удаляются от границы на расстояние свыше 100 км. На основании этого можно отметить, что город Калининград как областной центр не участвует в приеме основной части польских граждан, в то время как с польской стороны в приеме российских граждан активно участвуют крупнейшие городские центры, такие как Эльблонг, Ольштын и Гданьск-Сопот-Гдыня.

Как было выяснено в результате проведенного исследования, цели визита и расстояние от границы оказывают преимущественное влияние на структуру закупок товаров и услуг. До 98% расходов поляков в 2013 году приходилось на приобретение товаров, в том числе 88% ушло на приобретение топли-

ва для машин, 5,7% – на покупку алкоголя и 2,2% – на покупку табачных изделий [20]. На отдых и питание приходится только 0,6% общих расходов. Поэтому удаление польских граждан от границы минимально – до первых автозаправочных станций. У российских граждан структура расходов иная, с достаточно широким ассортиментом приобретаемых товаров, на долю которых в 2013 г. приходилось 92,7% общих расходов. На пищевые продукты расходы составили 40,2%, а на промышленные товары – 50,5%. В ассортименте товаров наибольшую долю имели приобретение мясной продукции – 18,2%, а также приобретение одежды и обуви – 18,4%. По сравнению с 2013 г. в 2015 г. произошли некоторые изменения в структуре расходов российских граждан: увеличилась доля расходов на туризм и отдых до 14% при снижении расходов на приобретение товаров до 68,7% [21]. Частично это связано с перераспределением выездного турист-

ского потока из Калининградской области, сокращением расходов на туризм и переходом на более ближние и краткосрочные маршруты. Средние же расходы на одну поездку составили в 2015 г. для россиян около 7500 руб., а для поляков – около 3900 руб. или в 1,9 раза ниже.

Таким образом, очевидны существенные различия в характере приграничных обменов между Польшей и Калининградской областью Российской Федерации, а, следовательно, и их влияние на диверсификацию экономики регионов трансграничного сотрудничества.

Выводы. Как уже отмечалось ранее в других публикациях авторов [26], по обе стороны границы есть как позитивные, так и негативные эффекты от роста количества пограничных передвижений и обменов. По мнению авторов, к позитивному экономическому влиянию на диверсификацию экономики регионов трансграничного сотрудничества (на примере Польши и Калининградской области РФ) можно отнести, в первую очередь, рост объемов приграничной торговли товарами и услугами, которые с учетом мультипликативного эффекта оказывают влияние на рост производства продукции ряда секторов национальной промышленности и сопутствующих услуг. Так, высокая доля расходов на приобретение продуктов питания российскими гражданами оказывает влияние на рост или устойчивость производства в таких секторах экономики приграничных регионов Польши, как сельское хозяйство и перерабатывающая промышленность. Рост спроса на автомобильное топливо со стороны поляков привел к строительству автозаправочных станций вблизи пограничных переходов на российской стороне с сопутствующей инфраструктурой.

К негативным экономическим эффектам роста приграничных обменов для Калининградской области Российской Федерации относятся: отрицательное сальдо между доходами и расходами в приграничной торговле товарами и услугами (соответственно для Польши это будет являться положитель-

ным эффектом); замедление роста розничной торговли, так как на приграничную торговлю отвлекается до 5% торгового розничного оборота Калининградской области; сохранение нелегального предпринимательства в сфере оборота алкогольной и табачной продукции; контрабанда санкционных товаров. В Польше основной ущерб приходится на торговлю автомобильным топливом и табачными изделиями. Следует также отметить, что приграничная торговля и туризм очень сильно зависят не только от барьерной функции границы, но и от принимаемых законодательных инициатив в отношении ввоза/вывоза отдельных групп товаров, изменения курсов валют и других неблагоприятных факторов. Так, снижение покупательной способности рубля привело к снижению количества ночевок российских туристов в приграничном Варминьско-Мазурском воеводстве Польши на 44,4% в 2015 г. [17].

Таким образом, следует поддержать мнение ряда исследователей [2] о том, что развитие трансграничных связей и участие в различных формах приграничного сотрудничества (включая торговлю и туризм) является важным инструментом преодоления негативных последствий периферийности приграничных территорий. В настоящее время приграничные муниципалитеты, не имеющие уникальных туристских комплексов, являются транзитными для туристских потоков. Изучение опыта трансформации трансграничных связей будет способствовать разработке региональных и муниципальных программ развития с учетом возможных направлений диверсификации экономики, связанных с обслуживанием целевых групп в рамках приграничных обменов.

В целом положительная динамика приграничных передвижений и обменов способствует диверсификации экономики регионов трансграничного сотрудничества, что в долгосрочной перспективе благоприятно скажется на социально-экономическом развитии территорий, в том числе на развитии туризма и смежных с ним отраслей (торговля, индустрия питания, развлечений, гостеприимства и других).

Библиографический список

1. Анисевич Р., Пальмовский Т., Драгилева И.И. Влияние местного приграничного передвижения на развитие трансграничного туризма между Республикой Польша и Калининградской областью Российской Федерации // Наука и туризм: стратегии взаимодействия: сборник статей. Вып. 2 / Под ред. А. Г. Редькина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 65–73.

2. Большев О.Н., Гуменюк И.С., Кузнецова Т.Ю. Роль местного приграничного передвижения в развитии розничной торговли в Калининградской области Российской Федерации и приграничных регионах Республики Польша // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 135–149.
3. Верховланцева К.В. Развитие современного трансграничного сотрудничества России и стран Европы: сравнительный анализ. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2009. 24 с.
4. Давидов Д.М. Приграничное и трансграничное сотрудничество как фактор развития эксклавного региона России // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. № 6. С. 72–77.
5. Давидов Д.М., Чекалина Т.Н. Трансграничное сотрудничество как инструмент брендинга в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 74–76.
6. Драгилева И.И. Трансграничное сотрудничество в развитии туризма Юго-Восточной Балтики. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. С-Пб., 2006. 189 с.
7. Зыков А.А. Трансграничный регион в системе международного сотрудничества России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2008. № 2. С. 17–27.
8. Корнеев В.С. Международная регионализация на Балтике. СПб: Изд-во СПбГУ, 2010. 207 с.
9. Корнеев В.С. Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 80 с.
10. Межевич Н.М. Региональная экономическая политика Российской Федерации. Влияние трансграничного сотрудничества на традиционные и новые механизмы реализации. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. 354 с.
11. Министерство по туризму Калининградской области. URL: <http://tourism.gov39.ru> (дата обращения 20.08.2016).
12. Мониц И.П. Трансграничный туризм как составная часть мировой экономики туризма. URL: http://xn--b1allbezbi1h.xn--80aaac8algcbgbc3fl0q.xn--p1ai/documents/analytical_materials/977.html (дата обращения 25.08.2016).
13. Огнева Н.Ф. Организационные аспекты развития трансграничного сотрудничества // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 394–396.
14. Одинг Н.Ю., Федоров Г.М. Активизация российского участия в трансграничном сотрудничестве на Балтике // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 3. С. 63–69.
15. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств. URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoj-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/> (дата обращения 21.08.2016).
16. Федоров Г.М., Корнеев В.С. Еврорегионы – новый формат взаимодействия // Космополис. 2008. №2 (21). С. 78–85.
17. Baza noclegowa w województwie Warmińsko-Mazurskim w 2015 r. URL: http://olsztyn.stat.gov.pl/files/gfx/olsztyn/pl/defaultstronaopisowa/1322/3/1/infografika_baza_noclegowa_2015.pdf (дата обращения 21.08.2016).
18. European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. Madrid, 1980. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/106> (дата обращения 20.08.2016).
19. Kropinova E.G., Zaitseva N.A., Moroz M. Approaches to the assessment of the contribution of tourism into the regional surplus product // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. (№ 3). P. 275–282.
20. Ruch graniczny oraz przepływ towarów i usług na zewnętrznej granicy Unii Europejskiej na terenie Polski w 2013 r. Główny Urząd Statystyczny, Urząd Statystyczny w Rzeszowie. Warszawa-Rzeszyw, 2014. URL: http://stat.gov.pl/files/gfx/portalinformacyjny/pl/defaultaktualnosci/5466/8/2/1/ruch_graniczny_2013.pdf (дата обращения 20.08.2016).
21. Ruch graniczny na granicy polsko-rosyjskiej w 2015 r. URL: <http://olsztyn.stat.gov.pl/files/gfx/olsztyn/pl/defaultstronaopisowa/1322/3/1/infografika> (дата обращения 21.08.2016).
22. Studzieniecki T., Palmowski T., Korneevets V. The system of cross-border tourism in the Polish-Russian borderland // Procedia Economics and Finance. 2016. № 39. P. 545–552.
23. Van der Velde B., Martin R. So many regions, so many borders. A behavioural approach in the analysis of border effects. Paper prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association. Rome, 1997. URL: <http://www-sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa97/sessions/paper-q/q9.htm> (дата обращения 25.08.2016).
24. World Tourism Organization (UNWTO). URL: <http://www2.unwto.org/ru> (дата обращения 20.08.2016).
25. World Travel & Tourism Council: Report. Travel & Tourism Economic impact – 2015. Russian Federation. URL: <https://www.wttc.org/-/media/files/reports/> (дата обращения 10.08.2016).
26. Zaitseva N.A., Kropinova E.G., Korneevets V.S., Dragileva I.I., Chudnovskiy A.D. The long-term forecast of the Russian tourism development // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6. № 5S. P. 103-110.

Катровский А.П., Ковалев Ю.П., Мажар Л.Ю.,
Сергутина С.А., Шеломенцева М.В. (Смоленск),
Ридевский Г.В. (Могилев)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КАК ИНДИКАТОР И ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ¹

A.P. Katrovsky, Yu.P. Kovalev, L.Y. Mazhar, S.A. Sergutina,
M.V. Shelomentseva, G.V. Ridevsky

THE DEMOGRAPHIC SITUATION AS AN INDICATOR AND FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER AREA

Аннотация. В статье рассмотрены особенности демографического развития российско-белорусского приграничья как ведущего фактора формирования человеческого капитала региона. Отмечается, что сложившаяся социально-демографическая ситуация оказывает крайне негативное влияние на экономическое развитие региона. Обращено внимание на усиление периферийности в развитии региона в постсоветское время. Отмечается необходимость разработки единой концепции развития российско-белорусского приграничья.

Abstract. The article describes the features of the demographic development of the Russian-Belarusian border area as it is the major factor in the formation of human capital in the region. It is noted that the present socio-demographic situation has a very negative impact on the economic development of the region. Special attention is paid to the trends for peripherality in the development of the region in the post-Soviet period. The authors emphasize the importance of working out a unified program for the Russian-Belarusian border area development.

Ключевые слова: человеческий капитал, демографическая составляющая человеческого капитала, российско-белорусское приграничье, динамика численности населения, индикаторы депрессивности.

Keywords: human capital, the demographic component of the human capital, the Russian-Belarusian border area, Population Dynamics, indicators of depression

Введение и постановка проблемы. Распад СССР вызвал появление на постсоветском пространстве нового приграничья. Российско-белорусское приграничье – один из таких регионов. У соседствующих областей России и Белоруссии много общих черт: сложная демографическая и социально-экономическая ситуация, инновационное отставание, усиливающаяся периферийность. Российско-белорусское приграничье состоит из шести областей: Псковской, Смоленской и Брянской областей России, Витебской, Могилёвской и Гомельской областей Беларуси. Они образуют единый регион, разнонаправлено ориентируясь в пространстве на соседние крупные социально-экономические центры: Москву, Минск, Санкт-Петербург, Киев. тоит вопрос о развитии его, как целостного образования, с единым опорным каркасом воспроизводства человеческого капитала.

В настоящее время российско-белорусское приграничье столкнулось с серьезными экономическими и социальными проблемами. В контексте теории «центр-периферия»

приграничные регионы представляют собой периферию по отношению к национальным экономическим центрам, как с российской, так и с белорусской стороны. Заметное снижение экономической и социальной роли приграничных регионов нашло свое отражение в уменьшении доли населения, проживающего в приграничье, снижении показателей валового регионального продукта, промышленного и сельскохозяйственного производства. Парадокс: контактная функция границы, несмотря на принятие ряда интеграционных инициатив, не выполняет свою роль стимулирующего фактора социально-экономического развития российско-белорусского приграничья.

Переживаемый в современный период Россией и Белоруссией экономический кризис по-разному воздействовал на региональные экономические системы, обладающие высокой инерцией и недостаточным уровнем конкурентоспособности, и именно это в полной мере, как показали исследования предыдущих лет [18; 19], относится к районам российско-белорусского при-

¹ Исследование проведено при поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-22-04002. «Человеческий капитал и социально-экономическое развитие регионов российско-белорусского приграничья».

границы. Они остро нуждаются в увеличении человеческого капитала для проведения модернизации, которая должна изменить существующие механизмы хозяйствования и позволить преодолеть имеющиеся недостатки прежнего способа организации экономической жизни.

Воспроизводство человеческого капитала региона происходит под воздействием природно-климатических, демографических, экономических, научно-технических, экологических факторов [6; 7]. На него оказывают воздействие, с одной стороны, государство, реализующее свою экономическую политику через механизмы финансирования и государственного регулирования, с другой – органы регионального управления, осуществляющие поставленные перед ними цели.

Современный этап социально-экономического развития, связанный с признанием особой роли интеллектуальных способностей человека в обеспечении экономического роста, способствует усилению региональной направленности в исследованиях процесса воспроизводства человеческого капитала. Это обусловлено тем, что человеческий капитал формируется, накапливается и используется в территориальных границах определенного региона. Именно в границах отдельного региона осуществляется общая и профессиональная подготовка рабочей силы в соответствии с приоритетными направлениями хозяйственной деятельности, уровнем развития производительных сил и состоянием объектов инфраструктуры. При этом в пределах каждого региона формируется определенный уровень жизни и доходов населения, что в дальнейшем определяет социально-экономические условия формирования и развития человеческого капитала [2].

Методологические основы исследования. Теоретические проблемы развития приграничных регионов, особые функции и миссии границ получили рассмотрение в многочисленных работах зарубежных и российских исследователей. Среди фундаментальных трудов российских исследователей в постсоветский период можно отметить работы Г.М. Федорова и В.С. Корнеевца [20], В.С. Корнеевца [10] и др. Среди зарубежных работ, оказавших в последнее время влияние на методологию и методологию российских исследований приграничья, можно назвать

статьи Bryant R.[23], Jorgensen B.[24] и др. Вопросы развития нового российско-белорусского приграничья были рассмотрены многими российскими и белорусскими исследователями: Часовским В.И. [21], Катровским А.П. [4,5], Катровским А.П. и Ридевским Г.В. [8], Морачевской К.А. [11], Оземом Г.З. [12], Пирожником И.И. и др.[13]. В 2005 г. в Пскове вышла монография, посвященная социо-культурным, экономическим и экологическим проблемам российско-белорусского приграничья [18]. Вклад в изучение проблем российско-белорусского приграничья внесла и монография, вышедшая в 2012 г., в которой самое активное участие приняли авторы данной статьи [17].

С методологической точки зрения при анализе проблем данной территории особую ценность представляет геосистемный анализ, который позволяет представить российско-белорусское приграничье как единую общественную геосистему, включающую в себя административно-территориальные образования двух государств, прилегающие к государственной границе. Главной целью данной геосистемы является повышение качества человеческого капитала. Именно на достижение этой цели должно быть направлено социально-экономическое развитие, в основе которого лежит управляемый процесс целенаправленной геосистемной трансформации. Человеческий капитал – важнейший фактор регионального развития на различных иерархических уровнях: от глобального до локального [6,7].

Формирование и развитие человеческого капитала происходит в определенной и зачастую уникальной демографической, социально-экономической и природной среде под влиянием комплекса факторов и условий, которые изменяют его характеристики, стоимость и основные структурные компоненты, оказывая прямое либо косвенное воздействие на различных уровнях образования человеческого капитала: личностном, микроэкономическом, мезоэкономическом и макроэкономическом. Несмотря на общие закономерности, характерные для формирования и развития человеческого капитала в целом, развитие человеческого капитала в каждом регионе должно определяться спецификой регионального развития, предусматривающей эффективное использование всех имеющихся ресурсов данной террито-

рии с целью формирования региональных конкурентных преимуществ. Человеческий капитал можно условно разделить на природные и приобретённые составляющие [2; 3]. К природной составляющей относятся те свойства, которые заложены в человеке как в биологическом виде и позволяющие ему поддерживать своё существование. К приобретенным составляющим относятся свойства, появившиеся в результате воздействия социально-экономической среды, то есть особенности, сформированные в процессе социальных отношений, а также полученное воспитание и образование, накопленный жизненный и трудовой опыт и т. п.

В современных условиях формирование и развитие человеческого капитала региона обусловлено влиянием как внутренних условий, непосредственно определяющих функционирование региональной экономической системы в границах данной территории (демографические условия, природно-климатические, экологические и др.), так и ряда внешних факторов, связанных с развитием национальной экономики, как единой целостной системы. К числу внешних условий можно отнести отношения собственности на средства производства, общественно-политические факторы, степень государственного воздействия на экономику, механизм функционирования рынка, отраслевую структуру экономики, законодательную базу, культурные и религиозные традиции, бюджетно-налоговую, кредитно-денежную и социальную политику государства. Все эти условия в своей совокупности оказывают влияние на современное состояние национальной экономики и предопределяют потенциальные возможности повышения уровня ее конкурентоспособности.

К числу факторов экстенсивного характера, оказывающих влияние на количественные параметры человеческого капитала, можно отнести общую численность населения региона, численность экономически активного населения. Численность экономически активного населения является наиболее важным экстенсивным фактором и, одновременно, демографической и социально-экономической характеристикой человеческого капитала на региональном уровне. В зависимости от результатов влияния можно выделить позитивные и негативные факторы, способствующие

формированию положительного (созидательного) и отрицательного (разрушительного) человеческого капитала [9]. Изучение границ как фактора районообразования сводится к исследованию их влияния на взаимодействие разграничиваемых объектов [22]. Границы могут как способствовать, так и препятствовать взаимодействию соседних стран. Границы породили явления приграничности и трансграничности, которые можно рассматривать как особое состояние регионов.

В исследовании проблем приграничья, проведенном в рамках проекта Центра интеграционных исследований ЕАБР «Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины» [1], отмечается, что в приграничном сотрудничестве можно выделить несколько составляющих:

- обеспечение социальных связей населения приграничных регионов путем развития приграничной торговли, решения коммунальных и экологических вопросов, оказания медицинских, образовательных, культурных услуг.
- сотрудничество приграничных территорий по исполнению общегосударственных функций (транспортных, охраны границ и обеспечения защиты национального экономического пространства, предотвращения и ликвидации последствий стихийных бедствий и так далее).
- экономическое развитие приграничных регионов и их внешнеэкономическая деятельность. Реализуя общегосударственные и местные функции, приграничные регионы выступают в качестве одной из естественных основ интеграции национальных экономик.

Этапы социально-экономического развития российско-белорусского приграничья. В постсоветское время российско-белорусское приграничье прошло несколько этапов развития. Первый этап связан с распадом СССР и характеризовался разрушением сложившихся социально-экономических связей между территориями. Распад СССР и появление государственной границы изменили место и функции регионов российско-белорусского приграничья. За короткое время возникли особые структуры и соци-

альные институты, связанные с пограничным статусом. Изменилась функция бывшей межреспубликанской границы, которая в новых политических условиях стала межгосударственной. Новая граница стала сдерживать потоки товаров, информации, капиталов, препятствовать трансграничным социальным и трудовым миграциям. Граница все отчетливее стала выполнять барьерную функцию, рельефно стал проявляться эффект «приграничности», произошло усиление периферийности приграничных с Белоруссией регионов России [4].

Необходимость усиления экономической и социальной интеграции двух стран привела к подписанию в Москве 2 апреля 1997 г. Договора о Союзе Беларуси и России. Подписание договора создало определенные предпосылки для экономического, социального и военного сближения двух стран, однако оно не привело к созданию единого экономического пространства. На первом этапе во всех приграничных с Белоруссией областях Российской Федерации началась структурная перестройка хозяйства: заметно выросла доля третичного сектора, уменьшилась доля промышленности и сельского хозяйства. Однако на втором этапе никаких существенных сдвигов по формированию единого экономического пространства не произошло, не были преодолены недостатки в трансграничной связанности районов и городов приграничья. Не была преодолена и периферийность приграничных районов, которая «определяет большинство социально-экономических параметров, даже в тех случаях, когда приграничность могла бы вносить положительный эффект» [11].

В 2010 г. на три приграничные с Белоруссией области России приходилось всего 1,02% ВВП, 2,02% сельскохозяйственного производства, 1,12% инвестиций в основной капитал, 0,27% российского экспорта и 1,19% основных фондов страны [15]. Экономическое отставание способствовало миграции трудоспособного населения, в первую очередь, молодежи в соседние более развитые регионы. В качестве главного ориентира в этом случае выступали Москва, Санкт-Петербург и оба столичных региона.

В третий этап приграничные районы вступили после заключения Таможенного союза. В июле 2010 г. три страны СНГ – Россия, Казахстан и Белоруссия образова-

ли Таможенный союз, тем самым облегчив движение товаров, капитала и услуг. В приграничных регионах трех стран появились новые возможности для развития трансграничных связей. Но они не были использованы. Например, роль трех приграничных с Белоруссией областей в экономике России, несмотря на выгоды приграничного положения, осталась незначительной. В 2012 г. на них пришлось 1,04% ВВП страны, что лишь немногим больше, чем в 2010 г. (1,02%).

Четвертый этап развития и социально-экономической трансформации начался в 2015 году, в связи с преобразованием Евразийского экономического сообщества в Евразийский экономический союз, в непростых условиях из-за санкций стран Запада и спада производства в Российской Федерации.

Динамика численности населения как основной индикатор социально-экономического состояния региона Динамика численности населения региона определяется как естественным, так и механическим движением населения и, в силу этого, является наиболее чутким индикатором социально-экономического состояния и депрессивности регионального развития. При снижении численности населения в регионе, как правило, наблюдается снижение численности занятых в экономике. Под влиянием более выраженной по сравнению со средними показателями по стране отрицательной динамики численности населения любой регион рано или поздно переходит в депрессивное состояние. В силу этого стоит задача определить уровень и темп убыли населения, в результате которого регион становится депрессивным. Другими словами, для оценки депрессивности развития региона достаточно двух показателей: снижения численности населения региона в процентах от его населения на определённый момент времени и темпов протекания этого процесса.

Для российско-белорусского приграничья, исходя из динамики численности населения, предлагается следующая типология административных (муниципальных) районов (табл. 1).

В типологии регионов российско-белорусского приграничья угасающие (преддепрессивные), постдепрессивные и депрессивные регионы Беларуси и России можно считать разновидностями проблемных регионов.

Типология административных (муниципальных) районов российско-белорусского приграничья по динамике численности населения за период с 1991 по 2015 г.

Типы районов	Численность населения в 2015 г. в сравнении с началом 1991 г.
1. Динамичные	более 105,0%
2. Стабилизированные	95–105,0%
3. Стагнирующие	85,0–95,0%
4. Угасающие (преддепрессивные)	менее 85,0% при среднегодовых темпах снижения менее 1,0%
5. Проблемные постдепрессивные	менее 85,0% при росте населения, связанном с преодолением депрессивного состояния
6. Депрессивные	менее 85,0 % при среднегодовых темпах снижения более 1,0%

К началу 1996 г. население приграничных областей Белоруссии и России сократилось в сравнении с началом 1991 г. на 1,2% (с 7838,1 до 7689,2 тыс. чел.). При этом население трёх белорусских областей приграничья сократилось на 2,0%, а российских областей приграничья – на 0,2%. Среди всех 139 административных (муниципальных) районов приграничья в 1995 г. доминировали стабилизированные регионы, численность населения которых составил за пятилетие от 95,0% до 105,0% по отношению к начальному периоду. Все первые депрессивные районы приграничья, которых насчитывалось 6, оказались в пределах Гомельской области Белоруссии, наиболее пострадавшей от радиоактивного загрязнения после катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 г., а их трансформация в депрессивное состояние была вызвана массовым отселением населения в чистые регионы, начатым в Белоруссии в 1990 г. Переселение населения из чернобыльских регионов Белоруссии стало главной причиной более высоких темпов сокращения населения в белорусской части приграничья за 1991–1995 гг.

К началу 2001 г. население приграничья России и Белоруссии в сравнении с началом 1991 г. сократилось уже на 4,7% (до 7416,2 тыс. чел.). Стагнирующие регионы с убылью населения в пределах от 15,0% до 5,0% стали доминирующей группой приграничных районов (73 района из 139), количество депрессивных регионов выросло до 18.

На начало 2006 г. население шести приграничных областей России и Белоруссии сократилось в сравнении с 1991 г. на 10,2% (до 6988,5 тыс. чел.). Депрессивные районы, утратившие с начала 1991 г. более 15,0% своего населения, стали доминирующим типом районов приграничья двух стран (74 района). Среднегодовая убыль населения за

пятилетие с 2001 по 2006 г. достигла максимума с 1991 г. и составила 85,5 тыс. чел.

К началу 2011 г. убыль населения российско-белорусского приграничья в сравнении с началом 1991 г. составила 14,2% (численность населения сократилась до 6674,3 тыс. чел.). Депрессивные регионы сохранили своё доминирование среди всех районов приграничья России и Белоруссии, а их число увеличилось с 74 до 91. В течение 2005–2010 гг. впервые появились постдепрессивные и преддепрессивные (угасающие) регионы.

К началу 2015 г. в сравнении с 1991 г. население приграничья сократилось на 15,9% (до 6541,9 тыс. чел.). Число депрессивных районов на начало 2015 г. достигло 95. Отмечался также рост числа преддепрессивных и постдепрессивных регионов. При этом депрессивное состояние смогли преодолеть только 5 районов.

К началу 2015 г. к проблемным по демографической динамике относились четыре области российско-белорусского приграничья: Брянская, Витебская, Смоленская, Псковская. Проблемными можно считать все районы российской части приграничья двух стран, потерявшие с начала 1991 г. более 18,0% всего населения. Следует отметить, что население Российской Федерации и Республики Беларусь к началу 2015 г. сократилось в сравнении с началом 1991 г. соответственно на 1,3% и 7,0%, т.е. уровень депопуляции населения в российско-белорусском приграничье существенно выше средних показателей двух приграничных государств и свидетельствует о постепенном погружении всего региона в депрессивное состояние.

Тренды показателей рождаемости, смертности и естественного прироста населения в приграничных районах российско-белорусского порубежья заметно различаются. Если

Таблица 2

Общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста населения по приграничным районам Смоленской области РФ, Витебской и Могилевской областей РБ в 2013 г. (на 1 000 человек населения)

Название района	Рождаемость		Смертность		Естественный прирост	
	2000 г.	2013 г.	2000 г.	2013 г.	2000 г.	2013 г.
Велижский	7,0	11,8	23,8	19,1	-16,8	-7,3
Ершичский	6,9	8,8	23,3	26,6	-16,4	-17,8
Краснинский	5,8	12,3	22,8	20,4	-17,0	-8,1
Монастырщинский	5,6	11,6	23,5	27,5	-17,9	-15,9
Руднянский	4,9	10,0	26,6	21,8	-21,7	-11,8
Хиславичский	7,5	10,3	22,9	25,3	-15,4	-15,0
Шумячский	6,3	9,5	24,5	23,6	-18,2	-14,1
Смоленская область	6,8	10,6	19,3	16,4	-12,5	-5,8
Витебский	7,3	10,9	20,5	18,6	-13,2	-7,7
Городокский	6,6	10,6	21,4	21,2	-14,8	-10,6
Дубровенский	8,5	10,8	19,9	20,3	-11,4	-9,5
Лиозненский	7,9	11,6	20,3	20,8	-12,4	-9,2
Витебская область	8,5	11,1	15,1	15,4	-6,6	-4,3
Горецкий	7,8	11,2	14,4	12,4	-6,6	-1,2
Климовичский	9,4	11,7	16,7	17,0	-7,3	-5,3
Кричевский	9,4	11,3	16,8	15,9	-7,4	-4,6
Мстиславский	8,8	11,0	17,1	18,0	-8,3	-7,0
Хотимский	9,1	11,7	17,7	19,2	-8,6	-7,5
Могилевская область	9,4	12,2	14,8	14,2	-5,4	-2,0

Источник: [14: 16].

рассматривать динамику данных показателей за 2000–2013 гг. в Смоленской, Витебской и Могилевской областях, то вырисовывается следующая картина. Для группы приграничных районов Смоленской области характерны более существенные изменения, чем для приграничной зоны Белоруссии, причем видны заметные изменения к лучшему в демографической ситуации за анализируемый период в трех районах Смоленщины: Велижском, Руднянском, Краснинском (табл. 2). В то же время, еще в трех районах (Шумячском, Монастырщинском, Хиславичском), заметных изменений в характере демографической ситуации не было, при небольшом росте рождаемости сохранялся высокий уровень смертности населения, а в глубинном Ершичском районе произошло заметное ухудшение хода демографических процессов. Необходимо отметить, что первая группа районов характеризуется лучшей доступностью учреждений здравоохранения.

Ни в одном из приграничных районов Белоруссии нет таких высоких показателей убыли населения, как в четверке смоленских приграничных аутсайдеров. Самый высокий показатель естественной убыли населения

в приграничной зоне Белоруссии характеризует в 2013 г. Городокский район Витебской области (-10,6‰), а Смоленской области – Ершичский район (-17,8‰). Минимальна убыль населения в смоленской части приграничья в Велижском районе (-7,3‰), а в белорусской части зоны – в Горецком районе (-1,2‰), что объясняется более молодой возрастной структурой в нем за счет высокой доли студенчества (Белорусская сельскохозяйственная академия).

В целом, смоленский участок пограничья характеризуется заметно более высокой контрастностью демографических показателей по сравнению с белорусским. Причина в том, что в Республике Беларусь удалась обеспечить достаточно высокий уровень развития социальной инфраструктуры на территории приграничных районов, в то время как в Смоленской области целый ряд жизненно важных услуг население глубинных районов получить не может. В связи с этим важно изучить опыт сопредельных приграничных районов Белоруссии в организации социальной инфраструктуры.

Существенно отличается величина средней численности постоянного населения семи

приграничных районов Смоленской области (15,2 тыс. чел в 2001 г., 11,7 – в 2014 г.) и приграничных районов соседних областей Белоруссии (Витебская область – 30,3 в 2001 г., 23,3 в 2014 г.; Могилевская область – 34,6 в 2001 г., 27,7 в 2014 г.). Наименьшую численность населения среди всех приграничных районов Смоленщины в 2014 г. имел Ершичский – 6,6 тыс. чел., а среди приграничных районов Белоруссии – Хотимский (11,6 тыс. чел.).

Значительны различия численности населения в трудоспособном возрасте приграничных районов двух стран, что является одной из ведущих экстенсивных характеристик человеческого капитала. В Смоленской области в 2014 г. на один приграничный район приходилось в среднем 6,4 тыс. трудоспособных, в Витебской – 12,9, Могилевской – 17,5 тыс. чел. Незначительная численность трудоспособного населения негативно влияет на инвестиционную привлекательность приграничных регионов.

Выводы. Всесторонняя оценка основных условий формирования и развития человеческого капитала, а также выявление возможных взаимосвязей и вариантов взаимодействия между ними являются основой и главным источником поиска путей качественного совершенствования человеческого капитала в регионе. В этой связи определение основных условий формирования и развития человеческого капитала в грани-

цах территориальных систем должно стать методологической основой формирования общей стратегии социально-экономического развития региона, в которой человеческий капитал выступает главным ресурсом при осуществлении структурных преобразований в социально ориентированной модели регионального развития.

Анализ демографического развития приграничных регионов России и Белоруссии позволяет сделать вывод о наличии в них серьезных проблем. Демографическая ситуация в приграничье более сложная, чем в целом по соседствующим регионам, а тенденции демографического развития более угрожающие. Характер и тенденции социально-экономического развития приграничных областей и приграничных муниципальных образований свидетельствуют о значительных деструктивных изменениях в экономической и социальной сферах, произошедших в постсоветский период.

Проблемное состояние российско-белорусского приграничья требует разработки долгосрочных программ санации этого обширного региона. При невозможности разработки трансграничных единых стратегий и программ развития необходимо приступить к разработке и последующей реализации Федеральной целевой программы развития приграничных с Белоруссией регионов Российской Федерации, направленной на подъем экономики, развитие инфраструктуры, оздоровление социальной обстановки.

Библиографический список

1. Анисимов А.М., Вардомский Л.Б., Колосов В.А. и др. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4. С. 76–96.
2. Бережная И.В., Скараник С.С. Классификация факторов формирования и развития человеческого капитала региона // Экономика и управление. 2013. № 3. С. 12–17.
3. Дятлов С.А. Основы теории человеческого капитала / С.А. Дятлов. СПб.: Изд. СПбУЭФ, 1994. 160 с.
4. Катровский А.П. Российско-белорусское пограничье: современное состояние и перспективы развития / Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина: Под общ. ред. С.И. Пирожкова. Киев: НИПМБ, 2002. С. 65–72.
5. Катровский А.П. Смоленское приграничье: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию? // Региональные исследования. 2010. №4. С. 70–75.
6. Катровский А.П., Ковалев Ю.П., Мажар Л.Ю. Человеческий капитал как фактор мирового развития // География в школе. 1999. № 2. С. 6–13.
7. Катровский А.П., Ковалев Ю.П., Мажар Л.Ю. Человеческий капитал и мировое развитие. Проблемное страноведение и мировое развитие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 57–67.
8. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор развития российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. 2013. № 3. С. 128–136.
9. Корчагин Ю. А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации / Ю.А. Корчагин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=books&art=5>
10. Корнеев В.С. Классификация приграничных регионов России // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 48–53.
11. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с Белоруссией районов России // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 61–69.

12. Озем Г.З. Приграничное положение как фактор социально-экономического развития сельской местности // Региональные исследования. 2004. № 1. С. 48–54.
13. Пирожник И.И., Озем Г.З., Шадратов А.В., Шавель А.Н., Хрущев С.А., Морачевская К.А. Экономико-географические факторы трансграничного сотрудничества Беларуси и России // Региональные исследования. 2009. № 6. С. 55–61.
14. Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб.: Т. 1. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015. 756 с.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. Стат. сб. М.: Росстат, 2011.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. Стат. сб. М.: Росстат, 2014.
17. Российско-белорусское пограничье: двадцать лет перемен: монография. Смоленск: Универсум, 2012. 288 с.
18. Российско-белорусское порубежье: устойчивость социально-культурных и эколого-хозяйственных систем. Псков: ПГПУ им.С.М. Кирова, 2005. 355 с.
19. Социально-экономические показатели развития городов и районов Смоленской области. 2014: Стат. сб. Смоленск: Смоленскстат, 2014. 189 с.
20. Федоров Г.М., Корнеевец В.С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32–42.
21. Часовский В.И. Российско-белорусское приграничье: изменения в территориально-отраслевой структуре хозяйства в постсоветский период развития // Региональные исследования. 2010. №2. С.82–90.
22. Шувалов В.Е. Географическая граница как фактор районообразования // Географические границы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982 С. 33–38.
23. Bryant R.C. Cross-Border Macroeconomic Implications of Demographic Change / R.C. Bryant // Brookings Discussion Papers In International Economics. Brookings Institution, 2004. № 166.
24. Jorgensen B. Cross-border Co-operation and EU Enlargement / The NEBI Yearbook 2001/2002. Springer, 2002. pp. 179–196.

УДК 351.88+911.372

Михайлова Е.В. (Москва)

ЭНДОГЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА «ГОРОДОВ-БЛИЗНЕЦОВ»

Mikhailova E.V.

ENDOGENOUS CHALLENGES FOR CROSS-BORDER COOPERATION BETWEEN "TWIN-CITIES"

***Аннотация.** В статье предложена классификация проблем осуществления приграничного сотрудничества на уровне муниципальных образований. На основе результатов качественного и количественного контент-анализа материалов интервью с экспертами приграничного сотрудничества и опроса населения пар смежных приграничных городов на российско-норвежской, российско-финляндской и российско-китайской границах сделан вывод о гетерогенности проблем (их содержания и воспринимаемой приоритетности) в осуществлении приграничного сотрудничества на различных участках государственной границы РФ. Общими для трех кейсов определены такие проблемы осуществления приграничного сотрудничества, как ограниченные финансовые возможности, несбалансированность направлений взаимодействия и низкий уровень осведомленности населения о проектах сотрудничества. Выдвинуто предложение о создании Ассоциации приграничных муниципальных образований РФ как площадки для обмена опытом осуществления приграничного сотрудничества с целью изучения и адаптации передовых зарубежных практик.*

***Abstract.** The article puts forward a classification of cross-border cooperation challenges relevant for border municipalities. Based on quantitative and qualitative content-analysis of interviews with cross-border cooperation experts and survey of borderlanders from the Russian-Norwegian, Russian-Finnish and Russian-Chinese borders, the author argues that problems of performing trans-frontier collaboration are heterogeneous (in terms of content and their perceived significance) along the Russian border belt. Revealed common challenges to carry out cross-border cooperation include limited financial opportunities, unbalanced character of cooperation and residents' low awareness of collaboration projects. The article suggests establishing the Association of Russian border municipalities as an arena for experience transfer of cross-border cooperation performance including exploring and adapting foreign best practices in this sphere.*

***Ключевые слова:** приграничное сотрудничество, приграничные города, города-близнецы, барьеры приграничного сотрудничества.*

***Keywords:** cross-border cooperation, border cities, twin-cities, cross-border cooperation challenges.*

Введение и постановка проблемы. Осуществление приграничного сотрудничества (далее ПС) сопряжено с преодолением экзогенных и эндогенных проблем. Экзогенные

проблемы ПС представляют собой неблагоприятные воздействия внешней среды, которые препятствуют исполнению существующих и инициации новых проектов ПС. Примерами экзогенных проблем ПС являются ухудшение двухсторонних отношений сопредельных стран; экономической конъюнктуры региональных и мировых рынков, влияющих на социально-экономическое положение сопредельных стран; значительное увеличение миграционного потока; существенный рост активности международных террористических или преступных группировок на территории приграничного макро-региона. Эндогенные проблемы ПС представляют собой социально-экономические, организационно-административные, юридические и другие трудности¹, вызванные различиями в системах функционирования двух сопредельных государств, в том числе в их институциональных и нормативно-правовых основах, принципах социальной и экономической политики.

Основное различие между экзо- и эндогенными проблемами ПС заключается в способе возникновения и масштабе действия барьеров ПС. Появление экзогенных проблем ПС происходит под действием факторов международного и глобального характера, которые изменяют контекст осуществления ПС. Эндогенные проблемы ПС связаны с непосредственным процессом осуществления ПС и возникают в результате отсутствия координации в процессе социально-экономического и нормативно-административного развития сопредельных государств, а также ввиду ограниченных возможностей гармонизации их развития. Данный тезис был использован в Уставе Ассоциации европейских приграничных регионов: «ни одно государство в Европе – в составе Евросоюза и за его пределами – не станет изменять свои устоявшиеся и проверенные институты и их полномочия для решения проблем приграничных регионов. Ни одно государство не в силах гармонизировать свое законодательство в соответствии с законодательствами всех сопредельных ему государств» [14, с. 13]. Практическим проявлением отсутствия координации в развитии приграничных территорий сопредельных государств становится создание в них «параллельных

структурных элементов» в региональной хозяйственной системе [3, с. 52].

В течение последних трех лет (с 2014 г.) положение приграничных регионов и муниципальных образований РФ можно охарактеризовать как крайне изменчивое, что обусловлено высокой интенсивностью изменений внешней среды. Девальвация рубля и последовавшее за ней перераспределение трансграничных потоков по периметру государственной границы Российской Федерации (рис. 1), недавние изменения геополитической ситуации и связанное с ними «похолодание» в отношениях с сопредельными России государствами-членами Европейской экономической зоны оказали влияние на состояние и перспективы развития ПС. Однако, в ситуации нарастания экзогенных проблем осуществления ПС не стоит забывать о традиционных эндогенных трудностях ПС. Для России как федеративного государства со сложной многоступенчатой системой координации внешних связей и приграничного сотрудничества, а также в силу ее многососедского евразийского положения характерна гетерогенность типов и проблем ПС.

Цель статьи – выявить и сопоставить ключевые эндогенные проблемы ПС на разных участках государственной границы России на основе изучения сотрудничества приграничных населенных пунктов, которые называют себя «городами-близнецами». Под термином «города-близнецы» (калька с английского термина «twin cities») в данной статье понимаются приграничные муниципальные образования, ориентированные на сотрудничество и интеграцию для достижения определенного сходства и совершенствования общего будущего [10]. Выбор микроуровня для рассмотрения проблем ПС связан с наибольшей интенсивностью взаимодействия смежных приграничных городов на уровне социальных групп, организаций и органов управления и, соответственно, с наиболее явным проявлением в них барьеров ПС.

Обзор ранее выполненных исследований.

В литературе встречаются несколько классификаций проблем ПС, которые создавались для разных уровней приграничья и опираются на различные классификационные критерии. Й. Блаттер и Н. Клемент [6] развивают

¹ В данной статье «трудности», «проблемы», «препятствия» и «барьеры» в осуществлении приграничного сотрудничества используются как синонимы.

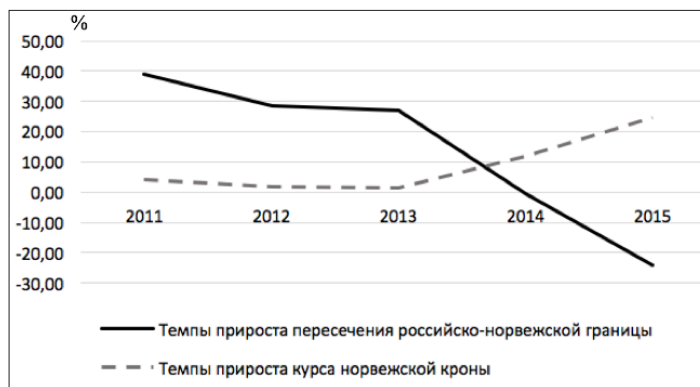

Рис. 1. Динамика темпов прироста пересечения российско-норвежской границы и курса норвежской кроны к рублю

Составлено по [12], [13] и [15].

институциональный и функциональный подходы к определению природы ПС. Согласно первому из них, преодоление трудностей ПС происходит в два этапа – в процессе создания трансграничных альянсов между сопредельными административно-территориальными единицами сопредельных государств и в процессе совместного лоббирования интересов на уровне национальных правительств. Функциональный подход к становлению трансграничного диалога предполагает, что сотрудничество приграничных территорий обусловлено необходимостью сбалансировать позитивные и негативные экстерналии в каждой отдельно взятой сфере, а идентификация и решение проблем ПС производится по направлениям сотрудничества. Применительно к микроуровню приграничья детализация специфических проблемных сфер ПС смежных приграничных городов была произведена в Руководстве по управлению трансграничными конурбациями. Согласно этому справочнику, транспорт, охрана окружающей среды, предоставление государственных услуг, экономическое развитие, территориальный маркетинг и формирование идентичности на микроуровне приграничья являются направлениями, сотрудничество по которым неразрывно связано с преодолением межсистемных различий [9, с. 14-15].

В ряде исследований анализ трудностей осуществления ПС производится комплексно для всех направлений сотрудничества. Для таких работ характерно изучение интенсивности проявления барьеров ПС в разных сферах и особенностей их восприятия различными группами акторов ПС. Одним из примеров применения комплексного подхода является

диссертационное исследование Д. Коваррубиуса, в котором пять видов эндогенных проблем ПС (политические, культурные, языковые, степень гетерогенности приграничных территорий и мобильности их жителей), рассмотрены через призму их восприятия органами управления, учреждениями бюджетной сферы и представителями бизнеса на американско-мексиканской, испанско-французской и шведско-датской границах [7].

Учитывая, что трансграничный диалог на каждой государственной границе имеет набор характерных черт и специфических трудностей в осуществлении ПС, обусловленных различиями в истории и динамике взаимодействия приграничных территорий, рассмотрим опыт изучения проблем ПС вдоль государственной границы Российской Федерации. Большинство отечественных работ сфокусировано на изучении геополитических факторов, мешающих осуществлению ПС. В частности, П.Я. Бакланов и М.Т. Романов [2, с. 61] определяют «пересечение геополитических интересов соседних стран» в качестве одного из главных препятствий для взаимодействия приграничных территорий. Аналогично А.А. Сергунин и А.Г. Анищенко [1, с. 30] называют «непростые межгосударственные отношения» основной причиной низкой скорости развития ПС между смежными городами.

Эндогенные проблемы ПС России в литературе обычно анализируются отдельно для каждого участка границы. Например, проводя оценку использования приграничного положения территорий Тихоокеанской России, П.Я. Бакланов и М.Т. Романов выделяют такие эндогенные проблемы, не спо-

способствующие развитию ПС, как рост диспропорций в демографических процессах и темпах экономического развития сопредельных стран [2, с. 67]. Эти тренды определяют различия в кадровой и инфраструктурной обеспеченности смежных приграничных территорий Дальнего Востока РФ и Северо-Восточных провинций КНР. На примере приграничных регионов Северо-Западного Федерального округа Г.М. Федоров показывает, что одной из специфических эндогенных проблем ПС России является отсутствие профильного закона, регулирующего ПС [5, с. 76], что, в частности, препятствует разработке совместных схем территориального планирования смежных приграничных территорий России и стран-членов Евросоюза.

В данной статье на основе использования комплексного подхода к изучению проблем ПС производится сопоставление эндогенных препятствий ПС на трех участках границы РФ. Для выявления общего и особенного в содержании и восприятии существующих трудностей в осуществлении ПС были выбраны семь блоков эндогенных проблем ПС, а именно: языковой и визовый барьеры, проблемы в сфере управления и коммуникации, кадровые, финансовые и инфраструктурные проблемы.

Результаты исследования и их обсуждение. Для конкретизации проблем, с которыми сталкиваются социальные группы, организации и органы управления приграничных территорий вдоль государственной границы России, и определения их значимости было проведено эмпирическое исследование в форме анкетирования населения и интервьюирования специалистов, имеющих опыт участия в ПС в рамках своей профессиональной деятельности (далее – экспертов ПС), на основе трех кейсов – трех пар смежных приграничных муниципалитетов и их административных центров: Никеля-Киркенеса на российско-норвежской, Светогорска-Иматры на российско-финляндской и Благовещенска-Хэйхэ на российско-китайской границах. Критериями подбора кейсов выступили расположение смежных приграничных городов на государственных границах с существенным языковым барьером и реализация ими совместных проектов приграничного сотрудничества, одним из которых является инициация сотрудничества в формате «городов-близнецов». Краткая

сравнительная характеристика рассматриваемых российских и зарубежных смежных приграничных муниципальных образований (далее МО) представлена в таблице 1.

По результатам проведения анкетирования со случайной выборкой было получено 215 анкет (подробнее распределение анкет и интервью по кейсам представлено в табл. 2). Помимо российской стороны границы, опрос проводился на территории сопредельных зарубежных муниципальных образований. В Киркенесе и Иматре анкеты предоставлялись респондентам на родном языке местного населения – норвежском, финском и русском. Китайские респонденты отвечали на вопросы анкеты на русском языке. В связи с высокими требованиями к знанию русского языка, число опрошенных в Хэйхэ составило 10 человек, что несколько ограничивает возможности использования полученных данных по этому приграничному городу. Ввиду относительно небольшого размера выборки проведенного опроса, его результаты не предназначены для комплексного обобщения. Вместе с тем, они помогают составить представление о взаимоотношениях социальных групп смежных приграничных поселений и проанализировать взгляды и оценки представителей различных групп населения приграничных муниципальных образований.

По результатам проведения интервьюирования были получены 53 полуструктурированных глубинных интервью со специалистами, профессиональная деятельность которых подразумевает участие в приграничном сотрудничестве. По роду деятельности интервьюируемые являлись муниципальными служащими (34%), работниками бюджетной сферы (учреждений образования, культуры и здравоохранения – 32%), представителями бизнеса (21%) и СМИ (13%). Интервью проводились на русском и английском языках. На основании собранных интервью была разработана система кодов для программы DeDoose. Она представляет собой логически структурированные и иерархически выстроенные семантические узлы, частотность употребления которых подсчитывалась программным обеспечением. Результаты контент-анализа в системе DeDoose использовались для проведения диагностики существующих у приграничных муниципальных образований

Таблица 1

Сравнительная характеристика кейсов

№	Приграничные МО, их административные центры и государственная принадлежность	Год основания административного центра	Численность населения (на 2014 г.)	Расстояние между центрами МО	Характер государственной границы	Местные языки
1	Печенгский район, Никель (РФ)	1944	12 548	57 км автотрассы	Расположены на границе РФ и стран Шенгенского соглашения с 2001 г.	Русский, норвежский
	Коммуна Сёр-Варангер, Киркенес (Норвегия)	1862	3 538			
2	МО «Светогорское городское поселение», Светогорск (РФ)	1945	15 896	7 км автотрассы	Расположены на границе РФ и стран Шенгенского соглашения с 2001 г.	Русский, финский
	Уезд Иматра, Иматра (Финляндия)	1948	28 057			
3	Городской округ Благовещенск, Благовещенск (РФ)	1856	220 077	750 м реки Амур	Расположены на границе РФ и КНР, с 2004 г. безвизовый режим для въезда россиян в Хэйхэ	Русский, китайский
	Городской округ Хэйхэ, Хэйхэ (КНР)	1980	210 000			

Составлено по [4], [8] и [11].

Российской Федерации проблем в реализации приграничного сотрудничества.

Как показал контент-анализ глубоких интервью с местными экспертами ПС Светогорска и Иматры, россияне упоминали проблемы ПС в 2,5 раза чаще, чем их коллеги из Финляндии (светогорцам принадлежат 72% цитат, соотносящихся с данным кодом). Наиболее часто высказывания экспертов касались проблем в области управления – данный код был присвоен 36% цитат (31 упоминание) от общего числа упоминаний проблем, причем эксперты из Светогорска обращались к этой теме в 3,7 раза чаще,

чем эксперты из Иматры. Из спектра управленческих проблем наиболее часто интервьюируемые из России упоминали ограниченность полномочий участников ПС (9), отсутствие баланса между приграничными административно-территориальными единицами в извлечении выгод от ПС (7), отсутствие времени на ПС (7) и зависимость динамики ПС от конкретных личностей (6). Как видно на рис. 2, наиболее часто на тему проблем в области управления высказывались муниципальные служащие двух городов, работники бюджетной сферы и представители СМИ Светогорска.

Таблица 2

Распределение полученных интервью и анкет по кейсам

№	Кейсы		Количество полученных	
	Граница	Населенные пункты	интервью	анкет
1	РФ	Никель	11	24
		Норвегия	Киркенес (норвежцы)	10
			Киркенес (русские)	2
2	РФ	Светогорск	10	48
		Финляндия	Иматра (финны)	7
			Иматра (русские)	1
3	РФ	Благовещенск (русские)	8	52
		Благовещенск (китайцы)	1	0
	КНР	Хэйхэ	3	10
Итого:			53	215

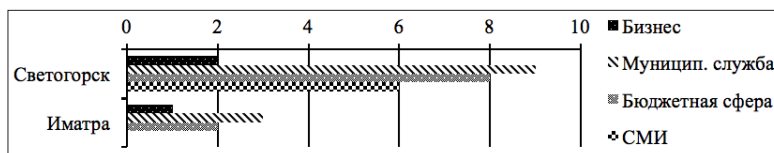

Рис. 2. Соотношение количества цитат, соответствующих коду «проблемы в области управления», в интервью с экспертами из Светогорска и Иматры. Составлено на основе результатов анализа интервью с экспертами ПС в программе DeDoose.

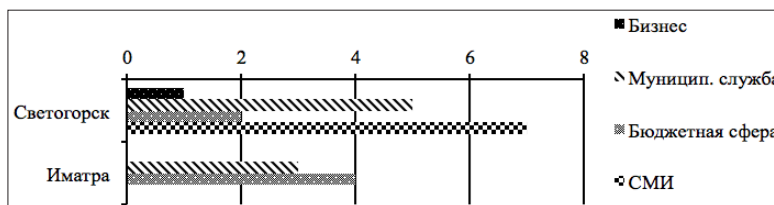

Рис. 3. Соотношение количества цитат, соответствующих коду «нехватка человеческих ресурсов» как проблемы ПС, в интервью с экспертами из Светогорска и Иматры. Составлено на основе результатов анализа интервью с экспертами ПС в программе DeDoose.

Второе место по частотности упоминаемый разделили кадровые и коммуникационные проблемы: к данным темам эксперты двух городов обращались по 22 раза. С перевесом в 2 упоминания более часто светогорцы высказывались о коммуникационных проблемах. 70% цитат экспертов из Светогорска, относящихся к теме коммуникационных проблем, были посвящены отсутствию общего трансграничного информационного поля, обозначающему трудности поиска информации о смежной приграничной территории, разобщенность информационно-аналитической и информационно-просветительской работы Светогорска и Иматры. Интервьюируемые работники бюджетной сферы наиболее часто упоминали такой компонент коммуникационных проблем, как отсутствие информационно-консультационной поддержки со стороны администрации.

Судя по частоте упоминаний нехватки человеческих ресурсов экспертами из Иматры, эта проблема воспринимается ими как наиболее существенная для данного муниципального образования. Неудовлетворенность по поводу кадровой укомплектованности наиболее часто высказывали муниципальные служащие и работники бюджетной сферы двух городов, а также представители СМИ Светогорска (рис. 3).

Упоминание различных проявлений инфраструктурной барьерности границы в качестве препятствия для осуществления ПС встречается 18 раз, при этом 46% цитат принадлежат представителям бизнес-сообщества.

Главной проблемой, на их взгляд, является низкое качество пограничной инфраструктуры. Высказывания о финансовых проблемах встречались в два раза чаще у экспертов из Светогорска, в частности у муниципальных служащих и работников СМИ.

Проблемы осуществления ПС, упоминавшиеся респондентами всех шести приграничных населенных пунктов, отражали культурные и административные различия сопредельных государств, сложность пересечения границы и неравенство распределения выгод от ПС. Также были выявлены проблемы ПС, воспринимаемые как острые на определенных участках границы. Примером таких проблем для российско-норвежской границы является сложная экологическая обстановка, связанная с деятельностью завода «Печенганикель». Специфическим препятствием для ПС между Благовещенском и Хэйхэ является инфраструктурная проблема, а именно отсутствие мостового перехода между двумя берегами реки Амур.

Кроме того, проблемой приграничного сотрудничества является относительно низкая доля участия населения в мероприятиях ПС. Ее среднее значение, рассчитанное на основе данных анкетирования жителей шести приграничных МО, прилегающих к государственной границе РФ, составила 37,4% от общего числа респондентов (подробнее см. рис. 4), что свидетельствует о необходимости совершенствования действующей системы организации ПС и системы информирования населения трансгранич-

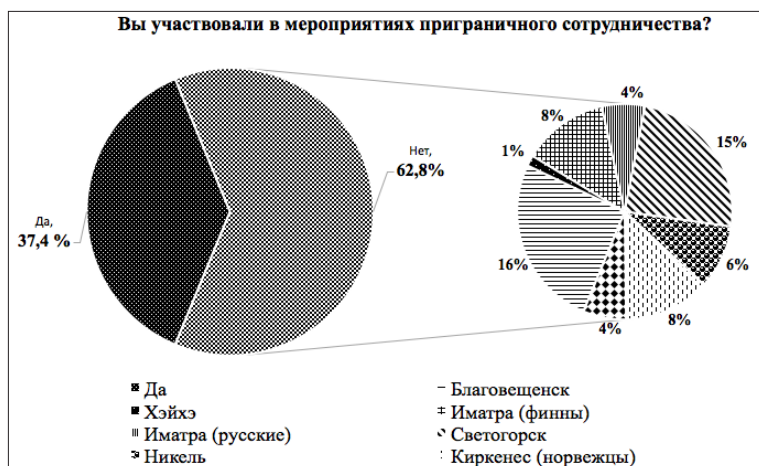

Рис. 4. Оценка участия в приграничном сотрудничестве местных жителей Никеля-Киркенеса, Светогорска-Иматы и Благовещенска-Хэйхэ
 Составлено на основе результатов анализа анкетирования местных жителей в трех парах смежных приграничных городов.

ного региона о возможностях участия в приграничном сотрудничестве.

Комплексный анализ эмпирических данных по трем кейсам выявил наличие языкового и визового барьера на трех участках границы. Хотя частота упоминания этих проблем значительно варьировалась – как от анализируемых данных (эксперты реже высказывались на тему трудности получения виз, чем респонденты анкетирования со случайной выборкой), так и от кейса к кейсу. Наиболее часто визовый барьер упоминался на российско-финляндской границе, что объясняется отсутствием договоренностей о безвизовом пересечении границы жителями приграничной территории для посещения сопредельной приграничной территории, в то время, как такие договоренности действуют на российско-норвежской границе и на рассматриваемом участке российско-китайской границы. Упоминание языкового барьера чаще встречается в данных по кейсам Никель-Киркенес и Благовещенск-Хэйхэ. Причина этой закономерности частично раскрывается благодаря анализу интервью Светогорска и Иматы, в которых эксперты из Светогорска говорят об отсутствии языкового барьера ввиду использования переводчиков, зачастую предоставляемых финской стороной. То есть в этом кейсе преодоление языкового барьера возложено на одну из сторон сотрудничества, в связи

с чем сторона, не участвующая в устранении данного препятствия ПС, не воспринимает языковой барьер как проблему.

Анализ результатов анкетирования позволил выявить такую проблему осуществления приграничного сотрудничества, как отсутствие сбалансированности между его направлениями (экономическим, гуманитарным и инфраструктурным), а также между формами его осуществления (регулярными и проектными). Как видно из табл. 3, гуманитарное сотрудничество воспринимается респондентами во всех трех кейсах в качестве наиболее успешного направления взаимодействия. Стоит обратить внимание на высокую оценку совместных мероприятий в области культуры и спорта на изучаемом участке российско-китайской границы, что отчасти противоречит характеристике азиатского типа приграничного сотрудничества². Анализ ответов респондентов из Благовещенска и Хэйхэ показал, что 12 из 18 опрошенных, отметивших результаты сотрудничества в области культуры и спорта между смежными МО, основным итогом взаимодействия назвали студенческий обмен, открытие Института Конфуция в БГПУ и проведение совместных конференций. Такое внимание сфере образования и науки определяется социальной ролью ряда респондентов: в Хэйхэ большинство опрошиваемых являлись студентами Хэйхэского университета, в Благовещенске одна пятая анкет была запол-

² Теорию трех типов приграничного сотрудничества развивали такие ученые, как О.Б. Александров, Л.Б. Вардомский, В.Г. Введенский, К.В. Верхоланцева, С.В. Голунов, С.Г. Горшенин, А.Г. Гранберг, П.Е. Доронина, А.Ш. Миндагалиева, Е.Е. Скатерщикова, В.К. Толстов, Р.С. Ягудаев.

Направления и формы приграничного сотрудничества, отмеченные в качестве наиболее успешных согласно результатам анкетирования приграничных жителей Никеля-Киркенеса, Светогорска-Иматры, Благовещенска-Хэйхэ

	Направления и формы приграничного сотрудничества							
	Регулярные совместные мероприятия в области культуры и спорта		Экономическое развитие приграничных территорий		Улучшение пограничной инфраструктуры		Совместная проектная деятельность	
	N*	%**	N	%	N	%	N	%
Никель-Киркенес	18	60	7	23,3	1	3,3	3	10
Светогорск-Иматра	20	62,5	3	9,4	12	37,5	5	15,6
Благовещенск-Хэйхэ	18	69,2	17	65,4	-	-	1	3,9
Итого	56	63,6	27	30,7	13	14,8	9	10,2

*N – число упоминаний в полученных данных анкетирования

** - доля от общего числа опрошенных по каждому кейсу

Составлено на основе результатов анализа анкетирования местных жителей в трех парах смежных приграничных городов.

нена студентами Благовещенского государственного педагогического университета.

Экономический результат от осуществления ПС упоминался респондентами достаточно часто только в Благовещенске и Хэйхэ – 65,4% респондентов, отмечавших итоги сотрудничества, говорили о развитии торговли и туризма на российско-китайской границе. Наиболее редко об экономическом развитии приграграничных территорий в следствие приграничного сотрудничества говорили жители Светогорска и Иматры.

При подведении итогов в приграничном сотрудничестве, направленном на совершенствование пограничной инфраструктуры, видим обратную ситуацию: Светогорск-Иматра лидируют (37,5% респондентов назвали инициативы по совершенствованию инфраструктуры в числе особо значимых и успешных). В Благовещенске и Хэйхэ, напротив, ни один из опрошенных не отметил данное направление сотрудничества в качестве эффективного.

Известно, что проектные формы осуществления приграничного сотрудничества свойственны европейскому типу приграничного сотрудничества. Полученные данные в некоторой степени подтверждают это положение: успешная реализация проектов ПС упоминается в качестве итога взаимодействия приграничных территорий в 4 раза чаще респондентами из Светогорска и Иматры и в 2,5 раза чаще респондентами из Никеля и Киркенеса, чем респондентами из Благовещенска и Хэйхэ. С другой стороны, даже в рассматриваемых кейсах на российско-фин-

ляндской и российско-норвежской границах упоминание проектной деятельности значительно уступает упоминанию регулярных мероприятий приграничного сотрудничества (в 4 и 6 раз соответственно). Такой относительно низкий уровень упоминания проектной деятельности как успешной формы осуществления ПС в рассматриваемых кейсах может быть обусловлен двумя факторами: 1) недостаточно активным использованием проектной деятельности в Светогорске-Иматре и Никеле-Киркенесе и/или 2) недостаточным информационным сопровождением проектов приграничного сотрудничества в рассматриваемых кейсах.

Заключение. Проведенное исследование показало, что содержание и восприятие приоритетности решения эндогенных проблем ПС, а также соотношение ведущих направлений и предпочитаемых форм ПС в России существенно варьируется в зависимости от участка государственной границы. Сопоставление текущего состояния приграничного сотрудничества с возможным спектром направлений ПС позволило выявить те из них, которые не получили должного использования на отдельных участках границы: экономическое ПС неразвито в Светогорске и Иматре; сотрудничество в сфере инфраструктуры требует интенсификации в Благовещенске и Хэйхэ, Никеле и Киркенесе; применение проектных форм ПС может быть усилено во всех кейсах и в особенности в Благовещенске и Хэйхэ.

Несмотря на упомянутую гетерогенность проблем ПС, были определены следующие трудности приграничного сотрудничества муниципального уровня, являющиеся общими для рассмотренных пар городов на российско-норвежской, российско-финляндской и российско-китайской границах: ограниченные финансовые возможности муниципалитетов, несбалансированность направлений ПС, недостаточный уровень осведомленности жителей о проектах ПС.

На основе результатов контент-анализа интервью с экспертами ПС в Светогорске и Иматре детализировано содержание таких блоков проблем ПС, как трудности в сфере управления и коммуникации. Первый блок включает ограниченность полномочий участников ПС, отсутствие баланса в извлечении выгод от ПС между сопредельными муниципалитетами, отсутствие времени на ПС и зависимость динамики ПС от конкретных личностей. Среди проблем в сфере коммуникации были названы отсутствие общего трансграничного информационного поля и следующая из него затрудненность доступа к информации о смежной приграничной территории, отсутствие информационно-консультационной поддержки акторам ПС со стороны органов местного самоуправления, разобщенность

информационно-аналитической и информационно-просветительской работы сопредельных муниципальных образований.

Одной из площадок для обмена опытом по решению выявленных проблем ПС могла бы стать Ассоциация приграничных муниципальных образований РФ. Учреждение Ассоциации будет способствовать распространению отечественных и зарубежных передовых практик управления развитием приграничных территорий на муниципальном уровне и консолидации позиции приграничных муниципальных образований России. Одним из возможных результатов создания Ассоциации может стать выступление отечественных приграничных муниципальных образований с предложением о включении пункта о поддержке муниципальных интеграционных инициатив в текст законопроекта «Об основах приграничного сотрудничества в РФ». Наиболее приемлемым способом создания Ассоциации представляется ее учреждение на базе общероссийской общественной организации «Всероссийский Совет местного самоуправления».

В качестве направлений будущих исследований наиболее перспективным представляется конкретизация эндогенных проблем ПС в сфере финансового и кадрового обеспечения трансграничного взаимодействия.

Библиографический список

1. Анищенко А.Г., Сергунин А.А. «Города-близнецы»: новая форма приграничного сотрудничества в Балтийском регионе? // Балтийский регион. 2012. № 1. С. 27–38.
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 60–71.
3. Вольничук А.Б. Трансграничный регион: теоретические основы геополитического исследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 49–55.
4. Рыжова Н.П. Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 59–74.
5. Федоров Г.М. Приграничное положение как фактор стратегического и территориального планирования в российских регионах на Балтике // Балтийский регион. 2014. № 3. С. 71–82.
6. Blatter J., Clement N. Transborder Collaboration in Europe and North America: Explaining Similarities and Differences // *Borders, Regions, and People.* / ed. by M. van der Velde, H. van Houtum. 2000. European research in regional science, Vol. 10. London, Pion Limited. P. 85–103.
7. Covarrubius D. Bridging the socio-economic gap: integrating cross-border regions through comparing different worlds – region Laredo, Aquitania-Euskadi and Öresund / Daniel Covarrubius. Ph.D. Dissertation. 2015. University of Deusto. 276 p.
8. Eskilinen H., Kotilainen J. A vision of a Twin City: exploring the only case of adjacent urban settlements at the Finnish-Russian border // *Journal of Borderlands Studies.* 2005. Vol. 20. P. 31–46.
9. Expertising governance for transfrontier conurbations. Handbook on the governance of cross-border conurbations. *UrbAct.* 2010. 142 p.
10. Joenniemi P. City-Twinning in Northern Europe: Challenges and Opportunities // *Research Journal of International Studies.* 2011. Vol. 22. P. 120–131.
11. Joenniemi P., Sergunin A. Kirkenes-Nikel: Catching a Second Wind of Twinning? // *Arctic Yearbook.* 2013. 20 p.
12. Аудиторская фирма «Авдеев и Ко»: аудиторские и оценочные услуги. URL: <http://www.audit-it.ru/> (дата обращения: 09.06.2016)
13. Barents Observer. URL: <http://barentsobserver.com/en/sections/borders> (дата обращения: 29.06.2016)
14. European Charter for Border and Cross-Border Regions. New version. URL: http://www.aebr.eu/files/publications/110915_Charta_EN_clean.pdf (дата обращения: 18.07.2016)
15. The Independent Barents Observer. URL: <http://thebarentsobserver.com/borders> (дата обращения: 22.07.2016)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО И ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 911.7

Лопатников Д.А. (Москва)

ГЕОЭКОЛОГИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Lopatnikov D.L.

GEOECOLOGY OF POSTINDUSTRIAL TIME

***Аннотация.** В статье автором исследуются экологические последствия постиндустриализации. Автор анализирует взаимовлияние экологизации и преобразования в территориальной структуре мирового хозяйства. Особое внимание уделяется перспективам формирования экологической ситуации в России. Выдвигается гипотеза геоэкологического перехода.*

***Abstract.** In this article the author examines the environmental effects of postindustrialization. The author analyzes the mutuality of ecologization and transformation of the territorial structure of the world economy. And he gives special attention to the prospects of forming an ecological situation in Russia. In conclusion, he speaks about the impact of the postindustrial stage of economic development on the global environmental situation.*

***Ключевые слова:** геоэкология, постиндустриализм, территориальная структура хозяйства (ТСХ), экологические проблемы, экологизация, геоэкологический переход.*

***Keywords:** geoecology, post industrialism, territorial structure of the economy (TSE), environmental problems, ecologization, geoecological transition.*

Введение. Обострение экологической ситуации в мире в индустриальную эпоху привело к развитию пессимистических, а в крайних формах – апокалиптических, взглядов на судьбу человеческой цивилизации. Это стало лейтмотивом главенствующих теоретических концепций в экологической мысли второй половины XX в. Между тем, возникающие очаги постиндустриального развития на карте мира и анализ их разрастания в последние четверть ушедшего века могут привести к переосмыслению устоявшихся концепций. Есть ряд признаков того, что постиндустриальное развитие не только порождает новые факторы углубления мирового экологического кризиса, но и способно создать социальные, экономические и политические стимулы экологизации мирового хозяйства.

I. Экофилософия постиндустриализма. Экофилософия постиндустриального общества опирается не на биоцентрист-

скую идею «спасти природу от человека», а на эоантропоцентристскую идею «спасти природу для человека». Только с опорой на эоантропоцентризм [3] возможен переход от антагонизма в отношениях между человеком и природой к их коэволюции на основе взаимовыгодного сотрудничества. «Экологическая волна» последней четверти XX в. связана не только и не столько с имеющим место объективным обострением экологической обстановки на Земле именно в этот период, сколько с субъективным «прозрением» жителей наиболее динамично развивающихся стран и стремительным последующим подъемом планки «качества жизни». Это создало важнейшую предпосылку перехода от неосознанного игнорирования экологических проблем в доиндустриальный период через их осознанное игнорирование в индустриальный период и время всемирных лихолетий к осознанному учету экологического фактора при переходе к постиндустриальному развитию.

Экологические притязания людей в постиндустриальных странах непрерывно растут. В постиндустриальном обществе экологическая составляющая выходит на передний план при оценке качества жизни в той или иной стране или в регионе. *Рост экологических притязаний по мере повышения уровня благосостояния людей становится одним из законов постиндустриального развития.* Именно постиндустриальные тенденции в обществе и прежде всего рост экологических притязаний людей стимулируют интерес к разработкам экофильных технологий, использование которых становится нормой. Утилитарный подход к природе как был в индустриальный период, так и сохраняется в постиндустриальный. Однако экологические последствия извлечения прибыли из шахт и карьеров и извлечения прибыли из чистых пляжей и живописных пейзажей противоположны. Постиндустриализм делает из «экологии» товар, она становится субъектом товарно-денежных отношений. При этом, как отмечает Г.А. Голубев «опыт последнего времени показывает, что относительная важность и приоритетность объектов природопользования постепенно смещается от природных ресурсов к геоэкологическим «услугам»» [1, с. 12].

Экоориентированный бизнес стал значимым сегментом хозяйства развитых постиндустриальных стран. *Качество окружающей среды становится ресурсом для постиндустриального общества и тем самым приобретает экономическую ценность.*

Главным изменением в ментальности людей постиндустриального общества становится переосмысление экологического неблагополучия среды, означающее отказ от идеи о неизбежности экологических издержек для эффективной работы хозяйства.

Если уровень экологических притязаний зависит от материального благосостояния, то качество этих притязаний зависит от общей культуры. Экологическую культуру бессмысленно рассматривать вне контекста культуры в широком понимании, в особенности культуры труда и быта. Только при опоре на анализ культурных стереотипов труда и быта в социуме выявляются многие цивилизационные, этнические, социальные особенности экоповедения людей и его последствия. Принципиально важно то, что экологически позитивные процессы в постиндустриаль-

ных странах происходят не благодаря рождению в этом обществе очередного «нового человека», а на базе наиболее консервативных и противоречивых родовых черт человеческой природы.

II. Экологически значимые постиндустриальные сдвиги в географии мирового хозяйства. Родиной постиндустриализма как очередной стадии мирового инновационного процесса, снова выступила западная цивилизация. На начальном этапе степень пространственной концентрации постиндустриализма высока, поэтому пока речь идет прежде всего о наиболее развитых странах Центра мирового хозяйства. На смену известной устоявшейся обобщенной модели мироустройства «Индустриальные (развитые, богатые) страны – индустриально неразвитые (развивающиеся, бедные, аграрные и т.д.)» приходит новая модель «Постиндустриальные (развитые, богатые) – индустриально неразвитые (развивающиеся среднеразвитые) – индустриально неразвитые (развивающиеся бедные, аграрные)». Конструкцию мирохозяйственного устройства «Развитые индустриальные страны – сырьевые и аграрные приатки» постепенно вытесняет новая конструкция «Постиндустриальные страны – индустриальные, сырьевые и аграрные приатки». В результате в постиндустриальном хозяйстве формируется качественно новая модель международного разделения труда.

Эколого-географический анализ стран Центра показывает, что в последние несколько десятилетий здесь протекают не только экологически негативные и опасные для всей планеты процессы, но, параллельно, и экопозитивные процессы. Неосознанное или осознанное игнорирование и, тем более, замалчивание этих процессов неизбежно искажают современную экологическую «палитру» на планете, приводя к своеобразному экологическому «дальтонизму».

Экологические угрозы постиндустриализации качественно меньше, чем экологические угрозы индустриализации. Суммарный экологически негативный эффект от большинства отраслей третичного сектора – сферы нематериального производства, многократно меньше, чем от отраслей первичного и вторичного секторов. При переходе к постиндустриальной модели экономики в этом секторе формируется мощное экологическое лобби – группа

отраслей хозяйства, жизненно заинтересованных в хорошей «экологии». Во многом именно их интересы заставляют отрасли первичного и вторичного секторов проводить экологическую санацию.

За последние 2–3 десятилетия процессы трансформации территориальной структуры хозяйства развитых стран под воздействием экологического фактора многократно усилились. Важнейшим фактором этого стала постиндустриализация экономики. Наблюдается усиление влияния экологического фактора на развитие ТСХ на всех уровнях территориальной иерархии. Экоантропоцентризм становится приоритетной «философией» при принятии размещенческих решений.

Территориальные очаги постиндустриализации – очаги экологической санации. Очаги индустриализации несли с собой экологические проблемы. Очаги постиндустриализации несут с собой экологическое оздоровление. По мере развития постиндустриальных тенденций в территориальную структуру хозяйства вкрапливаются экофильные элементы и сбрасываются экофобные.

Терциализация становится главным фактором реконструкции и экологической санации старопромышленных районов. В результате происходит не только экологическое оздоровление целых регионов, но и придается второе дыхание экономическому развитию депрессивных старопромышленных районов развитых стран. Развитие многофункционального третичного сектора позволяет перепрофилировать и возрождать к жизни депрессивные районы.

Ярким проявлением качественно новой территориальной организации хозяйства в условиях его терциализации стали технополисы, или в более общей форме – технопарки (города науки). Не только высокая технологическая оснащенность, но и максимально комфортные условия работы и жизни – важнейшие отличительные черты организации их функционирования. Экологический фактор здесь один из важнейших. По внутреннему территориальному устройству технополисы наиболее приближены к «поляризованному ландшафту» Б.Б. Родомана [6]. По своим экологическим характеристикам многие из них вполне можно называть экополисами. Этим пространственные «точки роста» постиндустриального времени принципиально отличаются от «точек роста»

индустриального времени – промышленно-городских агломераций.

По мере развития постиндустриальных тенденций происходит конвергенция антиподов – старопромышленных районов и технополисов в направлении их экологической оптимизации.

Если ликвидация крестьянства как класса сопровождалась массовым исходом из деревни в город, то массовый переход рабочего класса в «средний» класс происходит «на том же месте». Это становится мощным стимулом экологизации городской среды.

На экологическую ситуацию на территории (страны, региона) в постиндустриальную эпоху влияет не столько количество населения, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, сколько их качество, а также социальные, экономические и технологические средства, которыми располагает общество для решения экологических проблем.

Процесс экологизации идет не «вообще», а по конкретным направлениям в каждом конкретном месте. Выбор этих направлений чаще всего определяется не объективной остротой экологической ситуации, а формирующимися интересами населения и возможностями решения проблем.

Происходящие экологически значимые процессы в постиндустриальных странах, означают начало нового цикла в развитии отношений между человеком и природой. В постиндустриальных странах впервые появляется массовый спрос на «экологию». С другой стороны, формируется новая постиндустриальная модель экономики, которая имеет предпосылки для удовлетворения растущего спроса. Так как речь идет о странах, до последнего времени экологически наиболее неблагоприятных, чье грандиозное хозяйство представляло и пока представляет реальную экологическую угрозу для всего мира, осознание этого особенно важно. Именно экологически позитивные процессы в постиндустриальных странах производят эффект «откладывающегося апокалипсиса» и пока еще не твердое, но все же основание для умеренного оптимизма, когда речь заходит о завтрашнем дне.

Эпицентр экологического неблагополучия из Центра мировой экономики в начале XXI века сместился на ее Полупериферию, что спровоцировало новую волну обострения экологических проблем в мире по мере роста

индустриальной мощи полупериферийных стран. Именно на Полупериферии мировой экономической системы в ближайшие десятилетия будут превалировать экофобные экономические процессы над экофильными, что создаст очаг как наибольшего внутреннего экологического неблагополучия, так и новый мощный центр глобальной экологической угрозы. При этом нужно иметь в виду, что общий уровень управляемости «экологией» в странах Полупериферии и Периферии ниже, чем в странах Центра. Все это неизбежно приведет к существенному усилению влияния экологического фактора в мировой геополитике. В отличие от развитых стран, где противвесом масштабных экологических проблем выступают непрерывно растущие возможности по их нейтрализации, а по ряду проблем и полного их разрешения, то у отстающих стран мировой Полупериферии и Периферии таких возможностей нет.

III. Геоэкологическое положение России в постиндустриальном мире. Доминирующие в обществе идеи пока не способствуют восприятию постиндустриализма как наиболее предпочтительного пути развития. Упорное непонимание или сознательное игнорирование того, что сфера нематериального производства (третичный сектор) – такой же реальный сектор экономики, как сельское хозяйство и промышленность, стало печальным и, по-видимому, закономерным продолжением традиционалистского мышления в стране, серьезно отставшей от новых мировых экономических реалий.

В современном мире развитие без экологизации есть деградация [5, с. 12]. Формирование по-настоящему сильного экологического движения в лице экофильных хозяйственных субъектов, партий и других общественных организаций, государственных органов возможно только в условиях растущего благосостояния людей, когда станет «до экологии». При этом решающим станет не очередная «революция сверху», а давление «снизу» по мере роста благосостояния людей и формирования массового среднего класса.

Закон роста спроса на «экологию» по мере роста благосостояния людей универсален и поэтому действует и у нас. «Экологические притязания» многих «новых русских» уже вполне сопоставимы с западными. Это наглядно проявляется, например,

в изменении критериев оценки жилья у людей различного достатка. Так же, как в богатых странах, наметились антропоцентристские тенденции экологизации потребительского рынка: стремительно растет производство бутылкированной воды, растет интерес к экологически чистым продуктам питания, устанавливаются бытовые фильтры для воды. Быстро растет спрос на самые различные формы рекреации и досуга.

Сегодня в России уже можно наблюдать формирование приоритетов экологической политики под воздействием постиндустриальных процессов. Центрами наиболее активной экологической политики и очагами экологической «санации» в России становятся столицы государства (Москва и Санкт-Петербург), а также территории в границах столичных агломераций, столицы субъектов федерации, «наукограды», закрытые города, туристские центры, курортные и рекреационные зоны.

При экологической оптимизации территорий должна возрастать роль их эстетических характеристик. При наличии социального заказа на «красивый ландшафт», то, в какой степени он будет «экологизирован», во многом будет зависеть от «предложения», т.е. грамотных, научно проработанных и осуществимых проектов организации территории со стороны профессиональных географов.

Если в России идея К. Г. Гофмана о том, что «экология – привилегия богатых» будет реализовываться буквально, то начнется поляризация ландшафта по модели «богатые (экологически чистые) – бедные (экологически грязные) территории». При таком раскладе, экологический фактор не только станет одним из факторов растущего социального расслоения, и соответственно, напряжения, но и усилится экофобная направленность организации территории.

Опыт постиндустриальных стран показывает, что не лозунговый, а *реальный социальный заказ на «экологию» формируется не по мере обострения экологической проблемы, которая при его отсутствии может дойти до катастрофических масштабов, а по мере роста экологических притязаний населения, которые растут параллельно с качеством жизни.*

Главная экологическая угроза на обозримую перспективу для России будет исходить не от становления «общества потребления»,

а от относительной бедности страны в сравнении с развитыми странами.

Экологическая политика не должна уподобляться богадельне. «Экология» должна стать выгодной. Нерыночные методы решения экологических проблем нужно рассматривать только как вспомогательные: они должны применяться в тех случаях, когда доказано, что рыночные методы менее эффективны или неэффективны вовсе.

IV. Постиндустриальный геоэкологический переход. Общая траектория трансформации глобальной экологической обстановки на планете определяется огромным и сложнейшим букетом природных и социально-экономических процессов [4]. Но нужно видеть, что, среди этих процессов все отчетливее выступают экофильные процессы. Принципиально важно то, что они детерминированы в первую очередь экономически. А во-вторых – технологически. Среди факторов, начинающих работать на замедление роста глобальной антропогенной нагрузки на планету и влияющих на экологически позитивные сдвиги в развитии мирового хозяйства, следует назвать, прежде всего, экопотребление, экологбб и экобизнес.

Одним из локомотивов экологического оздоровления мирового хозяйства выступает общество потребления. Именно с обществом потребления многие экологи связывают экологические беды на планете. Рационализация, и даже добровольное сокращение потребления называется одним их важнейших условий экологизации жизни. Понимание подобной «рационализации» – самое различное и в большинстве случаев зависит не столько от особенностей профессиональных подходов и компетенции, сколько от политических пристрастий. Борьба с обществом потребления, широко распространенная в отечественном экологическом сознании, по сути, означает борьбу с экономикой как таковой, ибо именно рост потребления является, с одной стороны, результатом продуктивного хозяйствования, с другой – главным стимулом дальнейшего развития экономики. Сдерживание общества потребления означает сдерживание экономического роста. Поэтому, как в масштабах сегодняшнего, очень экономически контрастного мира в целом, так и для большей части стран в обозримом будущем идея ограниче-

ния общества потребления, как минимум, утопична. Общество потребления – естественный плод эффективной хозяйственной деятельности и огромное достижение стран с воспитанными веками культурой труда народов в сочетании с грамотной экономической политикой их руководителей.

Сегодня неверно сводить сущность общества потребления к обогащению материальными благами. В развитых странах пик ажиотажа материального потребления прошел во второй половине ушедшего столетия. У граждан развитых стран меняются ценностные ориентиры – преобладающее внимание к материальному благосостоянию и физической безопасности уступило место заботе о качестве жизни. Современная экономика опирается на принципиально новые приоритеты в потреблении, которые составляет богатое постиндустриальное общество, где впервые в истории массовый спрос на нематериализованные товары сравнялся и зачастую начинает превосходить по стоимости спрос на материальные товары [9].

Удовлетворение спроса на «экологию» развивается в соответствии с экономическими законами и зависит от степени дефицитности товара, что создает естественное в условиях рынка неравенство для пользователей. В результате, экология, как уже отмечалось, все в большей степени становится «привилегией богатых». В этих условиях, одним из ключевых направлений государственной политики в области экологии в постиндустриальных странах становится борьба за превращение «экологии» из «товара для избранных» в «товар массового спроса», что закладывает основы *общества экопотребления*. Для этого, в частности, уже задействуются методы активного формирования экомиджа и спроса: мощная, направленная на массового потребителя реклама экологически чистых продуктов, здорового образа жизни, экологического туризма и т.п. Многие конкретные экологические программы государства в богатых странах ориентированы на «экологические» потребности среднего обывателя.

Становление общества экопотребления идет параллельно в тесной взаимосвязи с формированием *экологического лобби* в лице наиболее заинтересованных в благоприятной экологической обстановке отраслей. При переходе к постиндустриальной

модели хозяйственного уклада в третичном секторе формируется группа отраслей хозяйства, жизненно заинтересованных в хорошей «экологии». К таким отраслям можно отнести науку, культуру, образование, туризм [7]. Научная и творческая элита в развитых странах активнейшим образом успешно лоббирует самые разнообразные экофильные проекты как из «идейных» соображений, так и из откровенно корыстных. Для нее экологически благополучная среда – одно из необходимых условий эффективной и доходной работы.

Появление мощного экологического лобби в высокоразвитых странах показывает, что традиционные отечественные рецепты решения экологических проблем сегодня совершенно недостаточны. В большинстве случаев они сводятся к требованию государственного финансирования экологических программ. Однако финансирование экологических программ неверно считать решающим фактором успехов в экологизации жизни.

В целом, по мере роста благосостояния со стороны богатеющего обывателя возрастает экофильное «давление». В результате, издержки на «экологию» становятся все более весомой частью общих издержек производства предлагаемых на рынке товаров, материальных (особенно наиболее высокотехнологичных) и нематериальных. Это делает выгодным производство более экологически чистых автомобилей, поддержание в чистоте пляжей, очистку водоемов от мусора и др. экологически опасных воздействий человека. Многие экологические издержки трансформируются из внеэкономической категории в категорию экономическую. «Экология» становится значимой компонентой выгоды в самых различных проявлениях: от торговли технологическими инновациями до торговли недвижимостью из экологически чистых материалов и с видом не на заводские трубы, а на живописное озеро, полное рыбы и дичи, как, например, во многих, некогда наиболее экологически грязных районах США. Утилитарный подход к природе как был в индустриальный период, так и сохраняется в постиндустриальный. Однако экологические последствия извлечения прибыли из шахт и карьеров и извлечения прибыли из чистых пляжей и живописных пейзажей противоположны. Значимым сегментом хозяйства высокоразвитых стран

стал *экоориентированный бизнес*. У нас много пишут о выводе грязных производств из развитых стран в развивающиеся. Но куда меньше о том, что далеко не единичные примеры модернизации наиболее экологически опасных производств в самих высокоразвитых странах доказывают, что благодаря научно-техническому прогрессу, экологически «безнадежных» производств нет. Есть проблема, как говорят «цены вопроса».

Заключение. Опыт развитых стран показывает, что, в условиях грамотного использования рыночных механизмов, когда «экология» становится выгодной, нерыночные методы решения экологических проблем нужно рассматривать только как вспомогательные – они должны применяться в тех случаях, когда доказано, что рыночные методы менее эффективны или неэффективны вовсе. Конечно, рыночные механизмы применимы для решения многих, но не всех экологических проблем и не во всех странах в равной степени. Например, меньшая их эффективность в России – прежде всего «проблема роста», а не просто «российская специфика» или тем более, родовая черта рынка вообще. В конце XX– первом десятилетии XXI века как на планете в целом, так и в отдельных регионах и странах мира произошли значимые изменения в экологической обстановке. Анализ макроэкологической статистики 2000-х гг. позволяет сделать следующие выводы:

1. В начале XXI века закончилась эпоха прямой зависимости остроты экологических проблем от масштабов мирового хозяйства. Это было характерно для индустриального времени. Сегодня острота экологических проблем в большей степени зависит не от плотности населения или количества хозяйственных объектов на конкретной территории, а от их качества. Экоориентированная модернизация промышленных предприятий, даже традиционно наиболее грязных, модернизация транспорта позволяют качественно улучшать экологические параметры хозяйствования не в ущерб роста производимого продукта. В целом, экологическая статистика последней четверти века свидетельствует о том, что рост глобальных экологических издержек по базовым показателям, начиная от пресловутых выбросов CO₂, SO₃ и т.п. идет медленнее, чем рост мирового валово-

вого продукта. В ряде стран экономический рост сопровождался сокращением как удельных, так и абсолютных значений традиционных, фиксируемых статистикой, экологических издержек, что принципиально важно (как, например, в Германии).

Один из наиболее масштабных сдвигов в мировой экологической панораме в конце XX-начале XXI в. – смещение традиционно, сложившегося в XX в. эпицентра экологического неблагополучия из высокоразвитых стран Центра мирового хозяйства в наиболее динамично развивающиеся страны мировой Полупериферии. Речь идет, прежде всего, о быстро развивающихся странах Азии и Латинской Америки. Именно на Полупериферии мировой экономической системы в начале нынешнего века превалировали экофобные экологические процессы над экофильными, что создало здесь новый мощный центр глобальной экологической угрозы. При этом общий уровень управляемости экологической обстановкой здесь ниже, как и слабее выражен социальный заказ на «экологию». Это позволяет как национальным, так и транснациональным компаниям работать в условиях относительно низкого уровня экологических требований. Решающий вклад в данный тренд внесли Китай и Индия.

В целом, модернизация экономики в конце XX – начале XXI вв. стала значимым фактором набирающих обороты экологически позитивных процессов в мировом хозяйстве. Параллельное развитие как эконегативных, так и экопозитивных процес-

сов в макрорегионах мира приводит к усилению мозаичности экологической панорамы. Стало калькой, что экологическая обстановка в мире ухудшается. По-видимому, в начале нынешнего века она скорее не ухудшается, а – пространственно усложняется. Это одно из свидетельств того, что мир вступил в стадию «экологической бифуркации». И это, в свою очередь, дает надежду на то, что после ее прохождения, следующей будет стадия эколого-экономической стабилизации. Есть достаточно признаков, свидетельствующих о том, что экологический переход приближается к «точке перегиба». Об этом говорят набирающие обороты экопозитивные процессы в развитых странах. Они будут продолжаться и усиливаться по мере модернизации экономики, научно-технического прогресса, улучшения качества жизни людей и развития гражданского общества. Не сразу, но данные процессы неизбежно начнут все более явственно проявляться и в «догоняющих» странах. Этот непростой многоэтапный процесс в конечном итоге обеспечит, как минимум, уход от «экологического апокалипсиса» в долгосрочной перспективе.

Было бы совершенно ошибочно представлять, что постиндустриализм снимет экологическую проблему как таковую. Но сегодня есть основания говорить о том, что именно постиндустриальные тенденции сняли напряжение в экологической обстановке на планете к концу XX в., что обусловило уход от панически-алармистских оценок мирового развития в начале XXI в.

Библиографический список

1. Голубев Г.А. Основы геоэкологии. М.: Кнорус, 2013.
2. Гофман К.Г., Федоренко Н.П. Экономическая защита природы // Коммунист. 1989. № 5. С. 12–18.
3. Дридзе Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 20–28.
4. Исаченко А.Г. Страноведение и геоэкология: желаемое и действительное // Известия РГО. 2014. Вып. 4. С. 45–57.
5. Ключев Н.Н. Эколого-географическое положение России и её регионов. Дисс. ... докт. геогр. наук. М.: ИГ РАН, 1996.
6. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. Смоленск: Ойкумена, 2002.
7. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Академия, 1999. С. 337–371.
8. Шупер В.А. Инновационное развитие в свете евразийской концепции Л.Н. Гумилева // Политическая концептология. 2012. № 4. С. 123–130.
9. Bell, Daniel. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Harper Colophon Books, 1974.
10. Kuznets S. Economic growth and income inequality // Am. Econ. Rev. 1955. Vol. 49. P. 1–28.
11. Simon, Julian. The Ultimate Resource 2. Princeton University Press, 1996.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

УДК 339.91,910.1

Ткаченко Т.Х., Сафонов С.А. (Москва)

НОВАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Safonov S.A., Tkachenko T. Kh.

THE NEW PARADIGM OF THE GLOBAL INDUSTRY DEVELOPMENT AND PRIORITY AREAS OF GEOGRAPHICAL RESEARCH

Аннотация. Среди новых направлений промышленно-географических исследований выделяется феномен неоиндустриализации как фактор изменений в пространственной структуре мировой индустрии. Формулируется тезис, что за счет неоиндустриализационного развития экономически развитые общества стоят на пороге «прорывного экономического роста», что может поменять их место в пространственной структуре. В частности, опыт Германии отражает наличие существенного эффекта прироста производства за счет постепенного введения неоиндустриализационной системы «Индустрия-4.0» и изменение штандортных условий для развития производственной деятельности в стране в целом. В статье показано, что познание современной пространственной структуры мировой индустрии должно базироваться на анализе географии трансграничных и глобальных цепочек создания стоимости продукции как основополагающей формы организации современного производства.

Abstract. The phenomenon of neo-industrialization as an impact factor of changes in the spatial structure of the global industry is highlighted among the new directions of industrial-geographical studies. The thesis is formulated that due to neoindustrialization development economically developed societies are on the verge of a "breakthrough in economic growth" what can change their place in the spatial structure. In particular, the experience of Germany reflects the significant effect of increase in production through the gradual introduction of neoindustrialization systems "industry 4.0" and the change of "standort" conditions for the productive activities development in the country. The article shows that modern knowledge of the global industry spatial structure should be based on an analysis of the geography of cross-border and global value chains of production as a fundamental form of modern production organization.

Ключевые слова: география промышленности мира, новые направления исследований, неоиндустриализация, трансграничные и глобальные цепочки создания стоимости.

Keywords: geography of the industrial world, new areas of research, neoindustrialization, cross-boarder and global value chains.

Введение. Предметное изучение географии промышленного производства на географическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова получило особо быстрое развитие с середины 20-го века, в годы восстановления и развития разрушенного войной материального базиса хозяйства страны. С тех пор география промышленности сложилась как достойная научно-образовательная школа со всеми необходимыми атрибутами: общностью объекта исследования, единой парадиг-

мой научной деятельности; способностью к продуцированию знания, выделяющего данную школу среди других сообществ; собственными технологиями создания, передачи и применения знания; наличием эффекта саморазвития, базирующегося на обмене результатами и идеями как внутри одного поколения, так и между учителями и учениками [13].

В феномене возникновения той или иной научной школы всегда особую роль играет выдающийся лидер-основоположник («вели-

кий учитель»). В школе географии промышленности Московского университета много славных имен, но особое место как «промышленникам» принадлежит И.М. Маергойзу и Н.В. Алисову, профессорам кафедры экономической географии зарубежных социалистических стран, а ныне географии мирового хозяйства, отмечающей в 2016 г. свой 25-летний юбилей. Их таланты, исследовательские заслуги и достижения получили должное освещение в фундаментальных трудах учеников и сотрудников [1; 4], но, наверное, еще важнее, что они подготовили целую плеяду последователей творческого и разномасштабного изучения столь значимой отрасли как промышленность [2; 3; 6; 10].

Любой юбилей – не только подведение итогов, но и повод заглянуть в будущее, поставить вопрос – какие обозначаются новые направления исследований, новые методы анализа?

К настоящему времени в многолетнем деиндустриализационном тренде мировой экономики явно обозначаются признаки «попятного» движения. Одним из со всей определенностью констатируемых специалистами прогнозов является «реабилитация реального сектора экономики», очевидная тенденция реиндустриализации и девальвация самого понятия постиндустриализма, «репатриация промышленных производств, создание новых рабочих мест в экономически развитых странах по обе стороны Атлантики» [5]. В этом русле вызывает особый интерес такая активно дискутируемая тема как влияние процессов реиндустриализации и неоиндустриализации, решор промышленных производств в развитых странах, их влияние на изменение пространственной структуры мировой индустрии.

В познании современной пространственной структуры мировой индустрии востребуются и новые концепции и методы анализа. Одним из наиболее плодотворных подходов становится анализ географии трансграничных и глобальных цепочек создания стоимости продукции, концепция которых окончательно складывается в последнее десятилетие.

От реиндустриализации к неоиндустриализации. Термин реиндустриализация появился в мировом обиходе относительно недавно. В узком смысле слова чаще всего реиндустриализация понимается как

совокупность мер по преодолению деиндустриализационного тренда в форме возрождения прежних производств, хозяйственных связей в рамках технологических цепочек и т.п. Но очевидно, что такие меры не могут служить основой эффективного выхода экономики на новый уровень материального базиса. Гораздо более широким понятием является «неоиндустриализация» – понятие, предлагаемое целым рядом экономистов, предметно занимающихся разработкой этой концепции (см., в частности, дискуссию на страницах журнала «Экономист», развернувшуюся в 2014–2015 гг.). Неоиндустриализация – в отличие от реиндустриализации в узком смысле слова – рассматривается как закономерный процесс совершенствования производительных сил, ведущий к технотронной эре в развитии общества. Неоиндустриализация – это переход к наукоемкому, высокотехнологичному, массово-трудозамещающему, эколого-эффективному промышленному производству, которое и обеспечивает новый, более высокий уровень материального базиса экономики. Флагином процесса неоиндустриализации специалисты называют развитие концепции «Интернета вещей» (Internet of Things – IoT) (концепция вычислительной сети физических объектов, оснащенных встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой) [12].

Темпы роста «Интернета вещей» – ошеломляющие. На сегодняшний день более 99% объектов реального мира не подсоединены к Интернету. Но по прогнозу Gartner, в 2016 г. «Интернет вещей» объединит 6,4 млрд «вещей», а в 2020 г. «Интернет вещей» будет включать уже 20,8 млрд устройств. По прогнозам одной из ведущих компаний в этой области CISCO, к 2020 г. к Интернету будут подсоединены 37 млрд интеллектуальных объектов. Следующим этапом развития данной концепции предположительно станет «Интернет всего» (Internet of Everything – IoE), который позволит подключить к всемирной сети буквально все, что только возможно себе представить. Планетарная сеть станет развиваться самостоятельно и принимать решения по разработанным программистами алгоритмам. На пути к этой картине мироустройства «отрасли будут переделаны, экосистемы переключены, новые игроки возникнут, некоторые исчезнут – предстоит огромный парадигмальный сдвиг» [19].

В этой связи совершенно очевидные вопросы встают перед географией индустриального производства: Какова *пространственная проекция* этого «парадигмального сдвига»? Как изменится соотношение сил в мировом хозяйстве, позиции стран в нем? Не перевесят ли такие очевидные риски неоиндустриализации, как усиление безработицы, экономической власти ключевых корпораций ИТ-сферы, уязвимости сетей к кибератакам и др. ее преимущества и выгоды? Дает ли неоиндустриализация шанс развитому миру восстановить свой производственный потенциал и ослабить позиции Китая и других поднимающихся экономик? Остается ли Китай на индустриальной фазе развития?

Наиболее оцутим тренд неоиндустриализации в самых развитых экономиках мира: опыт Германии. Очевидно, что именно в развитых странах, и в частности, в Германии, надо начинать поиск ответов на поставленные вопросы. С начала 2010-х гг. в Германии весьма популярной темой и в бизнес-сообществе, и в академических кругах, выступает тема реализации концепции «Индустрия 4.0». При этом объединяющей всех фундаментальной исходной позицией является видение именно промышленного сектора как основы германского экономического успеха, повышения конкурентоспособности страны в мировом масштабе. Первые рекомендации по реализации этой концепции были опубликованы в 2013 г. сформированной рабочей группой Industrie 4.0 WorkingGroup. Один из разработчиков концепции, президент Германской академии технических наук профессор Х. Кагерманн, отмечает, что это концепция перестройки производственных систем и организации труда в условиях развития новой формы автоматизации производства, и она знаменует четвертую волну промышленной революции (после 3-й «цифровой») [16].

В первых публикациях рабочей группы дается такое описание системы «Индустрия 4.0»: «В будущем бизнес-компании организуют глобальные сети, куда машины и механизмы, системы складского хозяйства и производственное оборудование будут входить в форме так называемых киберфизических систем (Cyber-Physical Systems – CPS). В производственной среде к киберфизическим системам относятся интеллектуаль-

ные станки, системы хранения информации и цеховое оборудование, которые в автономном режиме могут обмениваться информацией, запускать те или иные действия и независимо контролировать друг друга. Благодаря этому, коренным образом совершенствуются процессы во всех производственных сферах – технической подготовки, изготовления продукции, использования материалов, логистики каналов поставок и управления жизненным циклом изделий. Появляющиеся уже сейчас «умные предприятия» (Smart Factory) используют совершенно новый подход к производству. «Умные продукты» обладают уникальной идентифицируемостью, их местонахождение может быть выявлено в любое время, они «знают» свою историю, текущий статус и альтернативные маршруты к своему целевому состоянию.

Действующие в рамках предприятий и фабрик встроенные производственные системы вертикально по сети подключаются к бизнес-процессам, а горизонтально – к распределённым партнёрским сетям (valuenetworks), которые могут управляться в режиме реального времени – с момента выставления заказа и далее по всей цепочке добавления стоимости. Кроме того, по всей цепочке наращивания стоимости возможно и необходимо инженерное сопровождение этих систем» [16]. Если совсем коротко – то это **сеть**, в которой киберфизические системы взаимодействуют друг с другом через уникальные схемы адресации.

За последние несколько лет по теме «Индустрия 4.0» в Германии проведены многочисленные конференции, подготовлено огромное количество публикаций, идет своеобразное формирование общественной оценки и признания явления, которое обозначено еще только в зародыше. В целом следует исходить из того, что в промышленном производстве в целом в долгосрочной перспективе предстоят значительные изменения, последствия которых пока недостаточно ясны. С применением технологий Индустрии 4.0 менеджмент глобально распределенных производственных систем существенно меняется. Распределенные и рассогласованные части системы объединяются в виртуальной сети и синхронизируются. Это способствует прямому обмену производственными данными в реальном времени. Таким образом, могут быть, напри-

мер, быстро перенаправлены материальные потоки, чтобы компенсировать «сорвавшуюся» поставку с одного штандорта срочным подвозом с другого. Таким же образом можно построить менеджмент (управление) глобальной сети, имеющей большое количество штандортов, *подобно отдельной фабрике с ее машинами и оборудованием* [17].

Менеджеры одной из крупнейших в мире компаний по производству высокотехнологичной полупроводниковой продукции «Инфинеон» (Infineon¹, которая присоединилась к платформе «Индустрия 4.0»), отмечают, в частности, что у фирмы «изготовление полупроводникового прибора сегодня распределено по нескольким предприятиям по всему земному шару. А в будущем, возможно, удастся управлять этой глобальной сетью как *интегрированной глобальной фабрикой*. Такая горизонтальная интеграция сетей создания стоимости возможна с помощью «Индустрии 4.0». Мы почти в реальном времени передаем тестовые результаты из Сингапура (backend) на производство в Дрездене (frontend), где обрабатывается информация и отсылается на производство в Сингапуре» [18].

Объединение в «умных сетях» в принципе не меняет основных функций оборудования предприятий, их систем подачи и перемещения материалов, складирования и т.п. Прибавочная стоимость образуется за счет *дополнительно* возникающих у предприятия – в ходе применения Индустрия 4.0-технологий – функций. Эта «прибавка» образуется, с одной стороны, за счет получения в реальном времени информации о статусе машин, и с другой, – за счет прямой коммуникации (прямого взаимодействия) между человеком, машиной, объектами и ИКТ-системами.

В производственных и логистических системах предприятий это дает снижение временных и складских затрат, повышение коэффициентов загрузки. Одна из ключевых тем «Индустрии 4.0» – «дооборудовать» существующие предприятия; лишь немногие будут строить новые (с нуля) фабрики – Индустрия 4.0.

С «Индустрией 4.0» связаны большие ожидания. Безусловно, с применением этой технологии такие типовые признаки немецких производственных систем, как гиб-

кость, качество и стабильность, могут быть подняты на еще более высокий уровень. Институтом Фраунхофера проведены на примере 6 отраслей экономики расчеты возможного экономического прироста за счет применения технологии «Индустрия 4.0» [18]. В сумме за счет введения этой технологии до 2025 г. ожидается кумулятивный рост производства в 23% (78,77 млрд евро) со среднегодовым ростом в 1,7%. Наиболее высокие среднегодовые темпы (2,21%) прогнозируются в химической и машиностроительной отраслях (табл.). Проведенное исследование не оценивает результативность «Индустрии 4.0» для *всего* совокупного производства Германии. Для примерной его оценки предложено принять индуцированный эффект за половину от расчетных по 6 отраслям показателей. Тогда к 2025 г. потенциал «Индустрии 4.0» составит в брутто-стоимости продукции Германии 267,45 млрд евро.

Безусловно, сам характер системы «Индустрия 4.0», ломающий, «взрывающий» традиционные структуры, усложняет ее диффузию, наталкивается на сложно преодолимые технические, экономические и социальные барьеры. В частности, «Индустрия 4.0» с ее технологическими принципами децентрализованной автоматизированной самоорганизации вступает в коллизию с господствующими ныне концепциями организации производства на принципах стандартизации и «тощего производства» (Leanfertigung), дающими долгосрочный эффект повышения эффективности. К тому же существуют опасения по поводу безопасности данных.

Как отмечено выше, в очень редких случаях «умная фабрика» создается «с нуля» (auf „grüner Wiese“). Гораздо чаще большинство новых автономных систем интегрируются в действующие технико-организационные структуры. Как подчеркивают эксперты, в обозримом будущем в Германии вряд ли стоит ожидать появления фабрики 4.0, построенной полностью на принципах самоорганизации. Как отметила одна из аналитиков, «вероятно, легче с нуля построить фабрику 4.0 в Индонезии, чем в высокоиндустриализованном Штутгартском регионе» [18].

¹ Infineon раньше была подразделением компании «Сименс» (SiemensSemiconductorGroup), но в 2001 г. – выделилась в самостоятельную полупроводниковую компанию, хотя тесные связи с материнской компанией остаются. К настоящему времени «Инфинеон» имеет более 35 тыс. занятых, разбросанных по всем регионам мира, в том числе в АТР – 17,2 тыс. чел.

Прогноз прироста производства за счет внедрения технологий «Индустрии 4.0» по 6 отраслям, 2013–2025 гг.

Отрасли	Объем прироста производства (брутто-стоимость), млрд евро		Среднегодовые темпы роста в 2013–2025 гг., %
	2013 г.	2015 г.	
Химическая промышленность	40,08	52,10	2,21
Автомобилестроение (включая производство комплектующих)	74,00	88,8	1,53
Машиностроение и производство оборудования	76,79	99,83	2,21
Электрооборудование	40,27	52,35	2,21
Сельское и лесное хозяйство	18,55	21,33	1,17
Информационная и техника связи	93,65	107,7	1,17
Всего по 6 отраслям	343,34	422,11	1,74

Источник: [18].

Очевидно, что в среднесрочной перспективе в промышленном секторе Германии будет складываться дифференцированный ландшафт «островков» применения системы «Индустрия 4.0». Основным географически важным постулатом должно стать предположение, что одним из результатов имплементации этой системы станет изменение штандортных условий для развития производственной деятельности в стране в целом. Соответственно этому кардинальные изменения будут претерпевать нынешние стратегии аутсорсинга и выноса производства за территорию страны, уровень промышленной занятости, конкурентоспособность индустриального сектора Германии в целом.

О концепции глобальных цепочек создания добавленной стоимости. В экономической географии давно известно, что территориальный разрыв технологических цепочек в производстве продуктов (особенно в производстве продуктов так называемых «дискретных» отраслей, к которым в первую очередь относится весь огромный машиностроительный комплекс) возможен и что размещение отдельных звеньев цепочек по разным территориям экономически эффективно в соответствии со специфическими сравнительными преимуществами последних. Снижение транспортных издержек, информационная революция и более открытая экономическая политика упростили территориальное разнесение стадий производства не только внутри стран, но и между ними, открыв принципиально новые рубежи для организованной транснациональной деятельности. Корпора-

ции дробят процесс производства на этапы и переносят их в разные страны по всему земному шару, создавая международные производственные цепочки. Страны ищут свои способы, пути и ниши встраивания в трансграничные цепочки добавленной стоимости, что меняет их позиции в международном разделении труда, приводя к изменению геоэкономической картины мира.

Многие базовые экономические идеи XX в. претерпели ряд эволюционных изменений и в конечном итоге привели к созданию концепции трансграничных цепочек добавленной стоимости (ТЦДС). Несмотря на то, что статистические данные по данной тематике собирались в рамках различных проектов ВТО еще с 90-х годов XX в., в теоретическом виде данная концепция начала разрабатываться лишь на исходе первого десятилетия XXI в. Практические же выводы в виде рекомендаций ВТО по регулированию внешнеэкономической деятельности появились совсем недавно. ТЦДС может быть представлена как последовательность всех функциональных мероприятий, участвующих в процессе создания стоимости конечного продукта и включающих более, чем одну страну [11]. Связывая географически разделенную деятельность в одной отрасли либо в кластере отраслей, ТЦДС позволяют не только определить важнейших акторов, контролирующих и управляющих деятельностью в сетевых структурах, но и верно показать роль и значение каждой из стран в создании конечного продукта.

ТЦДС практически полностью координируются ТНК, а международная торговля полу-

фабрикатами и готовой продукцией ведется в сетях их филиалов, подрядчиков и независимых поставщиков. Показатели деятельности ТНК достигли колоссальных значений: экспорт зарубежных филиалов ТНК по итогам 2014 г. превысил 7,8 трлн долл., а общий объем продаж зарубежных филиалов ТНК сопоставим с половиной мирового ВВП [22].

ТЦДС, где ведущие ТНК *контролируют и координируют весь производственный процесс*, характерны преимущественно для средне- и высокотехнологичных отраслей: таких, как электронная, автомобильная, авиационная, фармацевтическая промышленность и тяжелое машиностроение, отличающихся использованием новейших технологий и значительными объемами затрат на НИОКР. Данные отрасли, как правило, предполагают длинные и сложные цепочки, поскольку детали и компоненты могут быть легко произведены по отдельности, транспортированы на большие расстояния, а сборка конечной продукции может быть вынесена на территории развивающихся рынков. Решения ТНК о том, куда инвестировать и с кем поддерживать партнерство, основываются на факторах размещения, зависящих от сегмента, задачи или деятельности ТНК. Для многих сегментов существует относительно *немного* решающих факторов размещения, которые служат предварительными условиями доступа стран к участию в ТЦДС.

Важно отметить, что факторы, определяющие размещение отдельных сегментов цепочек и, в частности, такой важнейший из факторов, как издержки производства – весьма изменчивая категория. Изменение этого фактора сильно влияет на пространственную стратегию ТНК и меняет положение стран в мировом хозяйстве. Так, например, еще в середине 2000-х годов в Мексике трудовые издержки были в два раза выше, чем в КНР, чем, в частности, и были обусловлены массовые американские инвестиции на территории Китая. Но с тех пор заработная плата в КНР выросла в пять раз, а в Мексике – только на 67%. В результате, несмотря на опережающий рост производительности труда в КНР, скорректированные трудовые издержки в Мексике по итогам 2014 г. были на 13% ниже, чем в КНР [14]. Иностранные и, в частности, американские инвестиции в мексиканские предприятия

снова стали расти – даже в тех отраслях, где КНР продолжает доминировать.

В начале XXI в. для развитых стран было характерно преимущественное развитие непроизводственных элементов цепочки, сопровождающееся сокращением традиционного промышленного производства. В производстве низкооплачиваемой трудоемкой продукции принципиальные выгоды реализуются не столько в самом производстве, сколько в корпоративном управлении и контроле «всей глобальной сборочной линии», особенно в дизайне, маркетинге и розничной торговле – видах деятельности, которые обычно контролируются ТНК в материнских странах [15]. Полюсами роста в странах-лидерах мирового хозяйства выступают уже не промышленные центры, а центры НИОКР: «силиконовые» долины, университеты, научные кластеры и др. Сегодня правомерно говорить не только о классических «сырьевых», но и о «промышленных» приатках развитых стран. Среди их примеров можно привести компании развивающихся стран, практикующие модель фаундри в электронной промышленности или мексиканские зоны макиладорас, уже в конце XX в. застроенные вдоль американо-мексиканской границы сотнями производственных площадок, ориентированных на американского потребителя.

Важность исследований с позиций ТЦДС подчеркивается тем, что существует положительная взаимосвязь между участием стран в ТЦДС и уровнем роста их ВВП на душу населения. Экономике с быстро растущим участием в ТЦДС растут примерно на два процентных пункта выше среднего. Также существует прямая корреляция между уровнем участия в ТЦДС и накопленными прямыми иностранными инвестициями [8]. Помимо этого, участие в ТЦДС ведет к созданию новых рабочих мест в развивающихся странах и к росту занятости в целом. Сегодня «то, что вы делаете» (та деятельность, которую ведет компания или страна) имеет большее значение для экономического роста и занятости, чем «то, что вы продаете» (конечный продукт). Также важно отметить, что не только участие, но и неучастие в ТЦДС может повлиять на процессы развития – подъем новых конкурентов может лишить страну как текущих, так и потенциально достижимых позиций на мировом рынке.

Участие в ТЦДС, как и ориентированная на ТЦДС политика, способны дать мощный импульс не только количественному, но и качественному росту производства как развивающихся, так и развитых рынков. Формирование и реализация продуманной геоэкономической стратегии участия в ТЦДС в особенности необходимы развивающимся рынкам, зачастую расположенным на нижних звеньях производственной цепочки. Тем не менее, подобная стратегия должна быть направлена на восходящее движение в ЦДС с учётом особенностей производства определённого продукта, в рамках которого большая часть стоимости может создаваться на этапах НИОКР и сбыта.

В начале 2000-х годов появляется термин «глобальные цепочки добавленной стоимости» (ГЦДС), поскольку все возрастающий процесс их дробления захватывает все большее число стран [7]. На базе традиционной статистики анализ хитросплетений движения добавленной стоимости в глобальном масштабе до появления конечного продукта оказывается невозможным. ТЦДС создают значительный элемент повторного счёта в международной торговле, поскольку промежуточные товары в мировом экспорте учитываются несколько раз, хотя должны считаться лишь один раз (по добавленной стоимости). Так, согласно статистике, по итогам 2011 г., около трети валового экспорта составляла добавленная стоимость, которая импортировалась странами и включалась в товары или услуги, которые затем снова экспортировались. Этот факт приводит к так называемому двойному счёту мирового валового экспорта. В целом надо отметить, что у развитых рынков доля «двойного счёта» в экспорте на 31% выше среднемирового уровня, поскольку их экспорт более зависим от импортируемых товаров [20]. В результате традиционная статистика международной торговли становится всё менее надёжным показателем стоимости, вносимой каждой страной, и не даёт качественного представления о месте страны в мировом хозяйстве.

В целях анализа ГЦДС в современной статистике с первого десятилетия 21 в. ОЭСР и ВТО запустили совместную программу исследований «Made in the World Initiative» («Сделано в мире»), основной идеей которой

стало создание методики исследований и сбора данных о международной торговле по принципу добавленной стоимости. Результатом ее реализации стала база данных по 34 странам ОЭСР, 23 прочим странам и некоторым макрорегионам, содержащая 39 показателей по двусторонней и совокупной торговле по принципу ТЦДС и охватывающая 95% мирового производства [21]. Модель межстрановых межотраслевых балансов (ICIO) позволяет детально анализировать ТЦДС и торговлю между различными отраслями и странами. На базе новой методики появились балансовые модели, позволившие анализировать транзакции между различными отраслями и странами в терминах показателей добавленной стоимости. С её помощью был выявлен ряд серьёзных проблем, связанных со статистическим учётом объёмов мировой торговли: страны-экспортёры конечных товаров и услуг наделяются всей коммерческой стоимостью, а роль стран-экспортёров промежуточных товаров и услуг остаётся недооценённой, вследствие чего происходит «раздувание» объёма мирового экспорта без непосредственного участия стран в ТЦДС.

С позиций концепции ТЦДС (ГЦДС) перед географией промышленности открываются новые возможности поиска более адекватного действительности ответа на вопрос кто, что, для кого и где производит. Важно отметить, что измерение по добавленной стоимости предлагается не как полная ломка прежних накопленных методик, не как их замена, а как дополнение к обычной торговой статистике. География мировой индустрии традиционно пользуется анализом динамики промышленного развития разных стран и сопутствующим этой динамике модификациям пространственной структуры, понимаемой как соотношение долей разных стран. Хотя в географии усиленно прокладывает себе дорогу представление, что пространственное строение мировой индустрии отнюдь не тождественно ее страновой структуре. Пространственное строение мировой индустрии морфологически улавливается как очень сложная сеть взаимоперекрывающихся, взаимопереплетающихся и взаимодействующих цепочек создания стоимости продуктов. В этой глобальной мегасети отчетливы узлы переплетений. Выявление и изучение этих узлов – одна из

важнейших, хотя и отчасти пока футуристических задач в географии мирового промышленного развития.

Заключение. Усложнение, турбулентность социально-экономического развития современного мира, огромная скорость развития процессов неоиндустриализации предопределяют становление новой парадигмы промышленного и в целом экономического развития мира. В рамках новой парадигмы коренным образом меняется место развитых стран в мировой промышленной системе, в макроэкономической перспективе иногда формулируется тезис, что за счет неоинду-

стриализационного развития экономически развитые общества стоят на пороге «прорывного экономического роста». Соответственно стремительны и видоизменения в хозяйственном взаимодействии стран. Одним из наиболее эффективных современных геоэкономических методов, позволяющих раскрыть сущность межстранового взаимодействия на современном этапе, является концепция транснациональных цепочек добавленной стоимости. Установление пространственных закономерностей развития в рамках новой парадигмы является актуальнейшей задачей для географии мирового хозяйства, географии промышленного производства.

Библиографический список

1. Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. М.: Новый Хронограф, 2012. 896 с.
2. География мирового хозяйства: учебник для студентов высших учебных заведений / Ред. проф. Н.С. Мироненко. М.: Трэвэл Медиа Интернэшнл, 2012. 352 с.
3. Гитер Б.А., Гречко Е.А., Колосов В.А., Мироненко К.В., Пилька М.Э., Самбунова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Основные направления исследований по географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 6. С. 3–11.
4. Глобальная социально-экономическая география. Сб. науч. тр. памяти Н.В. Алисова / Под ред. Н.А. Слуки. М.-Смоленск: Ойкумена, 2011. 272 с.
5. Гринберг Р.С. Поиски новых экономических моделей как ответ на вызовы 21 века / География мирового развития. Вып. 3: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.М. Синцера. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 490 с.
6. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбунова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 1. С. 3–15.
7. Кондратьев В.Б. Глобальные цепочки добавленной стоимости в современной экономике. М.: Центр исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, 2014.
8. Последствия глобальных цепочек создания стоимости для торговли, инвестиций, развития и занятости // Докл. ОЭСР, ВТО, ЮНКТАД. 2013.
9. Родионова И.А., Слука Н.А. Глобальные тренды развития мировой промышленности // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания / Под ред. А.А. Лобжанидзе. Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Первые Максаковские чтения». Т. 1. М.: МПГУ, 2016. С. 33–39.
10. Самбунова Е.Н., Слука Н.А., Ткаченко Т.Х., Фомичев П.Ю. Приоритетные направления исследования пространственной организации мирового хозяйства // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания / Под ред. А.А. Лобжанидзе. Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Первые Максаковские чтения». Т. 1. М.: МПГУ, 2016. С. 12–17.
11. Ткаченко Т.Х., Сафонов С.А. Глобальные цепочки добавленной стоимости в автомобилестроении: шанс для развивающихся стран // Глобалистика и геоэкономическая стратегия: мир и Россия. РУДН. М.: ИД «АС-Траст», 2013. С. 235–240.
12. Толкачев С. Две модели неоиндустриализации // Экономист, 2015. № 11. С. 13–23.
13. Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г., Казанкин Р.В., Дмитриева М.Б. Научная школа как структурная единица научной деятельности. М.: ЦЭМИ РАН, 2011. 73 с.
14. BCG Focus. Chicago, USA. 2015.
15. Gereffi G., Fernandez-Stark K. Global Value Chain Analysis: A Primer. Duke University, North Carolina, USA, 2011.
16. Hermann M., Pentek T., Otto B. Design Principles for Industrie 4.0 Scenarios / Technische Universitaet Dortmund, Working Paper. 2015. № 01.
17. Hirsch-Kreisen H. Wandel von Produktionsarbeit – “Industrie 4.0” / Technische Universitaet Dortmund, Soziologisches Arbeitspapier. 2014. № 38.
18. Industrie 4.0 – Volkswirtschaftliches Potenzial fuer Deutschland. Studie / BITKOM, Fraunhofer-Institut fuer Arbeitswirtschaft und Organisation (IAO), 2014.
19. La Well M. The Future of Manufacturing Technology with Microsoft // Industry Week. 2015. June 23.
20. Miroudot S., Backer K. Mapping global value chains. OECD Trade Policy Papers. 2013. №159.
21. Trade in Value-Added Database. WTO-OECD. 2015.
22. World Investment Report. UNCTAD. 2015.

Федорченко А.В. (Москва)

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ НЕКОТОРЫХ ОТРАСЛЕЙ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Fedorchenko A.V.

THE IMPACTS OF GLOBALIZATION AND REGIONALIZATION ON TERRITORIAL ORGANIZATION OF SOME BRANCHES OF MANUFACTURING

Аннотация. В статье рассматриваются особенности территориальной организации автомобильной, электронной и швейной промышленности на современном этапе развития мирового хозяйства в контексте процессов глобализации и регионализации. Хотя две из рассматриваемых отраслей входят в состав машиностроительного комплекса, а третья относится к легкой промышленности, их территориальная и организационная структуры имеют ряд общих черт, что в значительной степени связано с появлением глобальных стандартов, формируемых ТНК в условиях открытости национальных экономик. В статье обосновывается тезис о том, что процессы глобализации и регионализации неразрывно связаны друг с другом. В качестве одного из аргументов проводится сопоставление динамики уровня межрегиональных торговых взаимодействий и концентрации производства на региональном уровне в рассматриваемых отраслях.

Abstract. In the article territorial organization of automotive, electronics and apparel industries is analyzed in the context of globalization and regionalization processes. It is stressed that territorial and organizational structures of the three industries have many similarities, largely due to the effects of global standardization brought by TNCs under conditions of openness of national economies. It is also emphasized that globalization and regionalization processes depend heavily on each other. To demonstrate this mutual dependence several indicators are analyzed within each of the three industries: the shares of intra- and interregional merchandise trade and the extent of regional concentration of production.

Ключевые слова: глобализация, регионализация, территориальная организация производства, цепочки добавленной стоимости, межрегиональная торговля, автомобильная промышленность, электронная промышленность, швейная промышленность.

Keywords: globalization, regionalization, territorial organization of production, value-added chains, interregional trade, automotive industry, electronics industry, apparel industry.

Постановка проблемы. В последние годы появляется немало публикаций, посвященных соотношению в мировом хозяйстве процессов глобализации и регионализации, причем нередко эти процессы противопоставляются [13]. Подобное противопоставление – скорее следствие упрощенного понимания этих двух процессов. В рамках такого упрощенного подхода регионализация понимается как процесс, идущий главным образом «сверху», то есть через механизмы преференциальных торговых соглашений в различных их формах [9, с. 26], а глобализация – как процесс, развивающийся преимущественно естественным путем «снизу» – с ТНК в качестве главных его проводников при содействии международных экономических организаций (МВФ, ВТО и др.), которые способствуют либерализации международного перемещения товаров, услуг и капиталов. Подобное понимание не

совсем верно. Мы постараемся на примере нескольких отраслей промышленности обосновать тезис о том, что процесс регионализации тоже в значительной степени «подталкивается» снизу, так как ряд отраслей в силу своих технико-экономических особенностей тяготеет к концентрации на региональном уровне. Неоспорим тот факт, что тенденция к региональной концентрации производства усиливается благодаря преференциальным торговым соглашениям, однако либерализация мирохозяйственных связей в глобальном масштабе тоже может ее усиливать, и мы покажем это на примере мировой швейной промышленности.

Таким образом, более правильным выглядит представление о процессах глобализации и регионализации как о двух сторонах одной медали. Данный тезис можно сформулировать и в более развернутом виде: регионализация, или процесс организации

производств и рынков в пределах определенного региона, представляет собой проявление процесса глобализации на региональном уровне, а потому эти два процесса имеют много общих черт: увеличение потоков прямых зарубежных инвестиций, создание трансграничных цепочек добавленной стоимости, рост числа слияний и поглощений компаний и пр. Просто на региональном уровне в силу географической близости, культурно-исторической общности и прочих факторов названные процессы зачастую идут более интенсивно. Кроме того, на региональном уровне вследствие местных особенностей глобализация нередко приобретает некоторые специфические черты: отнюдь не случайно даже появился термин «глокализация» [7, с. 72].

Обзор ранее выполненных исследований по теме. Количество исследований, посвященных проблеме воздействия процессов глобализации и регионализации на территориальную организацию производительных сил, столь велико, что их обзору можно было бы посвятить отдельную публикацию. Поэтому мы ограничимся упоминанием лишь тех, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес в контексте заявленной темы.

В нашей стране в авангарде подобных исследований находится лаборатория географии мирового развития Института географии РАН: под ее эгидой за последние годы вышло в свет несколько сборников, на страницах которых были представлены результаты научных изысканий видных отечественных экономико-географов и экономистов: Л.М. Синцерова, Ю.В. Шишкова, Е.С. Хесина, Р.С. Гринберга и др. [6; 9; 10]. За рубежом наибольшей известностью пользуются труды британского экономико-географа Питера Дикена, особенно их «отраслевые» разделы [11; 12]. Представленная статья отражает также основные подходы и результаты научных исследований кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова за последние пятнадцать лет [1; 2; 3; 4; 5; 8]. Здесь они дополнены еще одним довольно простым, но вместе тем эффективным методом, позволяющим оценить величину региональной составляющей в развитии рассматриваемых отраслей.

Материалы и методика исследования.

Предлагаемая методика основана как на использовании ранее полученных результатов [4; 5], так и на новых расчетах уровней региональной концентрации производства, сделанных по статическим данным Международной Ассоциации производителей автомобилей OICA, Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO), Организации экономического сотрудничества и развития и Всемирной торговой организации.

Методика предусматривает сопоставление динамики доли межрегиональной торговли готовой продукцией отрасли и степени территориальной концентрации ее производства на региональном уровне. Для расчета последней мы используем индекс Херфиндаля-Хиршмана, который имеет следующий вид:

$$HHI = d_1^2 + d_2^2 + \dots + d_n^2,$$

где d – доля региона в мировом производстве; степень территориальной концентрации производства тем выше, чем ближе значение индекса к 10000, и наоборот – чем ближе значение индекса к нулю, тем ниже территориальная концентрация. Таким образом, используемый нами индекс представляет собой сумму квадратов долей регионов в мировом производстве продукции отрасли за определенный год.

Для анализа были выбраны три отрасли промышленности, которые, как считается, в наибольшей степени затронуты процессом глобализации: автомобильная, электронная и швейная. Доля иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте готовой продукции указанных отраслей превышает 30%, а для электронной промышленности – так и вовсе приближается к 40% [14]. В самом общем виде международное разделение труда в рассматриваемых отраслях выглядит следующим образом: функции НИОКР, маркетинга и производства с высокой добавленной стоимостью (мелкосерийное производство модной одежды, медицинского, научного и промышленного оборудования, оборонной продукции, мощных компьютеров, высокого класса средств связи) сосредоточены преимущественно в Северной Америке, Европе и Японии, а производство массовой продукции и многих комплектующих компонентов размещается главным образом в развивающихся странах. Однако

процессы глобализации и регионализации существенно усложняют такую картину.

Несмотря на то, что две из рассматриваемых нами отраслей являются частью машиностроительного комплекса, а другая относится к легкой промышленности, у них есть ряд общих организационных черт: высокая степень единичного разделения труда на основе аутсорсинга, наличие компаний, специализирующихся на определенных звеньях цепочек добавленной стоимости, практика заключения стратегических альянсов в определенных областях между компаниями-конкурентами, широкое использование «эмблемного инжиниринга».

В отраслях машиностроительного комплекса готовые изделия в большинстве случаев сложны, состоят из сотен и даже тысяч – как в случае с автомобилями – комплектующих компонентов. Поэтому процесс развития кооперационных связей на основе аутсорсинга начался в автомобилестроении довольно давно, с начала 1970-х годов, когда компания Toyota впервые использовала систему «канбан» – прообраз современной системы «точно в срок» [8]. Однако даже в швейной промышленности, где конечные изделия гораздо менее сложны, подобные кооперационные схемы со временем тоже стали нормой.

Контрактное производство готовой продукции или комплектующих компонентов может осуществляться двумя видами фирм-субподрядчиков: либо многопрофильными (часто – вертикально-интегрированными) компаниями, имеющими свободные, незагруженные производственные мощности в определенных звеньях цепочки добавленной стоимости, либо же специализированными компаниями. Так, в отрасли полупроводников и интегральных схем услуги контрактного производства предоставляют многопрофильные Samsung и IBM, а также фирмы, специализирующиеся исключительно на выпуске данного вида продукции: Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC), GlobalFoundries и др.; в автомобилестроении крупнейшими специализированными производителями компонентов стали немецкая компания Robert Bosch и канадская Magna. Электронная промышленность и автомобилестроение являются отраслями с очень большим вкладом контрактного производства в стоимость конечного изделия – 80% и 65% соответственно [17, с. 134].

В последние десятилетия в рассматриваемых отраслях весьма распространенной практикой стал полный производственный аутсорсинг, принимающий формы OEM- и ODM-соглашений. Модель OEM (от англ. – original equipment manufacturing) предусматривает выпуск субподрядчиком на своих производственных мощностях продукта, который разработан компанией-заказчиком и будет продаваться под ее торговой маркой. Модель ODM (от англ. – original design manufacturing) вообще не предусматривает участия компании-заказчика в разработке товара, продаваемого под ее «лейблом»: готовая разработка покупается у субподрядчика, и он же производит ее на своих предприятиях.

Хотя соглашения OEM и ODM получили наибольшее распространение в электронной и швейной отраслях (их, в частности, широко используют компании Dell, HP, Nike и др.), можно найти аналогичные примеры и в мировом автомобилестроении. Так, компания Mitsubishi долгое время производила на своих заводах три автомобиля: свою собственную модель Outlander, а также Peugeot 4007 и Citroen C-crossover. Все три модели производились из одних и тех же комплектующих компонентов, а различия касались лишь элементов оформления салона и некоторых деталей кузова. Стратегия вывода на рынок под разными торговыми марками однотипных товаров с минимальными, чисто косметическими, различиями получила название «эмблемный инжиниринг», или «конструирование ярлыков» (от англ. - badge engineering, rebadging). Сотни тысяч единиц всевозможной компьютерной техники и периферийных устройств, средств связи и др. под марками различных фирм производится на одних и тех же заводах, а на выходе с конвейера к ним лишь «приклеивают» нужный ярлык. То же самое происходит и в швейной отрасли [11, р. 455]. Наличие региональных преференциальных торговых соглашений порой придает этому процессу весьма причудливые формы. Так, в чешском городе Пардубице тайваньская компания Foxconn для беспешинного проникновения на рынок Европейского союза построила завод, который ежегодно производит десятки тысяч ноутбуков под маркой «Hewlett-Packard».

Вышеназванные тенденции оказали существенное воздействие на территориаль-

ную организацию рассматриваемых отраслей. Стандартизация продукции и возможности, открываемые «эмблемным инжинирингом», позволили ограниченному кругу поставщиков снабжать продукцией многих заказчиков. Так, если раньше продукцию в рамках соглашений ODM/OEM по заказам компаний Kate Spade & Company, (бывшая Liz Claiborne), Wal-Mart и др. под их брендами производили фирмы из более чем 50 стран, то теперь число стран-поставщиков снизилось до 10–15 [11, р. 467]. Примечательно, что подобная территориальная реорганизация отрасли произошла сразу после отмены в 2005–2008 гг. существовавшей несколько десятилетий системы импортных квот, известной как MFA (от англ. – Multi-Fibre Arrangement). Другими словами, либерализация торговли в отрасли (а либерализация мирохозяйственных связей традиционно считается проявлением глобализации) немедленно привела к возрастанию концентрации производства на страновом и региональном уровнях, что мы и покажем ниже.

Здесь следует отметить, что внутри рассматриваемых отраслей нет общей модели территориальной организации цепочек добавленной стоимости фирмами: сильно варьируется степень вертикальной интеграции, доля международных операций и пр. В электронной и швейной отраслях есть как компании с высокой степенью вертикальной интеграции (Samsung, Intel, Zara), так и фирмы, почти не имеющие собственных производственных мощностей (Dell, Hewlett-Packard, Nike). Степень вертикальной интеграции и географическая конфигурация цепочек добавленной стоимости во многом зависят от корпоративных традиций и специализации фирмы. Швейные фирмы, специализирующиеся на пошиве массовой одежды, например Nike, используют поставщиков из стран с дешевой рабочей силой. Другую модель используют компании, занимающиеся мелкосерийным производством, ориентированным на целевые группы покупателей, в том числе на основе индивидуальных заказов (Zara, Hennes & Mauritz). Для последних решающее значение имеют другие факторы: наличие поставщиков и квалифицированной рабочей силы, хорошо отлаженная логистика, развитая инфраструктура. Все это в совокупности позволяет минимизировать время между началом разработки товара и

его поступлением в магазин. Так, без малого две трети цепочек добавленной стоимости фирмы Zara расположены в Европе и близлежащих странах, главным образом в самой Испании и соседней Португалии.

Несмотря на различия от отрасли к отрасли и от компании к компании, тенденция к концентрации производства прослеживается во всех рассматриваемых отраслях. Как зарубежные, так и отечественные экономисты и экономико-географы предлагают различные способы измерения соотношения глобализационной и регионализационной тенденций в развитии отраслей. Сложностей порой добавляет то обстоятельство, что у ученых нет единого взгляда даже на вопрос периодизации: одни считают глобализацию порождением пятого технологического уклада [10], другие же выделяют «эпоху ранней глобализации», относя ее к XIX веку [6]. Как бы там ни было, очень часто используются следующие показатели: либо «доля иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте отрасли», либо «соотношение долей межрегиональной и внутрирегиональной торговли в ее внешнеторговом обороте». При всей важности этих параметров следует помнить о том, что они не дают исчерпывающего представления о соотношении процессов глобализации и регионализации в рамках отрасли и что для углубленного анализа требуется привлекать дополнительные индикаторы. Представим себе гипотетическую ситуацию, когда некая страна превратилась в мировой «сборочный цех» для определенной отрасли. В этом случае доля межрегиональной торговли будет весьма и весьма велика, но не менее высоким будет и уровень концентрации производственных мощностей на региональном уровне. Подобная картина наблюдается, в частности, в производстве компьютерной техники и периферийных устройств, где КНР и о. Тайвань стали тем самым «сборочным цехом». Далее с помощью вышеописанной методики мы покажем, что во всех трех выбранных для анализа отраслях рост доли межрегиональной торговли продукцией отрасли сопровождался увеличением степени концентрации производства на региональном уровне.

За период 2000–2011 гг. доля межрегиональной торговли готовыми автомобилями выросла с 36 до 47%, изделиями бытовой и

Таблица 1

Региональная структура мирового производства автомобилей в 2000 и 2014 гг.

Регионы	Доля в мировом производстве автомобилей, %	
	2000 г.	2014 г.
Зарубежная Европа	32,11	18,92
Северная Америка	29,93	19,33
Восточная и Юго-Восточная Азия	28,23	46,79
Центральная и Южная Америка	3,41	4,17
Южная и Юго-Западная Азия	2,56	6,77
Страны бывшего СССР	2,14	2,39
Африка	0,7	0,66
Австралия и Океания	0,59	0,2
Прочие	0,33	0,77
Мир	100,0	100,0

Составлено автором по: [15].

Таблица 2

Региональная структура мирового производства одежды в 2000 и 2011 гг.

Регионы	Доля в мировом производстве одежды, %	
	2000 г.	2011 г.
Зарубежная Европа	27,8	18,7
Северная Америка	23,9	2,8
Восточная и Юго-Восточная Азия	33,4	55,5
Центральная и Южная Америка	3,9	6,2
Южная и Юго-Западная Азия	6,9	13,7
Страны бывшего СССР	0,4	0,9
Африка	2,8	1,7
Австралия и Океания	0,9	0,5
Мир	100,0	100,0

Рассчитано автором по: [16].

Таблица 3

Региональная структура мирового производства электроники в 2000 и 2011 гг.

Регионы	Доля в мировом производстве электроники, %	
	2000 г.	2011 г.
Восточная Азия	30,0	48,0
Юго-Восточная Азия	7,0	12,0
Северная Америка	31,0	21,0
Западная Европа	18,0	12,0
Центрально-Восточная Европа	2,0	3,0
Прочие регионы	12,0	4,0
Мир	100,0	100,0

Составлено автором по: [16].

офисной электроники – с 45 до 50%, а готовой одеждой – с 51 до 58% [4, с.123, 130, 135].

Значения индекса Херфиндаля-Хиршмана, рассчитанные на основе данных табл. 1-3 для начального и конечного годов периода, составили, соответственно, 2747 и 2991 в автомобильной промышленности, 2382 и 3058 – в электронной, 2531 и 3668 – в швейной. Сравнивая динамику показателя с динамикой соотношения долей внутри- и межрегиональной торговли в соответствующих

отраслях за сопоставимый период времени, мы находим подтверждение гипотезы о том, что увеличение доли межрегиональной торговли во всех трех отраслях сопровождается увеличением степени концентрации производства на региональном уровне. Подобная картина является результирующей ряда факторов, среди которых наиболее значимы следующие: наличие преференциальных торговых соглашений, стоимость и квалификация рабочей силы, специфические требования

потребителей на региональных рынках, транспортные издержки, технико-экономические особенности конкретной отрасли. Проиллюстрируем это на примере мирового автомобилестроения.

Данная отрасль в силу некоторых своих технико-экономических особенностей тяготеет к концентрации на региональном уровне. К числу таких особенностей следует отнести тесное сотрудничество в области НИОКР головных предприятий с основными субподрядчиками, необходимость поставки ключевых узлов на сборочный конвейер по системе «точно в срок», а также низкую удельную стоимость продукции по отношению к ее весу, что делает экономически нецелесообразными перевозки на большие расстояния. Значение данного показателя для мирового автомобилестроения составляет 16 долл. за 1 кг (аналогичный показатель для мобильных телефонов равен 391 долл., для микросхем – 40 тыс. долл.). Как следствие, средняя дальность перевозок в отрасли составляет всего 2700 км, в то время как средний показатель для всех отраслей материального производства равен 4700 км [4, с. 127].

Интенсификация процесса региональной экономической интеграции на рубеже веков еще более усилила вышеназванную тенденцию. Так, подписание в 1994 г. Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) предусматривало беспопышное пересечение готовыми автомобилями таможенных границ при условии, что не менее 62,5% конечной стоимости автомобиля создается внутри торгового блока [12, p.157]. Данное обстоятельство в сочетании с низкой стоимостью рабочей силы немедленно превратило Мексику в весьма привлекательный плацдарм для проникновения на главный на тот момент рынок сбыта в мире. Американские, европейские и японские компании стали либо расширять уже существовавшие в Мексике производственные мощности, либо строить заводы с нуля. Проникновение в страну японских и европейских фирм, а также перевод туда части американских автомобильных производств привели к существенным территориальным сдвигам на региональном уровне.

На автомобильном рынке Юго-Восточной Азии роль, во многом схожую с ролью Мексики на рынке НАФТА, играет Таиланд,

более половины производства которого идет на экспорт, прежде всего в другие страны АСЕАН. В данном случае важнейшее значение имели целенаправленные действия правительства (главным образом в сфере привлечения иностранных инвестиций) по превращению Таиланда в «автосборочную столицу» региона. Однако политическая напряженность в стране сыграла на руку Индонезии, где некоторые иностранные компании, чтобы застраховать себя от возможных рисков, стали резко наращивать инвестиции и объемы производства.

Несмотря на заключение в 1992 г. соглашения о свободной торговле внутри АСЕАН, страны региона сохраняют значительную степень свободы в сфере защиты собственного рынка. Наибольшей степенью «закрытости» отличается Малайзия, что подтолкнуло некоторых производителей, прежде всего японских, к созданию на ее территории сборочных производств. Фактор доступа на огромный рынок сбыта сыграл решающую роль и в превращении Китая в крупнейшего в мире производителя автомобилей – роль ничуть не меньшую, чем дешевизна местной рабочей силы.

Другим важным фактором, заставляющим крупнейшие компании создавать региональные производственные цепочки в Восточной и Юго-Восточной Азии, является необходимость адаптировать продукцию к специфическим запросам потребителей и выводить на региональный рынок модели, разработанные специально для него [11, 2015, p. 505]. Зачастую это требует открытия в дополнение к производственным мощностям еще и центров НИОКР.

В Европейском союзе воздействие рассматриваемых нами факторов на территориальную организацию производства прослеживается еще более четко – во многом благодаря тому, что данное региональное объединение представляет собой экономический союз, предусматривающий свободное перемещение не только товаров и услуг, но и капитала, рабочей силы, а также прочие элементы общего рынка и общей экономической политики. В начале 2000-х годов после вхождения в состав ЕС стран Центрально-Восточной Европы с их дешевой рабочей силой некоторые из них, в особенности те, которые еще в социалистический период имели довольно развитую национальную

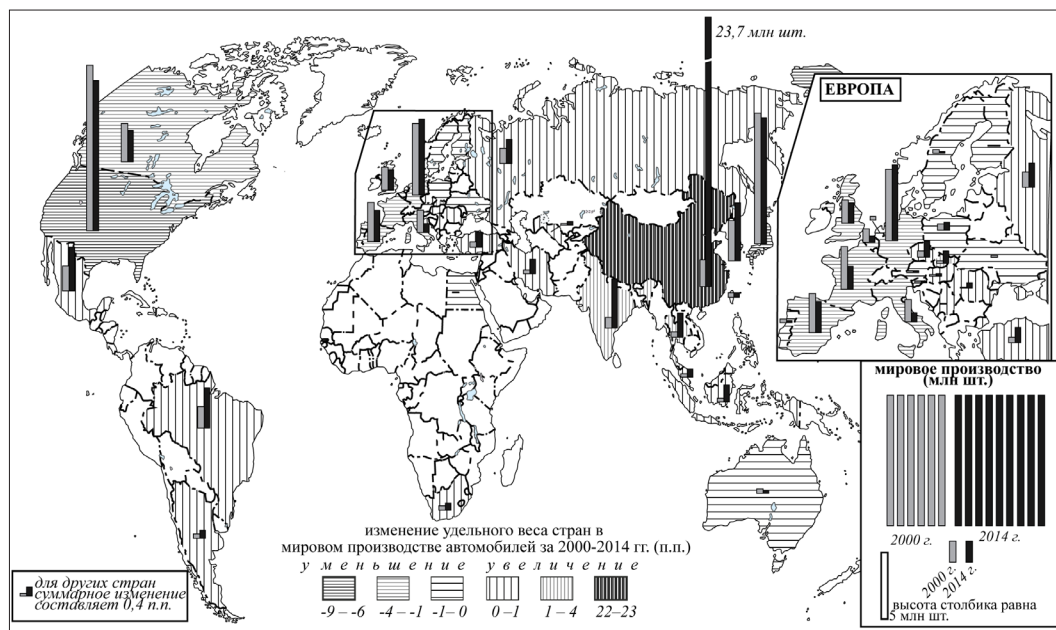

Рис. Территориальные сдвиги в мировом автомобилестроении за период 2000–2014 гг.
Составлено по: [15]

автомобильную промышленность (Чехия, Словакия, Польша, Румыния), стали привлекательными производственными площадками для иностранных компаний; главными же «пострадавшими» в результате территориальной реорганизации производства оказались страны Южной Европы.

Приведенные примеры показывают, что территориальные сдвиги в автомобильной промышленности мира за период 2000–2014 гг. были существенными (на рисунке штриховкой показано изменение долей стран в мировом производстве автомобилей, выраженное в процентных пунктах). Они в значительной степени носили внутрорегиональный характер, а степень концентрации производства на региональном уровне имела тенденцию к увеличению.

Как уже было сказано выше, автомобильные производства довольно чувствительны к перевозкам грузов на большие расстояния, что в сочетании с фактором торговых ограничений подталкивает компании размещать свои цепочки добавленной стоимости ближе к основным рынкам сбыта. Однако, как показали наши расчеты индекса Херфиндала-Хиршмана, в электронной промышленности, где влияние двух этих факторов не столь велико, тоже имеет место тенденция к усилению концентрации производства на региональном уровне.

Для компаний электронной промышленности стоимость рабочей силы далеко не всегда стоит на первом месте при принятии решений о размещении производств. Во многих случаях гораздо важнее наличие развитой инфраструктуры, сети поставщиков, квалифицированных научно-инженерных кадров и рабочей силы, отлаженный технологический процесс, позволяющий легко менять объемы производства и в полной мере воспользоваться эффектом экономии на масштабах производства, а также агломерационным эффектом. Именно поэтому происходит концентрация электронных производств в научно-промышленных парках Восточной и Юго-Восточной Азии, где размещаются как местные фирмы, так и заводы крупнейших ТНК (парк Hsinchu на о. Тайвань, Cyberjaya в Малайзии и др.). В результате некоторые страны региона превратились в крупных поставщиков высокотехнологичных электронных компонентов для сборочных производств, расположенных в Китае. Так, окончательная сборка устройств iPhone, iPod и iPad фирмы Apple осуществляется в Китае на заводах тайваньских субподрядчиков из компонентов, поставляемых Республикой Корея, Филиппинами, США, Германией и Японией [11, р. 254-255]. Подобное разделение труда обусловлено технологической сложностью производства компонентов – в отличие от окончательной сборки.

Таким образом, преимущества кластеризации в электронной промышленности могут перекрывать недостатки, обусловленные более высокой стоимостью рабочей силы. Доля окончательной сборки в общей структуре издержек крайне мала (в производстве iPhone – менее 4%), поэтому даже перенос сборочных операций в развитые страны вряд ли приведет к увеличению стоимости изделия в разы. Следовательно, перспектива «решоринга» (от англ. – reshoring) по крайней мере некоторых электронных производств обратно в Западную Европу и США не выглядит столь уж невероятной. С другой стороны, и в самом Китае происходит повышение технологического уровня производств, увеличивается число местных поставщиков электронных компонентов. Два этих процесса – решоринг и дальнейшее развитие электронной промышленности в Китае – во вполне обозримом будущем могут привести к еще большей концентрации производства на региональном уровне.

Выводы. Проведенный анализ показал, что автомобильная, электронная и швейная отрасли имеют много общих черт в плане территориальной организации. Она во многом является результирующей процессов глобализации и регионализации. Вопреки довольно распространенной точке

зрения о разнонаправленности этих процессов, анализ территориальной организации конкретных отраслей доказывает, что это скорее взаимодополняющие процессы, представляющие две стороны процесса интернационализации мирового хозяйства – усиления взаимодействия и взаимозависимости государств на различных уровнях в области мирохозяйственных связей.

Предложенная методика, основанная на сопоставлении динамики долей межрегиональной торговли и уровней региональной концентрации производства, имеет свои нюансы. Так, значения указанных показателей зависят от того, как именно проведены границы анализируемых регионов. Тем не менее картина в любом случае остается неизменной: увеличение доли межрегиональной торговли сопровождается увеличением уровня региональной концентрации производства в отрасли, и объясняется это взаимообусловленностью двух процессов. Тенденция к региональной концентрации производства, конечно же, во многом связана с деятельностью региональных интеграционных объединений, однако есть и другие важные факторы, к числу которых следует отнести выгоды от эффекта масштаба, транспортные издержки, необходимость адаптировать продукт для региональных рынков и пр.

Библиографический список

1. География мирового хозяйства: учебник для студентов высших учебных заведений / Под ред. проф. Н.С. Мироненко. М.: Трэвэл Медиа Интернэшнл, 2012. 352 с.
2. Гитер Б.А., Гречко Е.А., Колосов В.А., Мироненко К.В., Пилька М.Э., Самбунова Е.Н., Слуга Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Основные направления исследований по географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 6. С. 3–11.
3. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбунова Е.Н., Слуга Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 1. С. 3–15.
4. Панкратов И.Н. Трансформация географической структуры международной торговли товарами в условиях процессов глобализации и регионализации. Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2013. 197 с.
5. Панкратов И.Н., Федорченко А.В. Типология стран по их роли и участию в мировой швейной промышленности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2010. № 5. С. 42–47.
6. Синцеров Л.М. Эпоха ранней глобализации: мировая торговля и зарубежные инвестиции // География мирового развития. Вып. 2: сб. научных трудов / Под ред. Л.М. Синцера. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. С.116–131.
7. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
8. Федорченко А.В. Современные тенденции территориальной организации промышленного производства. М.: Пресс-Соло, 2003. 176 с.
9. Хесин Е.С. Меняющийся глобальный экономический ландшафт // География мирового развития. Вып. 2: сб. научных трудов / Под ред. Л.М. Синцера. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 22–42.
10. Шишков Ю.В. Глобализация – новая эпоха в истории человечества // География мирового развития. Вып. 2: сб. научных трудов / Под ред. Л.М. Синцера. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 7–21.
11. Dicken P. Global shift: mapping the changing contours of the world economy. 7th edition. London, 2015. 618 p.

12. Dicken P. Global shift: reshaping the global economic map in the 21st century. 4th edition. London, 2003. 633 p.
13. Hideaki H., Ayhan Kose M., Otrok C. Regionalization vs. Globalization / International Monetary Fund Working Paper. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp1319.pdf> (дата обращения: 10.06.2016).
14. OECD-WTO Trade in Value Added (TiVA) / Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_OECD_WTO (дата обращения: 05.04.2015).
15. Organisation Internationale des Constructeurs d'Automobiles (OICA) database. URL: <http://www.oica.net/category/production-statistics/> (дата обращения: 07.04.2015).
16. UNIDO Statistics data portal. URL: <http://stat.unido.org/home> (дата обращения: 11.08.2014).
17. World Investment Report 2011. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2011_en.pdf (дата обращения: 07.04.2015).

УДК 911.3

Фомичев П.Ю. (Москва)

ГЕОГРАФИЯ ЦЕНТРОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Fomichev P. Yu.

GEOGRAPHY OF INTERNATIONAL FINANCIAL ACTIVITY CENTERS

Аннотация. Сопоставляется география центров финансовой деятельности на отдельных рынках друг с другом и с рейтингами финансовых центров по индексам GFCI и IFCD. Ввиду большого расхождения результатов делается вывод о неправомерности использования понятия «финансовый центр» и «международный финансовый центр» в качестве феноменальных терминов, и что их можно употреблять лишь как собирательные понятия. Вместо этого следует использовать понятия центров разных видов финансовой деятельности или сосредоточения различных финансовых институтов. Отмеченные закономерности важны для планирования организации новых финансовых центров в избранных локальностях. Необходимо конкретизировать, на каком именно рынке (рынках) будет действовать такой центр и разрабатывать специальные требования под него, а не стремиться к созданию общих благоприятных условий для развития финансовой деятельности как таковой.

Abstract. Geography of centers of financial activity in different markets is compared with each other and with the ratings of financial centers by the GFCI and IFCD indices. In view of the discrepancies in the results, the misuse of the concept of "financial center" and "international financial center" as the phenomenal terms is concluded, and that they can only be referred to as a collective concept. Instead, the concept of centers of different types of financial activity or concentration of various financial institutions should be used. Patterns observed are important for planning the organization of new financial centers in selected localities. It is necessary to specify what exactly market (s) will operate such a center on and to develop special requirements for it, rather than seek to create a general favorable environment for financial activities as such.

Ключевые слова: финансовые услуги, трансграничные позиции, международные финансовые центры, финансовые рынки, финансовые институты, финансовые операции, внешние кредиты и депозиты, валютный рынок, рынки финансовых деривативов.

Keywords: financial services, transborder positions, international financial centers, financial markets, financial institutions, financial operations, external loans and deposits, foreign exchange market, financial derivatives markets.

Введение и постановка проблемы. Понятие международной финансовой деятельности, нередко используемое в научной литературе и докладах международных организаций [6, с. 60; 20, с. 6; 12, с. 4], включает как разнообразные услуги, предоставляемые в международном масштабе финансовыми посредниками, так и трансграничные

операции конечных участников финансовых рынков. Существование центров финансовой деятельности, включая международную, является одним из безусловных подтверждений проявления географической природы в этой столь виртуальной, мало уловимой для восприятия сфере. Для их обозначения давно вошло в употребление понятие финан-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 16-06-00492)

совых центров. Наиболее распространенные дефиниции последних носят общий характер и определяют их как пространственные средоточия финансовых институтов и финансовых операций [27; 28; 29]. Из них непосредственно вытекают широкие определения международных финансовых центров – это те центры, в которых существует большое количество иностранных финансовых институтов, и (или) международными являются значительная часть происходящих в них финансовых операций. Все крупные финансовые центры обычно международные. Однако финансовые центры сильно различаются по составу институтов, видам операций, часто наблюдается иерархия между ними. Поэтому многие авторы считают, что проблема выработки дефиниции финансовых центров, в том числе международных, до сих пор стоит на повестке дня [13, с. 328; 8, с. 3–4], и что общего определения недостаточно. Так, к числу определяющих финансовый центр характеристик часто относят тот факт, что они организуют пространственные финансовые потоки [например: 8, с. 4–5]. Вместе с тем, география центров деятельности на разных финансовых рынках существенно различается. Это ставит вопрос о правомерности использования единого термина «финансовые центры». Решение этого вопроса особенно важно в связи с подготовкой и осуществлением проектов создания финансовых центров в некоторых странах. Также выработка позиции в этом вопросе непосредственно важна в контексте реализации намеченных направлений исследований кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова на ближайшую перспективу [1; 2].

Обзор литературы. Первая попытка географического изучения финансового сектора, возможно, была предпринята J. Labasse в 1955 г. в его докторской диссертации, и связана она была как раз с исследованием отдельного финансового центра, Лиона [11]. В последующий период вышло значительное количество работ, полностью или частично посвященных географическому изучению финансовых центров [5; 10; 13–16; 19].

С середины 2000-х гг. большую популярность приобрели рейтинговые исследования финансовых центров, которые в целом носят

географический характер. Это в первую очередь доклады расположенной в Лондоне аналитической организации Z/Yen Group, которая с 2007 г. ведет мониторинг состояния и развития финансовых центров мира и дважды в год выводит Индекс глобальных финансовых центров (Global Financial Centres Index, GFCI). Также хорошо известен Индекс развития международных финансовых центров (International Financial Centers Development Index, IFCD), совместно рассчитываемый с 2010 г. китайским информационным агентством «Синьхуа» и компанией «Доу Джонс».

Материалы и методы. В статье делается попытка взаимного сопоставления размещения центров сосредоточения финансовых институтов и проводимых ими операций, возникающих на мировых финансовых рынках разного вида. Наличие значительных расхождений в размещении этих локальностей может поставить под сомнение правомерность использования универсальных понятий «финансовый центр» и «международный финансовый центр» несмотря на их широкое распространение.

Параллельно проводится сравнение размещения центров сосредоточения операций и институтов на отдельных рынках с индексами GFCI и IFCD и этих рейтингов друг с другом, что отчасти направлено на решение той же задачи. Кроме того, выявленные различия между размещением центров деятельности на отдельных рынках и рассматриваемыми рейтингами можно трактовать как недостаточно высокую зависимость этого размещения от локальных факторов общего порядка. Это связано с тем, что данные индексы, в особенности, GFCI, больше отражают некоторые общие факторы развития финансового сектора в рассматриваемых локальностях, нежели масштабы, состав и состояние самого этого сектора.

Полученные результаты и их обсуждение. *Рейтинги международных финансовых центров.* Методика индекса GFCI строится на оценке финансовых центров по «инструментальным факторам» – различным количественным показателям, включая индексы и рейтинги других организаций – и результатам онлайн-опроса специалистов, работающих в таких центрах. Определены

следующие «инструментальные факторы»: человеческий капитал, бизнес-среда, уровень развития финансового сектора, инфраструктура, репутация и факторы общего порядка. Онлайн-опросы проводятся в разрезе «факторов конкурентоспособности», установленных в предшествующих исследованиях. В последнем докладе, 19-м, используются 14 факторов (с учетом значимости): 1) наличие квалифицированных специалистов; 2) законодательство; 3) доступ к международным финансовым рынкам; 4) бизнес-инфраструктура; 5) доступ к клиентуре; 6) устоявшаяся и справедливая бизнес-культура; 7) ответственность государства; 8) режим корпоративного налогообложения; 9) текущие затраты; 10) доступ к поставщикам профессиональных услуг; 11) качество жизни; 12) культура и язык; 13) наличие и качество объектов недвижимости коммерческого назначения; 14) режим персонального налогообложения [33]. Можно видеть, что состояние и уровень развития финансового сектора выступают лишь одним из 5 «инструментальных факторов» и одним из 14 «факторов конкурентоспособности». Все остальные являются как раз лишь факторами, влияющими на развитие финансового сектора в изучаемых центрах.

Близкая ситуация с индексом «Синьхуа – Доу Джонс» (IFCD). Его расчет также происходит на основе статистических показателей, с одной стороны, и интервью – с другой, но по 5-ти следующим почти равным по весу составляющим итогового индекса («индикаторам первого уровня»): состояние финансового рынка; уровень развития; влияние других отраслей экономики; уровень развития услуг; общие факторы [22, с. 45]. Только два первых непосредственно характеризуют финансовый сектор, то есть и здесь происходит смешение собственно характеристик финансового центра и факторов его развития.

В 2014 г. по индексу GFCI (19 выпуск) первенство принадлежало Лондону, за ним шел Нью-Йорк, затем Сингапур и Гонконг, с минимальным разрывом между двумя последними. Токио занимал только 5-ю строчку, с заметным отставанием. В десятку лидеров вошли также Цюрих, Вашингтон, Сан-Франциско, Бостон и Торонто. Индекс же IFCD отдавал абсолютный приоритет Нью-Йорку, но очень близко к нему стояли Лондон и Токио. После некоторо-

го разрыва почти вровень друг с другом шли Сингапур, Гонконг и Шанхай. Первую десятку замыкали Париж, Франкфурт-на-Майне, Пекин и Чикаго.

Можно видеть, что одни и те же центры присутствуют лишь в первой пятерке лидеров по этим индексам, в разном порядке, но вторая пятерка различна. Центры второй пятерки по GFCI в индексе IFCD гораздо дальше: Торонто, Сан-Франциско и Цюрих – на 11, 12 и 14 местах, Вашингтон уже 16-й, а Бостон – 18-й. Z/Yen же располагает финансовые центры второй пятерки по IFCD еще дальше: Чикаго стоит на 11 месте, Шанхай – 16, Франкфурт – 18, а Париж – вообще на 32-м. Столь существенные расхождения объясняются не только субъективностью этих индексов, но и высокой степенью неоднородности самого объекта.

Классификация финансовых рынков с точки зрения образования финансовых потоков. На наш взгляд, такое разделение финансовых рынков больше всего подходит для анализа размещения центров финансовой деятельности. Можно выделить: а) рынки, на которых происходят инвестиции в активы (кредиты и депозиты, купля-продажа акций, облигаций и т.д.) и возникают выраженные потоки капитала; б) рынки производных финансовых инструментов, на которых в течение действия контрактов последние для их участников могут быть то активом, то обязательством в зависимости от конъюнктуры, и финансовые потоки в силу этого неустойчивы и часто меняют свое направление; в) валютные рынки, на которых не возникает потоков капитала, но меняется география использования национальных валют.

Размещение центров финансовой деятельности на разных рынках. География международных банковских операций обнаруживает лишь небольшое сходство с рассмотренными выше рейтингами, больше по трансграничным банковским кредитам и депозитам (табл. 1, колонки 4, 5, 8, 9). Хотя в таблице величина международных кредитов и депозитов приводится по странам, подавляющая их часть приходится на банки, действующие в ведущих финансовых центрах. Абсолютное лидерство по трансграничным кредитам и депозитам – как по

Трансграничные банковские позиции стран мира, на конец 2014 г.

1	Активы				Обязательства			
	Всего, трлн долл.	Доля от мира, %	в т.ч.		Всего, трлн долл.	Доля от мира, %	в т.ч.	
			Кредиты и депозиты, трлн долл.	Доля от мира, %			Кредиты и депозиты, трлн долл.	Доля от мира, %
2	3	4	5	6	7	8	9	
Великобритания	4,5	16,9	3,7	20,4	4,6	19,2	3,8	20,0
Япония	3,2	12,0	0,9	5,0	1,2	5,0	1,2	6,3
США	3,1	11,7	3,0	16,6	3,8	15,8	3,7	19,5
Германия	2,1	7,9	1,4	7,7	1,5	6,3	0,9	4,7
Франция	2,1	7,9	1,2	6,6	2,1	8,8	1,3	6,8
Гонконг ¹⁾	1,3	4,9	0,8	4,4	1,0	4,2	0,8	4,2
Каймановы острова	1,1	4,1	1,0	5,5	1,2	5,0	1,0	5,3
Нидерланды	1,1	4,1	0,7	3,9	0,9	3,8	0,7	3,7
Швейцария	0,8	3,0	0,5	2,8	0,9	3,8	0,7	3,7
Сингапур	0,7	2,6	0,6	3,3	0,7	2,9	0,7	3,7
Люксембург	0,6	2,3	0,4	2,2	0,4	1,7	0,4	2,1
Остальные	6,0	22,6	3,9	21,5	5,7	23,8	3,8	20,0
Мир	26,6	100,0	18,1	100,0	24,0	100,0	19,0	100,0

¹⁾В международной статистике выделяется как самостоятельная часть мирового хозяйства. Составлено по: [32].

активам, так и по обязательствам – принадлежит Великобритании и США. Вместе взятые, по активам они обеспечивают 37% международных кредитов и депозитов, по обязательствам – 40%. Для Великобритании практически весь объем, 20% от мира и по активам, и по обязательствам, приходится на Лондон, а в случае США можно ожидать, что не менее 3/5 активов и обязательств обеспечивает Нью-Йорк – это 10% и 12% от мира, соответственно. Дело в том, что в США в 1981 г. были введены International Banking Facilities (IBF, международные банковские услуги) – особые счета в балансах финансовых организаций для нерезидентов, не подлежащие прямому регулированию со стороны Федеральной Резервной Системы (ФРС) и освобожденные от налогов. Это было связано с развитием рынка евродоллара, который тогда существовал вне США². IBF позволили открывать нерезидентам специальные счета в долларах на территории США, которые обладали теми же преимуществами, что и евродолларовые счета в других странах. То есть в США был создан банковский офшор, что сделало их частью евторынков. Это вскоре и вывело США в мировые лидеры, после Великобритании, по трансграничным кредитам и

депозитам. Хотя IBF могут быть открыты в любом штате, на 2007 г. из их общего количества 232 на Нью-Йорк приходилось 137 [26]. Учитывая популярность Нью-Йорка как банковского центра, его доля в международных кредитах и депозитах США может оказаться еще больше, чем 3/5. Остальные 2/5 приходятся уже на целый ряд более сопоставимых друг с другом банковских центров страны, и поэтому вряд ли какие-то из них могли бы оказаться в списке мировых лидеров. Некоторое соответствие по третьему лидеру наблюдается только для IFCD, и то лишь в отношении трансграничных обязательств, по которым Япония близко стоит к Франции. Во Франции их подавляющая часть однозначно приходится на Париж, но и в Японии роль Токио должна быть доминирующей. Еще в 1980-е гг. Япония пошла по пути США и тоже открыла международный офшорный банковский рынок, но только для Токио [3, с. 321; 36]. Это позволило банкам, действующим в Токио, не подлежать полномасштабному регулированию и налогообложению. Впоследствии, однако, дерегулирование распространилось на всю страну.

Однако присутствующие в первой пятерке в обоих рейтингах Гонконг и Сингапур

² Рынок евродоллара возник в 1950-е гг. за пределами США, ничего общего не имеет с денежной единицей евро.

Таблица 2

Крупнейшие фондовые биржи мира по капитализации национальных рынков, конец 2015 г.

		трлн долл.	% от мира
1	Нью-Йоркская фондовая биржа (NYSE)	17,8	26,5
2	НАСДАК (NASDAQ)-США	7,3	10,9
3	Биржевая группа Японии	4,9	7,3
4	Шанхайская фондовая биржа	4,6	6,9
5	Группа Лондонской фондовой биржи	3,9	5,8
6	Шеньчжэньская фондовая биржа	3,7	5,5
7	Биржа «Евронекст» (Euronext)	3,3	4,9
8	Группа «Гонконгские биржи и клиринг»	3,2	4,8
9	Немецкая биржа (Deutsche Boerse)	1,7	2,5
10	Группа «TMX» (Канада)	1,6	2,4
11	Биржа «BSE India limited»	1,5	2,2
12	Национальная фондовая биржа Индии	1,5	2,2
13	Швейцарская фондовая биржа «SIX Swiss Exchange»	1,5	2,2
14	Биржа Северной Европы «NASDAQ-OMX Nordic Exchange»	1,3	1,9
15	Корейская биржа	1,2	1,8
16	Австралийская биржа ценных бумаг	1,1	1,6
Остальные фондовые рынки		7,0	10,6
Мир в целом		67,1	100,0

Составлено по: [37].

по трансграничным кредитам и депозитам входят лишь в десятку. Их однозначно опережают Париж и Франкфурт-на-Майне, тоже сосредоточивающий основную часть международных операций банков, действующих в Германии. Кроме того, впереди и Каймановы острова.

Если взять международные банковские операции в целом, по совокупным трансграничным требованиям и обязательствам (табл. 1, колонки 2, 3, 6, 7), то соответствие данным рейтингам будет еще меньше. По активам на второй позиции в мире стоит Токио. Правда, в этом случае Гонконг опережает Каймановы острова, но все равно он лишь на 6-м месте.

По численности иностранных банков соответствие рейтингам также невелико. По этому показателю выделяются Лондон, Нью-Йорк, Франкфурт-на-Майне, Париж – в каждом из них присутствуют по 150–250 иностранных банков, на разные даты [25; 7, с. 157; 18, с. 280]. В Гонконге действуют около 150 иностранных банков, но включая банки основной территории КНР, в Сингапуре – 120; эти два центра, таким образом, уступают и Франкфурту-на-Майне, и Парижу [23; 34]. Опережают их и Каймановы острова со 176 иностранными банками на июнь 2016 г. [24]. В то же время в Токио сегодня работает только 50 иностранных банков [38].

При этом банковские центры часто оказываются иерархически соподчинены. Так, банковский кризис на Кипре в 2012–2013 гг. возник не только потому, что отношение активов коммерческих банков к ВВП превысило 600%. В тот же период для Мальты этот показатель составлял 700–750%, а для Люксембурга – 1000% [4]. Еще выше он для Каймановых островов. Многие зависит от того, какие существуют возможности для размещения этих активов. В силу того, что в культурно-географическом плане Кипр не относится к западному христианству, они у него были более ограниченными, нежели у других банковских офшоров. Каймановы острова, будучи зависимой британской территорией, вообще имеют исключительно благоприятные условия для размещения своих активов через Лондон и связанные с ним центры.

Совершенно иную географию имеет биржевой рынок акций, а от рассматриваемых рейтингов она отклоняется сильнее, чем география международной банковской деятельности (табл. 2).

По капитализации национальных компаний крупнейшим рынком является Нью-Йоркская фондовая биржа, на которую приходится более ¼ ее мировой величины. Но группа Лондонской фондовой биржи не в лидерах, она 5-я. Вторая же в рейтинге НАСДАК вообще не привязана ни к какой

Ведущие фондовые биржи по годовому обороту, 2015 г.

		Оборот, млрд долл.		Оборот акций нац. комп./ капитализация нац. компаний
		Всего	в т.ч. акции национальных эмитентов	
1	Шанхайская фондовая биржа	21 349	21343	4,7
2	Шеньчжэньская фондовая биржа	19 611	19611	5,4
3	Нью-Йоркская фондовая биржа (NYSE)	17 477	16135	0,9
4	Биржевая группа «BATS Global markets» - США	14 217	14217	–
5	НАСДАК (NASDAQ) - США	12 515	11046	1,5
6	Биржевая группа Японии	5 541	5540	1,1
7	Биржа «BATS Chi-X» - Европа	3 158	–	–
8	Группа Лондонской фондовой биржи	2 651	2475	0,6
9	Группа «Гонконгские биржи и клиринг»	2 126	2068	0,7
10	Биржа «Евронекст» (Euronext)	2 077	2070	0,6
11	Корейская биржа	1 930	1901	1,5
12	Немецкая биржа (Deutsche Boerse)	1 556	1459	0,8
13	Группа «TMX» (Канада)	1 185	1181	0,7
14	Группа бирж Испании «BME»	998	987	1,2
15	Швейцарская фондовая биржа «SIX Swiss Exchange»	991	985	0,6

Составлено по: [37].

локальности – это чисто электронная биржа, существующая в электронных сетях. Шанхайская фондовая биржа на 4-м месте, но как международный банковский центр Шанхай пока не состоялся. То же можно сказать о Шеньчжэне, фондовая биржа которого заняла 6-ю строчку.

Если же учитывать оборот торговли акциями, то совпадение с рассматриваемыми рейтингами становится минимальным (табл. 3). На две первые позиции выходят Шанхай и Шеньчжэнь, опережая Нью-Йорк. Акции на фондовых биржах этих центров в среднем в 5 раз чаще переходят из рук в руки, чем на Нью-Йоркской фондовой бирже, что можно видеть из показателя отношения оборота к капитализации. Кроме того, помимо уже довольно старой электронной биржи НАСДАК в данном списке появляется новая структура электронной торговли акциями – группа BATS Global markets. Возникшая в 2005 г. в США, штат Канзас, первоначально как «electronic communication network», ECN, в 2008 г. BATS официально зарегистрировалась как биржа. И к сегодняшнему дню она сосредоточила уже около 1/3 оборота торговли акциями в США, а в мире она на 4-м месте. Ее дочерняя европейская структура

BATS Chi-X стоит в Европе на 1-й позиции, а в мире на 7-й.

Конечно, обсуждаемые показатели биржевой торговли акциями касаются прежде всего национальных рынков, тогда как в случае банковской деятельности выше анализировались ее международные составляющие³. Рассмотрим в дополнение численность иностранных компаний в листингах фондовых бирж.

По этому показателю лидируют Группа Лондонской фондовой биржи, Нью-Йоркская фондовая биржа, НАСДАК, Сингапурская биржа, Люксембургская фондовая биржа, «Евронекст», Австралийская биржа ценных бумаг и группа Гонконгских бирж – от 100 до более 500 компаний, в порядке убывания [37]. Здесь соответствие рейтингам уже выше. Но впереди Гонконга оказываются Люксембург, который по GFCI 14-й, а по IFCD вообще 43-й, и Сидней – 17-й и 11-й, соответственно⁴. И, самое главное, в лидерах вообще нет Токио – на декабрь 2015 г. в листинге Биржевой группы Японии значилось всего 9 иностранных компаний.

Облигации, в отличие от акций, торгуются в основном на внебиржевом рынке ОТС – over-the-counter). Тем не менее Лондон выде-

³ Хотя это именно те показатели, которые учитываются и в GFCI, и IFCD как отражающие биржевую торговлю акциями.

⁴ Биржа «Евронекст» представляет сразу четыре «мировых города» – Париж, Амстердам, Брюссель и Лиссабон, и уже в силу этого может иметь повышенный показатель.

ляется как центр торговли еврооблигациями, не только на внебиржевом рынке, но и на Лондонской фондовой бирже. Еще двумя известными центрами биржевой торговли еврооблигациями являются Люксембург и Дублин. Кроме ведущей роли Лондона, здесь уже нет никакого соответствия рейтингам.

Помимо банков и бирж непосредственное отношение к формированию потоков капитала имеют инвестиционные фонды, среди которых по объемам инвестиций выделяются взаимные фонды. Последние сильно зависят от налогового климата и регулирования, и поэтому тяготеют в своей регистрации к офшорным юрисдикциям, однако отличающимся хорошей репутацией. По объемам средств под управлением взаимных фондов лидерами выступают США. Но американские фонды зарегистрированы преимущественно в штатах Делавэр, Массачусетс и Мериленд – своего рода внутренних офшорах, а не в ведущих финансовых центрах страны. Второе и третье места после США на 2014 г. занимали Люксембург и Ирландия, тоже считающиеся европейскими странами-офшорами [9].

Центры биржевой торговли производными инструментами вообще почти не соответствуют рассматриваемым рейтингам. На 1 месте на этом рынке находится группа СМЕ (3,4 млрд контрактов в 2014 г.), торговые площадки которой приурочены в основном к Чикаго. Второе занимает Intercontinental Exchange – американская группа, владеющая несколькими биржевыми площадками в мире (2,3 млрд шт.). Главные центры – Нью-Йорк и Лондон. На 3 месте – Eurex, управляемая Немецкой биржей, Франкфурт-на-Майне (2 млрд шт.). Далее идет Национальная фондовая биржа Индии, расположенная в Мумбае (1,9 млрд шт.). На 5-й позиции находится BM&F Vovespa, Сан-Паулу (1,4 млрд шт.). Но практически на той же позиции стоит Московская биржа (тоже 1,4 млрд контрактов) [35].

Наконец, больше всего повторяет начало обоих рейтингов география валютной торговли. В 2013 г. 1 место на этом рынке занимала Великобритания – 40,9% мирового оборота. На втором месте США – 18,9%. Удельный вес Сингапура уже только 5,6%. Следующей была Япония, с долей в 5,6%, и Гонконг шел 6-м – 4,1% [21]. Однако валютный рынок относится к той категории финансовых рынков, функционирование которых

не приводит к пространственному перемещению капитала, а для финансовых центров управление потоками капитала выступает в числе определяющих признаков.

Заключение. Понятие финансового центра, в том числе международного, скорее является собирательным понятием, а не феноменальным. В действительности существуют центры банковского кредита, фондово-биржевые, фьючерсно-биржевые, центры валютной торговли и т.д., возникающие на разных финансовых рынках. Или как максимум можно говорить о банковских центрах, биржевых, центрах размещения взаимных фондов и других финансовых институтов. Некоторые из этих центров, из числа фондово-биржевых и фьючерсно-биржевых, существуют не в обычном географическом пространстве, а в компьютерных сетях, что требует особого подхода к их изучению. Размещение центров сосредоточения финансовой деятельности диктуется больше пространственными закономерностями соответствующих финансовых рынков, чем некоторыми общими благоприятными условиями в разных локальностях, о чем свидетельствует несоответствие реального размещения центров сосредоточения операций на конкретных финансовых рынках индексам GFCI и IFCD. Последние больше отражают условия развития финансовой деятельности в разных локальностях, нежели уровень ее развития и структуру. Однако центры финансовой деятельности на отдельных рынках могут накладываться друг на друга. Правда, в полной мере это наблюдается только в Лондоне и Нью-Йорке, которые являются в абсолютных лидерах на многих финансовых рынках, однако не на всех. Отмеченные закономерности, в частности, важны для планирования организации новых финансовых центров в избранных локальностях. Необходимо конкретизировать, на каком именно рынке (рынках) будет действовать такой центр и разрабатывать специальные требования под него, а не стремиться лишь к созданию общих благоприятных условий для развития финансовой деятельности как таковой. Так, несмотря на крупнейшие инвестиции Шанхайский финансовый центр, который задумывался как конкурент и даже замена Гонконгскому, пока работает лишь как фондово-биржевой, международная банковская деятельность в нем практически не развивается.

Библиографический список

1. Гитер Б.А., Гречко Е.А., Колосов В.А., Мироненко К.В., Пилька М.Э., Самбунова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Основные направления исследований географии мирового хозяйства // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 6. С. 3-11.
2. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбунова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 1. С. 3-12.
3. Пейро М. Международные экономические, валютные и финансовые отношения. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1990.
4. Banking Structures Report. October 2014. European Central Bank, Frankfurt am Main, 2014.
5. Cohen, Benjamin J. The Geography of Money. Ithaca and London: Cornell University Press, 1998.
6. Ferguson, R.W., Hartmann, Ph., Panetta, F., Portes, R. International Financial Stability. Geneva Reports on the World Economy (Book 9). Geneva, Centre for Economic Policy Research, 2008.
7. Foreign Multinationals in the United States. L.: Routledge, 2002.
8. International Banking and Financial Centers. Edited by Yoon S. Park and Musa Essayyad. Kluwer Academic Publishers, Boston, Dordrecht, London, 1989.
9. Investment Company Factbook 2015. Investment Company Institute 2015.
10. Kerr, Donald. Some Aspects of the Geography of Finance in Canada. The Canadian Geographer / Le Géographe canadien. Vol. 9. Issue 4. p.175-192, December 1965.
11. Labasse, Jean, Les capitaux et la region, Etude géographique, Essai sur le commerce et la circulation des capitaux dans la region Lyonnaise. Paris, Colin, 1955.
12. Lane, Philip R., Milesi-Ferretti, Gian Maria. Cross-Border Investment in Small International Financial Centers. IMF Working Paper WP/10/38. Washington, IMF, February 2008.
13. Lauajainen, Risto. Financial Geography. A banker's view. L., N.Y., Routledge, 2005.
14. Martin, R. Money and the Space Economy. Wiley, 1999.
15. Money, Power and Space. Stuart Corbridge, Ron Martin and Nigel Thrift (eds). Oxford, Blackwell, 1994.
16. Porteous, David J. The Geography of Finance: Spatial Dimensions of Intermediary Behaviour. Aldershot; Brookfield, USA: Avebury, 1995.
17. Seo, Bongman. Geographies of Finance: Centers, Flows, and Relations // Hitotsubashi Journal of Economics 52 (2011). University of Hitotsubashi, pp.69-86.
18. Story J., Walter I. Political Economy of Financial Integration in Europe: The Battle of the Systems. Cambridge (Ma, US): MIT Press, 1997.
19. The Changing Geography of Banking and Finance. Edited by Pietro Allesandrini, Michele Fratianni, Alberto Zazzaro. Dordrecht, Heidelberg, London, N.-Y., Springer, 2010.
20. The International Supervisory Framework for Financial Services: An Emerging International Legal Regime. ESRC Centre for Business Research, University of Cambridge. Working Paper №. 81, December 1997.
21. Triennial Central Bank Survey. BIS. Basel, Bank of International Settlements, 2013.
22. Xinhua-- Dow Jones International Financial Centers Development Index – 2014. National Financial Information Center Index Research Institute Standard & Poor's Dow Jones Index Co. November, 2014.
23. Banking Industry in Hong Kong. Данное о банковской индустрии Гонконга группы НКТДС на официальном сайте. URL: <http://hong-kong-economy-research.hktdc.com/business-news/article/Hong-Kong-Industry-Profiles/Banking-Industry-in-Hong-Kong/hkip/en/1/1X000000/1X003ULX.htm>.
24. Banking Statistics. Данные о банковском секторе на официальном сайте Монетарного департамента Каймановых островов. URL: http://www.cimoney.com.ky/stats_reg_ent/stats_reg_ent.aspx?id=200.
25. BIS Locational Banking Statistics. Раздел базы данных Банка Международных Расчетов. URL: <http://www.bis.org/statistics/bankstats.htm?m=6%7C31%7C69>.
26. Federal Reserve Bank of New York. Страница на официальном сайте Федерального резервного банка Нью-Йорка о «Международных банковских услугах», International Banking Facilities. URL: <https://www.newyorkfed.org/aboutthefed/fedpoint/fed34.html>.
27. Financial Center. Страница в онлайн бизнес-словаре Business Dictionary. URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/financial-center.html>.
28. Financial Centre. Страница в кембриджском онлайн словаре английских слов. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/financial-centre>.
29. Financial Hub. Страница в онлайн энциклопедии по инвестициям Investopedia. URL: <http://www.investopedia.com/terms/f/financial-hub.asp>.
30. GFCI. Страница на официальном сайте компании Z/Yen. Введение к Индексу глобальных финансовых центров. URL: <http://www.longfinance.net/programmes/financial-centre-futures/fcf-gfci.html>.
31. Instrumental Factors - Financial Sector Development. Страница на официальном сайте компании Z/Yen по набору «инструментальных факторов развития финансового сектора» при расчете Индекса глобальных финансовых центров. URL: <http://www.longfinance.net/programmes/financial-centre-futures/fcf-gfci/instrumental-factors.html?id=312>.
32. London's Finance Industry. Страница на официальном сайте London's Economic Plan. URL: <http://www.uncsbrp.org/finance.htm>.
33. Methodology. Страница на официальном сайте компании Z/Yen по методологии расчета Индекса глобальных финансовых центров. URL: <http://www.longfinance.net/programmes/financial-centre-futures/fcf-gfci/methodology.html>.
34. Number of Financial Institutions. Страница с данными о численности финансовых организаций на официальном сайте Монетарного департамента Сингапура. URL: <https://masnetvc.mas.gov.sg/FID.html>.
35. Statista. Статистический портал. URL: <http://www.statista.com/statistics/272832/largest-international-futures-exchanges-by-number-of-contracts-traded/>.
36. Tokyo's Offshore Banking Market. Новостная страница в онлайн версии газеты «Нью-Йорк Таймс» от 2.12.1986 г. URL: <http://www.nytimes.com/1986/12/02/business/tokyo-s-offshore-banking-market.html>.
37. WFE. World Federation of Exchanges. Statistics. Раздел «Статистика» на официальном сайте Всемирной федерации бирж. URL: <http://www.world-exchanges.org/home/index.php/statistics>.
38. Why leading foreign banks are saying sayonara to Japan. Новостная страница на сайте Japan Today от 04.09.2015. URL: <http://www.japantoday.com/category/opinions/view/why-leading-foreign-banks-are-saying-sayonara-to-japan>.

Самбурова Е.Н., Мироненко К.В. (Москва)

**«КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО»
В МИРОХОЗЯЙСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Samburova E.N., Mironenko K.V.

**“CHINESE ECONOMICAL MIRACLE” IN THE CONTEXT
OF THE WORLD ECONOMY**

Аннотация. В статье рассматривается изменение позиций Китая в глобальной экономике в годы реформ. Проводится анализ по показателям объема ВВП, промышленного производства, внешней торговли и прямых инвестиций. Анализируются причины произошедших изменений, и дается оценка возможности сохранения Китаем роли "мировой фабрики".

Abstract. In this article we discuss changing of China's position in the global economy during the period of reforms. The main analyzing indicators are: GDP, industrial production, foreign trade and direct investment. The factors of the changes are considered; the possibility of maintaining the role of China as "world factory" is estimated.

Ключевые слова: глобальная экономика, Китай, «мировая фабрика», факторы роста.

Keywords: global economy, China, «world factory», factors of growth.

Введение и постановка проблемы. В экономической истории Китая были взлеты и падения, и, соответственно, менялись его позиции – от мирового лидерства до позиций аутсайдера. Вплоть до середины XIX в. Китай являлся одним из ведущих центров формирующейся системы мирового хозяйства, сосредотачивая в себе значительную часть экономического потенциала планеты. Однако, в силу потери конкурентных преимуществ из-за отсутствия стимулов к модернизации трудоинтенсивной экономики, последствий «опиумных войн» Китай испытал мощнейший понижающий тренд, лишился первенства, экономика достигла дна к середине 1850-х годов [35]. Ситуация начала меняться только в последней четверти XX в. Стремительный взлет Китая, часто называемый «китайским экономическим чудом», напрямую связан с началом осуществления экономических реформ [11; 14]. Официально в декабре 1978 г. на 3-ем Пленуме ЦК КПК 11-го созыва было объявлено о начале политики «реформ и открытости». Суть ее – постепенный переход к многоукладной рыночной экономике при сохранении значительной роли государства, отказ от монополии на внешнюю торговлю и расширение экспортной базы, создание крупных ТНК, формирование благоприятного инвестиционного климата. Именно в результате этих реформ принципиально изменилась роль Китая в мировом хозяйстве. От изолированной, практически

не участвующей в международном разделении труда страны КНР вновь превратилась в одного из главных акторов мировой экономики [3]. Если к началу экономических реформ Китай, очевидно, находился на Периферии мирового хозяйства, то к настоящему времени стал частью Полупериферии, причем его влияние на глобальную экономику трудно переоценить.

Цель статьи – оценить на базе анализа динамики ключевых экономических показателей изменение роли Китая в мировой экономике в пореформенный период.

Обзор ранее выполненных исследований. Изучению роли Китая в глобальной экономике посвящено большое количество трудов. Можно выделить несколько уровней по глубине и комплексности решения вопроса. Среди работ, охватывающих разные проблемы включения Китая в мировое хозяйство, следует отметить публикации Н. Ларди [33; 34], в которых оценивается прежде всего значение вхождения КНР в ВТО для развития внешнеэкономических связей и взаимодействие с США. Различные аспекты влияния КНР на мировую экономику рассматриваются китайскими экономистами в журнале «China & World Economy», который издается Институтом мировой экономики и политики Академии наук КНР, например, статьи, таких авторов как Чжоу Исяо и Сун Лиган, Вэй Хао и Чжао Чуньмин [40; 43]. Среди российских

исследователей можно выделить В.Я. Портякова [9; 10], в работах которого рассматриваются различные аспекты влияния проводимых в КНР экономических реформ на ее место в мировой экономике.

Материалы и методы исследований.

В качестве материалов при подготовке статьи использовались как фундаментальные труды классиков по экономике, мировому хозяйству, его пространственной структуре и динамике П. Кругмана [32] и А. Мэддисона [35], изменениям отраслевой и региональной структуры мирового хозяйства Н.В. Алисова [1] и В.Б. Кондратьева [8], так и страноведению, специальная литература по Китаю таких авторов как Я.М. Бергер [2], М.В. Карпов [5], А.В. Островский [6]. Самостоятельное значение имеют научные и учебные труды кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова [3; 4; 7; 12–16]. Статистическую базу исследования составляют как данные международных организаций ВТО, МВФ, ЦРУ [24; 28–30; 41], так и источники Китайского национального бюро статистики [19–23; 37–38]. Особенную ценность представляют Статистические ежегодники Китая [19–23], а также сводные статистические данные А.В. Хохлова [17].

Работа строится с применением преимущественно общенаучных методов, таких как анализ и синтез; а также эконометрических методов с использованием четырех основных показателей – объем ВВП (по ППС), промышленного производства, масштаб внешней торговли и прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Результаты исследования и их обсуждение. Определяющая роль Китая в росте объемов мировой экономики в заключительной четверти 20 – начале 21 вв. Доля Китая в мировом ВВП (по ППС) выросла с 2,3% в 1980 г. до 17,1% в 2015 г. (рис. 1), т.е. за период реформ увеличилась более чем в 60 раз! Китай занял лидирующие позиции по этому показателю, опередив США в 2014 г. по данным МВФ [41] и ЦРУ [24; 39], с 2015 г. – по данным Мирового Банка [29]. По ВВП (по валютному курсу) Китай уступает США, занимая 2-е место. Именно Китай определяет рост мировой экономики. При темпах прироста ВВП в Китае на 7,4% (14-е место по данным ЦРУ [28]), что существен-

но выше, чем в других крупных экономиках, включая остальные страны БРИКС), Китай обеспечивал около 30% мирового прироста ВВП (2014 к 2013 г.). Снижение темпов экономического роста в КНР в 2015 г. до 6,9% вызвало серьезную обеспокоенность в мире, поскольку даже небольшие изменения в динамике роста китайской экономики оказывают влияние на состояние многих мировых товарных рынков, снижают спрос на сырьевые товары, усиливают неустойчивость развития мировой экономики. Тем не менее, в 2015 г. рост объема ВВП в КНР обеспечил 25% роста мировой экономики.

Подъем экономики Китая обеспечил удачный синтез многих внешних и внутренних факторов. Первые достаточно хорошо известны и охарактеризованы во многих трудах [1; 2; 14]. В их числе следует отметить:

- высвобождение ниши производства массовой трудоемкой продукции в результате роста стоимости рабочей силы в «новых индустриальных странах» и изменения их специализации в мировом хозяйстве;
- привлечение растущих объемов иностранных инвестиций, благодаря созданию благоприятного инвестиционного климата, в частности, основанию «специальных экономических зон» Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь;
- рост объемов внешней торговли, обеспеченных спросом на трудоемкие экспортные товары на внешнем рынке;
- наличие свыше 45 млн «хуацяо», готовых инвестировать в китайскую экономику.

Среди главных внутренних факторов, можно выделить [13]:

- создание условий для использования конкурентных преимуществ, благодаря постепенному преобразованию жесткой административной системы, переходу к многоукладной экономике;
- обеспеченность дешевой обучаемой рабочей силой;
- огромная ёмкость ненасыщенного потребительского рынка, растущая по мере роста доходов китайского населения;
- конфуцианские традиции (готовность к тяжелому труду, приоритет коллективных, а не личных интересов, склонность к накоплению и, следовательно, возможности инвестирования).

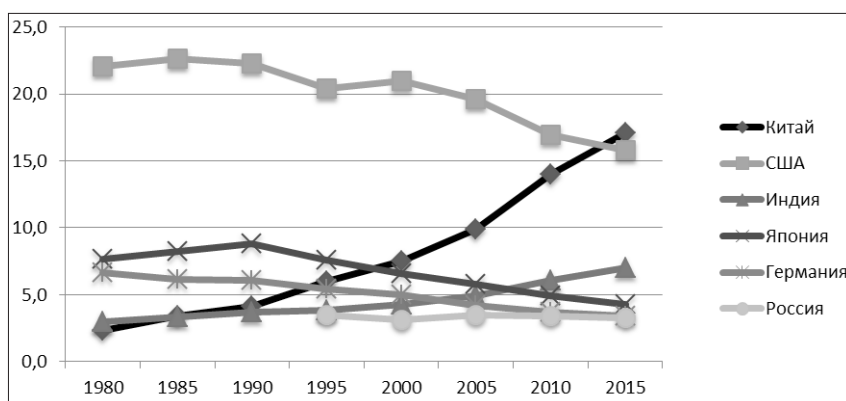

Рис. 1. Доля стран мира в ВВП (по ППС) в годы реформ в Китае, в %
Построено по: [41].

От ремесленного производства к масштабам «мировой фабрики». К началу экономических реформ (1978 г.) уровень производства промышленной продукции страны был крайне низок, также низок был и уровень потребления. Благодаря грамотной политике руководства, Китай в международном разделении труда занял нишу ведущего производителя промышленной продукции, превратился в «мировую фабрику», выпускающую продукцию от одежды и обуви, сувениров и игрушек до компьютеров и офисной техники, телевизоров и фотоаппаратов.

Постепенно Китай начал наращивать производственные мощности, увеличивая объемы в первую очередь трудоемкой продукции и изделий, необходимых для нового строительства. Даже по сравнению с 2000 г. доля Китая в мировом производстве заметно возросла. В 2014 г. на Китай приходится уже 60% мирового выпуска цемента против 36% в 2000 г., около 50% стали против 20% в 2002 г., 47% первичного алюминия (в 2000 г. было лишь 11,5%), 42% производства рафинированного свинца (16,5% в 2000 г.), 41% выплавки цинка (22% в 2000 г.), а также более 40% выплавки олова, 75% – вольфрама и почти 90% – сурьмы. Монопольное положение на мировом рынке редкоземельных металлов (97% мировой добычи), необходимых для производства высокотехнологичной продукции, позволяет КНР оказывать давление на Японию и США. Лидирует Китай и по добыче золота (15% мирового показателя, а в 2000 г. – лишь 7%), производству рафинированной меди (31%). КНР удерживает лидерство и в производстве важных видов химической продукции: минеральных удо-

брений (30%), аммиака (33%), полиэфирных (более 50%), полиамидных (23%) и целлюлозных волокон (более 50%). С 2009 г. Китай вышел на первое место в мире по производству автомобилей (в 2014 г. – 23,7 млн шт., или 26% мирового производства, тогда как в 2000 г. – лишь 3,5%) [17].

Китай в настоящее время занимает ведущие позиции на многих мировых товарных рынках, что хорошо фиксируется показателями внешней торговли. Динамика и сдвиги в структуре внешней торговли за годы реформ отражают те глубокие изменения, которые произошли в положении Китая на мировых товарных рынках (табл. 1). Китай стал ведущей торговой державой: по показателю внешнеторгового оборота он занимает первое место в мире, в то время, как в 1978 г. был лишь на 27-м месте. По экспорту товаров Китай с 2009 г. на первом месте – около 13% мирового объема, а по импорту – на втором – 10,5% (2014 г.), уступая первенство США (12,8% мирового объема). Во внешней торговле услугами роль Китая несколько меньше – 2-е место и по экспорту, и по импорту (6,2 и 10,3% в 2014 г., соответственно) [30].

Среди главных особенностей внешней торговли КНР – высокая динамика объема (особенно после вступления Китая в ВТО в конце 2001 г.), ведущая роль предприятий с участием иностранного капитала, устойчивое с 2004 г. положительное сальдо, высокий удельный вес торговых операций, связанных с поручительской переработкой и сборкой (около половины всего экспорта и 2/3 импорта) и, следовательно, тесная связь экспортных операций с импортом.

Таблица 1

Внешняя торговля КНР в 1978-2015 гг.

Годы	ВВП	Оборот внешней торговли	Экспорт		Импорт		Сальдо
	млрд долл.	млрд долл.	млрд долл.	% к ВВП	млрд долл.	% к ВВП	млрд долл.
1978	211,3	20,7	9,8	4,6	10,9	5,2	-1,1
1990	424,4	115,4	62,1	15,9	53,4	12,6	8,7
2000	1080,3	474,3	249,2	23,1	225,1	20,8	24,1
2005	2257,5	1422,1	761,9	33,7	660,1	29,2	101,8
2010	5930,8	2974,0	1577,8	26,6	1396,2	23,5	181,6
2015	10982,8	3988,3	2292,5	20,9	1695,8	15,4	596,8

Источник: [22; 38].

Таблица 2

Доля Китая в мировом экспорте продукции, %

Вид продукции	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2014 г.
Офисное и телекоммуникационное оборудование	0,1	1,0	4,5	33,2
Сталь и чугун	0,3	1,2	3,1	15,3
Текстильная продукция	4,6	6,9	10,4	35,6
Одежда	4,0	8,9	18,2	38,6

Источник: [30].

Основная причина формирования большого активного сальдо в Китае – увеличение экспорта на фоне активизации иностранного инвестирования. Кризис 2009 г. привел к снижению показателей экспорта и импорта, хотя Китай смог пройти этот период с положительной динамикой и практически выйти на докризисные показатели к 2011 г. С 2009 г. Китай переходит от политики ограничения импорта и стимулирования экспорта к политике достижения баланса между экспортом и импортом. Рост внешнеторгового оборота и высокая экспортная и импортная квоты отражают высокую включенность Китая в мировое хозяйство, конкурентоспособность его экономики.

Снижение объемов внешнеторгового оборота и значений экспортной и особенно импортной квоты в 2015 г. связано, с одной стороны, с изменением модели экономического развития КНР – переходом ориентации на внутренний спрос, с другой – с реструктуризацией экономики – переходом к производству более высокотехнологичной продукции.

Изменения, которые произошли за годы реформ, очень велики (табл. 2): если даже в 2000 г. доля Китая в экспорте офисного и телекоммуникационного оборудования была ниже 5%, то в 2014 г. на него приходилось уже около трети мирового экспорта

этой продукции. Китай усилил свои позиции и как экспортер текстильной продукции и одежды – свыше 35% мирового экспорта.

Следует отметить, что значительная часть товаров в КНР производится на предприятиях с участием иностранного капитала. Одна из главных тенденций – повышение добавленной стоимости, производимой в самом Китае. По результатам исследования, опубликованного в 2010 г. Азиатским банком развития, вклад китайских рабочих составлял лишь 3,6% стоимости Apple iPhone [42]. Более тщательный анализ показал, что не учитывались, например, стоимость китайских пластмассовых корпусов и других элементов, используемых при производстве чипов, импортируемых из Японии. Сейчас свыше 65% всей стоимости экспортируемых из КНР товаров производится внутри страны [31].

Сдвиги в товарной структуре экспорта показывают, что Китай от экспорта преимущественно сырьевой переработанной продукции перешел к экспорту готовой продукции (табл. 3). Доля машиностроения выросла с 7,7% в 1980 г. до 55,9% в 2014 г. Доля высокотехнологичной продукции в 2000 г. составляла лишь около 15%, а сейчас достигла почти 30%.

Китай на мировом рынке ПИИ. Китай – один из мировых лидеров по привлечению

Структура экспорта продукции из КНР в 1980–2014 гг.

	1980 г.		1990 г.		2000 г.		2010 г.		2014 г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Объем товарного экспорта	18,1	100,0	62,1	100,0	249,2	100,0	1577,8	100,0	2342,3	100
Первичная продукция	9,1	50,3	15,9	25,6	25,5	10,2	81,7	5,2	112,7	4,8
Промышленная продукция	9,0	49,7	46,2	74,4	223,8	89,8	1496,2	94,8	2229,6	95,2
Химическая продукция	1,1	6,2	3,7	6,0	12,1	4,9	87,6	5,6	134,5	5,7
Готовая продукция, классифицируемая по виду сырья	4,0	22,1	12,6	20,3	42,6	17,1	249,2	15,8	400,2	17,1
Машины и транспортное оборудование	0,8	4,7	5,6	9,0	82,6	33,1	780,3	49,5	1070,6	45,7
Другая продукция	3,1	16,9	24,3	39,1	86,5	34,7	379,2	24,0	624,3	26,7
Продукция машиностроения и электроники	1,4	7,7	11,1	17,9	105,3	42,3	933,4	59,2	1310,5	55,9
Высокотехнологичная продукция	–	–	–	–	37,0	14,9	492,41	31,2	660,5	28,2

Источник: [25; 27].

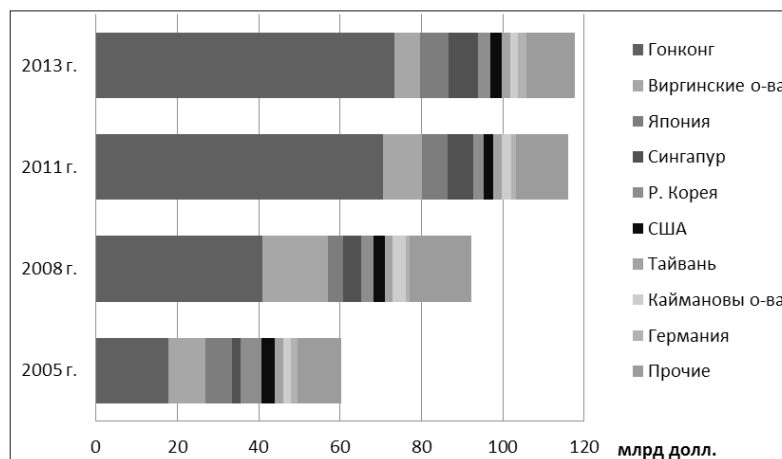

Рис. 2. Привлечение прямых иностранных инвестиций в КНР (фактически использованные инвестиции, млрд долл.)

Источник: [19-22].

ПИИ, причем их приток в страну растет, несмотря на введение в 2007 г. единой ставки подоходного налога с китайских и иностранных предприятий и мировой экономической кризис (рис. 2). За 2014 г. объем привлеченных ПИИ (фактически использованные инвестиции) составил 119,6 млрд долл. [37]. Роль главного поставщика ПИИ сохраняет Гонконг, имеющий статус «специального административного района» КНР, причем его удельный вес растет. Эти инвестиции «соотечественников» были особенно важны для Китая в первые годы реформ. Гонконг используют и китайские бизнесмены для

возврата вывезенных инвестиций. Через Гонконг в Китай поступают ПИИ и из других стран. Среди других стран-доноров преобладают страны Азии – ближайшие соседи КНР, инвесторами зачастую выступают бизнесмены китайского происхождения.

С начала XXI в. страна является не только крупным реципиентом ПИИ, но и увеличивает свои зарубежные инвестиции. Реализация принятой в 2000 г. программы «Идти вовне» включает создание собственных ТНК при активной поддержке государства, которые должны расширять свое присутствие в разных регионах мира. К 2014 г. годо-

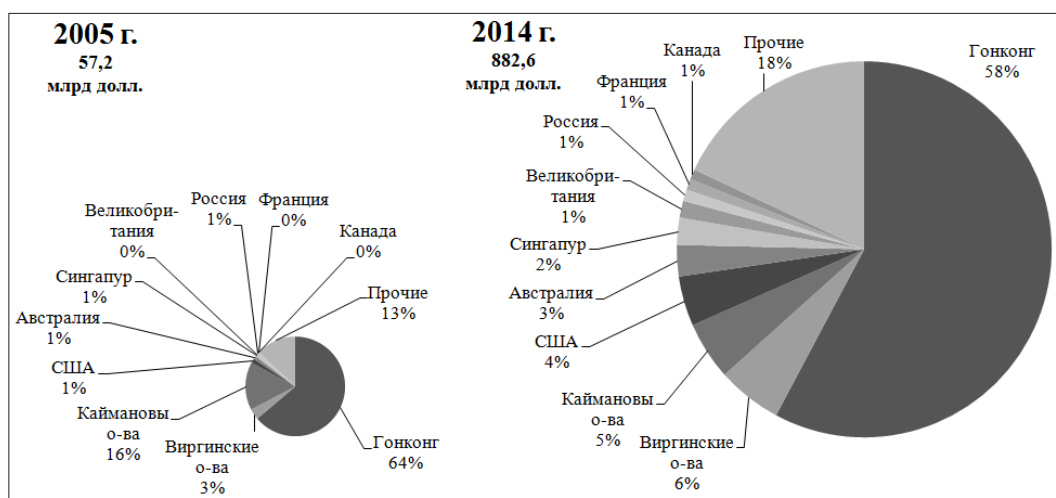

Рис. 3. Структура накопленных прямых инвестиций из Китая по странам и регионам мира, 2005 г. и 2014 г.

Источники: [19; 23].

вой поток китайских инвестиций за рубеж достиг 116 млрд долл. – примерно столько же, сколько ПИИ было привлечено Китаем [36]. Большая часть китайских инвестиций, осуществленных за рубежом, приходится на государственные компании, особенно такие ТНК, как CNPC (China National Petroleum Corporation), Sinopec (China Petroleum & Chemical Corporation), CIC (China Investment Corporation) и Chinalco (Aluminium Corporation of China). Однако доля частных компаний, инвестирующих за рубежом, растет.

Можно выделить несколько направлений инвестирования Китаем за рубежом:

- получение доступа к современным технологиям (инвестиции в развитые страны);
- возможность эксплуатации месторождений полезных ископаемых, дефицитных для Китая (инвестиции в нефтедобывающие страны, в страны, обладающие крупными запасами руд, и т.п.);
- упрощение доступа на рынки сбыта стран-внешнеэкономических партнеров;
- возможность использования более дешевой рабочей силы (например, в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА)).

Официальная статистика не позволяет судить о реальной географической структуре накопленных за рубежом китайских инвестиций (рис. 3), поскольку около 70% приходит-

ся на оффшорные территории, которые перераспределяют ПИИ из Китая. В действительности все большее значение Китай придает развитым странам.

Анализ показателей, отражающих место Китая в мировой экономике, показывает существенные изменения в его позициях – динамичный рост как объемов, так и доли в мировых показателях ВВП, промышленного производства, внешней торговли, ПИИ. Ключевое значение имеет рост промышленного производства – именно благодаря превращению Китая в «мировую фабрику», возможностям концентрации производства, расширению рынков сбыта, снижению издержек на производство увеличились показатели внешнеторгового оборота. Возможности производства продукции с низкими издержками и потенциал китайского потребительского рынка привлекают иностранных инвесторов. Таким образом, обеспечивается рост ВВП.

«Мировая фабрика» навсегда? Низкая стоимость рабочей силы обеспечивала Китаю преимущества в выпуске трудоемкой продукции. Постоянный рост заработной платы ведет к постепенной потере сравнительных преимуществ в производстве несложной трудоемкой продукции с невысокой добавленной стоимостью [15]. В 2001–2014 гг. ежегодный рост заработной платы в КНР составлял 12% [23], и даже в 2016 г. на фоне замедления темпов роста ВВП планируется, что она вырастет на 5–6%.

Одним из главных конкурентов Китая по обеспеченности дешевыми трудовыми ресурсами является Индия. Минимальная зарплата в Индии в 4 раза, а среднемесячная в 3 раза ниже, чем в Китае [26]. Однако Индия и КНР занимают разные ниши в международном разделении труда. В Китае сконцентрированы трудоемкие стадии производственных процессов, которые ориентированы на использование соответствующих качеств трудовых ресурсов, Индия же специализируется, прежде всего, на производстве программного обеспечения, а также аутсорсинге, услугах, связанных с владением английским языком: call-центры и т.п.

Еще одним конкурентом Китая в отношении низкой стоимости труда является регион ЮВА. Так, в среднем китайский рабочий получает 27,5 долл. в час, а в Индонезии – 8,6 долл., во Вьетнаме – 6,7 долл. [31]. Это обусловило тенденцию к переносу некоторых трудоемких производств из Китая в страны ЮВА, в первую очередь одежды. Так, например, в 2014 г. европейский ритейлер H&M перенес подразделение по производству свитеров из Китая в пригороды Янгона в Мьянме, где 24 часа в сутки работницы пришивают рукава на швейных машинках, китайские же рабочие уже не готовы заниматься такой работой. Более сложные производства, в частности, сборка электроники, начинают перемещаться в такие страны, как Вьетнам, Таиланд и Индонезия. Однако, все страны АСЕАН с общим населением 630 млн чел. могут взять на себя лишь часть производственных функций КНР при условии тесной интеграции.

На фоне потери сравнительных преимуществ, связанных с дешевой рабочей силой, для Китая в целом, следует учитывать дифференциацию в оплате труда в разных регионах страны. Средняя зарплата во внутренних районах КНР существенно отстает от показателей приморских провинций. Преобладающую часть мигрантов составляют жители сельской местности внутренних районов Китая, устремляющиеся в приморские города в поисках работы. Число мигрантов в Китае на апрель 2015 г. оценивается примерно в 274 млн чел. [18]. Ограничителем потоков мигрантов пока еще является система «хукоу» (прописка, ограничивающая права рабочих из деревни в сравнении с горожанами), однако действие ее лимитируется, пла-

нируется ее полная отмена, что может еще больше увеличить число мигрантов.

Крупные ТНК уже начинают создавать производственные мощности во внутренних районах Китая, используя преимущества в стоимости рабочей силы, уровне земельной ренты, налоговые преференции. Так, тайваньская компания Foxconn, на предприятиях которой в КНР занято свыше 1 млн чел., переносит свое производство из приморского Шэньчжэня в пров. Хэнань, Сычуань, и одну из самых бедных – Гуйчжоу. Компания Hewlett-Packard – из Шанхая в Чунцин.

Несмотря на это, Китай может сохранить свои позиции в мировой экономике. Этому способствует наличие налаженных связей с зарубежными партнерами, возможности транспортировки продукции (крупные морские порты), сформировавшиеся промышленные кластеры, особенно в приморских районах. Более устойчивыми позиции Китая в мировой экономике будут при условии его продвижения вверх по звеньям цепочек добавленной стоимости, более широкого использования аутсорсинга, перехода к производству продукции с более высокой добавленной стоимостью. Это может стать особенно эффективным, если роль «мировой фабрики» будет играть КНР и ЮВА, чему способствует формирование зоны свободной торговли «АСЕАН плюс 3».

Выводы. Место стран-гигантов в мировом хозяйстве – важное направление географического исследования, поскольку именно эти страны определяют многие процессы в мировой экономике, в первую очередь, благодаря доминированию по количественным показателям. Особый интерес представляет изучение Китая как страны, достигшей лидирующих позиций в мире. В отличие от многих государств руководству Китая удалось создать оптимальную систему перевода страны в лоно мирового хозяйства и получить дивиденды от снижения издержек, благодаря возможностям концентрации производства и расширению рынков сбыта за пределы государственных границ.

За годы реформ КНР по абсолютным экономическим показателям вышла в глобальные лидеры. Она занимает первое место по ВВП по ППС, производству многих видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. Китай создал свои крупные ком-

пании и бренды и выводит их продукцию на мировой рынок. За годы реформ страна превратилась в крупнейшую внешнеторговую державу, вышла в лидеры по торговле огромным количеством товаров, на целом ряде рынков стала ведущим игроком и даже монополистом. В то же время, велика зависимость от импорта, особенно сырья и энергоресурсов, поэтому, понимая свою уязвимость, Китай стремится диверсифицировать их поставки. Китай превратился в важного игрока на рынке иностранных инвестиций, но если в начале реформ он был чистым получателем ПИИ, то в настоящее время ввоз и вывоз ПИИ почти сравнялись.

В итоге КНР как страна в целом стала частью Полупериферии мирового хозяйства, тем самым существенно изменив пространственную структуру мировой экономики. Если рассматривать Китай с учетом региональных различий, приморская часть (особенно крупнейшие городские агломерации и мегалополисы Бохайского залива и дельт Янцзы и Чжуцзяна) находятся на пути к Центру, в то время как почти весь осталь-

ной Китай еще находится в Полупериферии, а некоторые отсталые внутренние районы пребывают пока в зоне Периферии. С учетом исторической перспективы можно говорить о возвращении Китаем былых позиций в мировой экономике, потерянных в XIX в.

Постепенно идет усложнение функций Китая в мировом хозяйстве: если с начала 1980-х годов страна стала «мировой фабрикой» по производству трудозатратной продукции, специализируясь на выполнении заказов зарубежных компаний и производстве продукции зарубежных брендов, то теперь, продолжая эту деятельность, расширяется выпуск высокотехнологичной продукции с более высокой добавленной стоимостью.

Несмотря на рост стоимости трудовых ресурсов, Китай в ближайшей перспективе в определенной степени сохранит свои конкурентные преимущества при производстве промышленной продукции с учетом возможностей формирования цепочек добавленной стоимости с участием стран ЮВА и переноса производственных мощностей во внутренние районы страны.

Библиографический список

1. Алисов Н.В., Хорев Б.С. Экономическая и социальная география мира (общий обзор): учебник для вузов. М.: Гардарики, 2000. 704 с.
2. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М.: Форум, 2009. 560 с.
3. География мирового хозяйства: учебник / Отв. ред. Н.С. Мироненко. М.: Трэвел Медиа Интернэшнл, 2012. 352 с.
4. Гитер Б.А., Гречко Е.А., Колосов В.А., Мироненко К.В., Пилька М.Э., Самбунова Е.Н., Слук Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Основные направления исследований по географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 6. С. 3–11.
5. Карпов М.В. Замкнутый круг «китайского чуда». М.; СПб.: Нестор–История, 2014. 292 с.
6. Китай на новом этапе экономической реформы / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ЛЕНАНД, 2016. 304 с.
7. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбунова Е.Н., Слук Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 1. С. 3–15.
8. Кондратьев В.Б. Отрасли и сектора глобальной экономики: особенности и тенденции развития. М.: Международные отношения, 2015. 448 с.
9. Портяков В.Я. Китай на пути в мировое хозяйство: проблемы и поиски // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 2. С. 56–66.
10. Портяков В.Я. Особенности развития экономики Шэньчжэня в условиях модификации модели роста в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 75–82.
11. Портяков В.Я. Экономические реформы в Китае (1979–1999 гг.). М.: ИДВ, 2002. 178 с.
12. Самбунова Е.Н. Китай и мировое хозяйство: проблемы взаимодействия // Глобальная социально-экономическая география. Сб. науч. тр. памяти Н.В. Алисова / Под ред. Н.А. Слук. М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 181–192.
13. Самбунова Е.Н. Сохранит ли Китай конкурентные преимущества своей экономики? // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9. С. 16–22.
14. Самбунова Е.Н., Медведева А.А. Китай. М.: Мысль, 1991. 162 с.
15. Самбунова Е.Н., Мироненко К.В. Китай в мировом хозяйстве: пути взаимодействия // География мирового развития: Вып. 3: сб. науч. тр. / Под ред. Л.М. Синцера. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 422–434.
16. Самбунова Е.Н., Слук Н.А., Сюэ Л. КНР на пути к урбанистической революции // Региональные исследования. 2009. №2 (23). С. 51–58.
17. Хохлов А.В. Справочные материалы по географии мирового хозяйства 2015: Вып. 2. URL: <http://www.vlant-consult.ru/projects/materials>.

18. Число трудовых мигрантов в Китае выросло до 274 млн человек // Южный Китай. 30.04.2015. URL: <http://south-insight.com/node/1578>
 19. Чжунго тунцзи няньцзянь 2006 [Статистический ежегодник Китая 2006]. Пекин, 2007. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2006/indexch.htm>
 20. Чжунго тунцзи няньцзянь 2009 [Статистический ежегодник Китая 2009]. Пекин, 2010. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2009/indexch.htm>
 21. Чжунго тунцзи няньцзянь 2012 [Статистический ежегодник Китая 2012]. Пекин, 2013. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2012/indexch.htm>
 22. Чжунго тунцзи няньцзянь 2014 [Статистический ежегодник Китая 2014]. Пекин, 2015. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexch.htm>
 23. Чжунго тунцзи няньцзянь 2015 [Статистический ежегодник Китая 2015]. Пекин, 2016. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm>
 24. China // The World Fact Book / CIA. - URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/ch.html>
 25. China's Foreign Trade. Beijing, 2011. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474983043184.htm
 26. Devonshire-Ellis Ch. Wage Comparisons and Trade Flows Between China, ASEAN and India / China Briefing. 04.02.2015. URL: <http://www.china-briefing.com/news/2015/02/04/wage-comparisons-trade-flows-china-asean-india.html>
 27. Exports Value by Category of Commodities (SITC) / National Bureau of Statistics of China. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>
 28. GDP – Real growth rate // Country comparison / CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/rankorder/2003rank.html>
 29. GDP, PPP (current international \$) / World Bank, International Comparison Program database. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?>
 30. International Trade Statistics 2015 / WTO. Geneva, 2015. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statistics_e/its2015_e/its2015_e.pdf
 31. Jia X., Yan G. A Tightening Grip // The Economist. 14.03.2015. URL: <http://www.economist.com/news/briefing/21646180-rising-chinese-wages-will-only-strengthen-asias-hold-manufacturing-tightening-grip>
 32. Krugman P.R. Increasing returns and economic geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99. N 3. P. 483–499.
 33. Lardy N.R. China in the World Economy. Washington: Institute for International Economics, 1994. 156 p.
 34. Lardy N.R. Integrating China into the Global Economy. Washington: Brookings Institution Press, 2002. 244 p.
 35. Maddison A. Historical Statistics of the World Economy: 1–2008 AD / University of Groningen, 2010. URL: <http://www.ggdc.net/maddison/oriindex.htm>
 36. Riding the Silk Road: China sees outbound investment boom : Outlook for China's outward foreign direct investment / Global Markets – EY Knowledge. 2015. March. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-china-outbound-investment-report-en/\\$FILE/ey-china-outbound-investment-report-en.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-china-outbound-investment-report-en/$FILE/ey-china-outbound-investment-report-en.pdf)
 37. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2014 National Economic and Social Development / National Bureau of Statistics of China. 26.02.2015. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201502/t20150228_687439.html
 38. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2015 National Economic and Social Development / National Bureau of Statistics of China. 29.02.2016. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201602/t20160229_1324019.html
 39. United States // The World Fact Book / CIA. - URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/us.html>
 40. Wei H., Zhao Ch.M. The Structure of China's Imports: A New Framework // China & World Economy. 2015. January–February. Vol. 23. Is. 5. P. 85–103.
 41. World Economic Outlook database / IMF. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/download.aspx>
 42. Xing Y.Q., Detert N. How the iPhone Widens the United States Trade Deficit with the People's Republic of China: ADBI Working Paper Series. No. 257. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2010. URL: <http://www.adbi.org/sites/default/files/publication/156112/adbi-wp257.pdf>
 43. Zhou Y.X., Song L.G. International Trade and R&D Investment: Evidence from Chinese Manufacturing Firms // China & World Economy. 2016. January–February. Vol. 24. Is. 1. P. 63–84.
-
-

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 001.89

Слука Н.А. (Москва)

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЕ ГЕОГРАФИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Sluka N.A.

A QUARTER OF A CENTURY TO THE NATIONAL SCHOOL OF WORLD ECONOMY GEOGRAPHY IN MOSCOW STATE UNIVERSITY

***Аннотация.** Статья посвящена становлению отечественной школы географии мирового хозяйства Московского университета. Выделяются основные этапы ее формирования за последний 25-летний период, дается эволюционная характеристика кадрового состава, анализируются главные достижения и проблемы. Отмечается особый вклад в развитие школы профессоров Н.В. Алисова и Н.С. Мироненко. С использованием библиометрического подхода характеризуются ключевые учебно-научные направления деятельности кафедры географии мирового хозяйства, намечен ряд перспективных исследовательских задач.*

***Abstract.** The article is devoted to the development of national school of world economy geography in Moscow State University. Main stages of the development over the last 25 years are highlighted, the evolution of personnel is characterized, main achievements and problems are shown. A special contribution of professors N. Alisov and N. Mironenko to the development of the school is marked. Using a bibliometric approach the key educational and scientific activities of the Department of world economy are described, a number of new research problems are identified.*

***Ключевые слова:** география мирового хозяйства, кафедра, географический факультет, Московский университет, этапы развития, результаты, проблемы, задачи.*

***Keywords:** Geography of World Economy, Department, Faculty of Geography, Moscow State University, Stages of Development, Results, Problems, Tasks.*

Введение и постановка проблемы. В ноябре 2016 г. на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова будет отмечаться 25-летие кафедры географии мирового хозяйства – единственного и уникального по учебно-научному профилю в России подразделения, ориентированного на изучение динамично меняющегося глобального экономического пространства. Кафедра молода и одновременно имеет большую историю. Ее «гносеологические корни» тесно связаны с созданием в Московском университете в 1929 г. Н.Н. Баранским кафедры экономической географии и последующим ее разделением по страноведческим направлениям [1; 49]. Абстрагируясь от

весьма сложной истории структурных преобразований на географическом факультете, можно констатировать, что подразделение-юбиляр является непосредственным правопреемником кафедры экономической географии зарубежных социалистических стран, существовавшей с 1959 г.¹ В результате кардинальных общественно-политических пертурбаций в мире и распада «лагеря социалистических стран» в конце 1980-х годов для кафедры остро встал вопрос выбора новой платформы научно-исследовательской и учебной деятельности. По сути, перед коллективом возникла проблема не просто «смены вывески», а проблема выживания. Предлагались многие варианты модернизации

¹ Ее поочередно возглавляли: доцент И.Х. Овдиенко – крупный востоковед (1959–1968 гг.), академик О.Т. Богомолов – известный экономист-международник и общественный деятель (1969–1978 гг.), профессор Н.В. Алисов (1979–1991 гг.) [14].

ции². В ходе бурных дискуссий был достигнут относительный консенсус. Выбор пал на принципиально новый исследовательский полигон – мировое хозяйство. Хотя, многим предлагалось включить в «сферу интересов» и народонаселение с потенциальным выходом на изучение не только чисто количественных демографических характеристик, но и качественных в виде человеческого капитала. Сторонником этого выступал Н.В. Алисов и еще ряд коллег. Но в условиях сжатых сроков в решении организационных вопросов как всегда «человека забыли...!» Датой новообразования, согласно решению Ученого Совета Московского университета, считается 25 февраля 1991 г.; через три месяца, 29 мая ректором МГУ был подписан приказ о структуре географического факультета МГУ, в котором значилось новое название кафедры [19, с. 11].

Цель статьи – накануне четвертьвекового юбилея школы географии мирового хозяйства в Московском университете выявить основные исторические вехи и проблемы ее формирования.

Материалы и методы исследований. Информационной базой исследования служат сольные и коллективные научные и учебные труды кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова. Работа строится с применением преимущественно общенаучных методов, таких как анализ и синтез; а также библиометрического подхода.

Результаты исследований и их обсуждение. Периодизация и наработки отечественной школы географии мирового хозяйства Московского университета тесно связаны с именами лидеров – ученых-генераторов и организаторов. Знаменательно, что четвертьвековой юбилей кафедры совпадает с 95-летием со дня рождения ее основателя – Заслуженного профессора МГУ Н.В. Алисова (1921–2001) и 75-летием его преемника, многолетнего заведующего подразделением – Заслуженного профессора МГУ Н.С. Мироненко (1941–2014). Таланты и достижения ученых получили должное освеще-

ние в фундаментальных трудах их учеников и последователей [18; 19; 32; 44].

Первый этап становления отечественной школы географии мирового хозяйства замыкается рамками 1990-х годов, является, по сути, поисковым. На момент получения нового и звучного названия – «география мирового хозяйства» – кафедра реально располагала весьма скромным кругом наработок по отраслевой географии и страноведческому направлению преимущественно по Восточной Европе, традиционной и уникальной в стране школе географического Китаеведения. Вот, пожалуй, и все. С учетом этого, а также в условиях ограниченности людских и иных ресурсов роста, масштабное переключение на глобалистскую тематику давалось не просто и долго. Переход практически с «нулевого уровня» до общепланетарного охвата, перестройка всей концептуальной и содержательной части учебно-научного процесса потребовали почти целое десятилетие; он происходил с большими проблемами и кадровыми потерями. По возрасту кафедре покинули ведущий в стране полонист-доцент, к.г.н. Ю.В. Илинич, промышленник и румыновед старший научный сотрудник, к.г.н. А.Ю. Круковский. Ушел на повышение в Институт экономики РАН доцент, к.г.н. Л.Б. Вардомский, эмигрировал в США научный сотрудник, к.г.н. А.А. Кутузов; перешли на работу в другие организации младшие научные сотрудники, к.г.н. А.В. Петров и С.Л. Матъцин и т.д. Единственное, пожалуй, серьезное «приобретение» в этот период – трудоустройство на должность доцента, к.э.н., а ныне профессора, д.г.н. А.Ю. Александровой.

Тем не менее, в сложных условиях руководству новой кафедры удалось сохранить интеллектуальное ядро, не только довести до ума многие результаты в рамках чисто страноведческих исследований, например [27], но и приумножить идейный багаж, заложить новые направления исследований (например, география международного туризма). На самом начальном этапе освоения глобальной тематики, пока коллеги размышляли о возможных перспективах и собира-

² Один из них – «узкий», чисто страноведческий, вбирающий все лучшее из прошлого и предполагающий развитие пласта имеющихся наработок по государствам ныне Восточной Европы, Кубе и Китаю; т.е., по сути, традиционалистский, «географически сборочный». Второй вариант – «региональный», с акцентом на изучении и подготовке специалистов исключительно по странам Центрально-Восточной Европы и потенциально СНГ. Третий – «широкий» вариант, предложенный Н.В. Алисовым, – географическое исследование глобального мира.

ли первичную статистику по глобальным темам, лидерские качества проявил профессор Н.В. Алисов. Он четко сформулировал объект, предмет и основные задачи географического исследования мирового хозяйства [12]; создал учебную программу [5; 13]; подготовил и много лет читал авторский курс лекций «География мирового хозяйства»; разработал методологические основы исследования отдельных отраслей и сфер глобальной экономики. Их емкая характеристика дана в целом сериале публикаций. При этом в географическом анализе, помимо столь близких по изначальной специализации классических отраслей промышленности, профессор особый интерес уделял инновационным и географически практически неосвоенным на тот момент видам деятельности [3; 4; 6–10 и др.]. Все эти труды составили первичный научный фундамент новой кафедры.

Второй этап – «развивательный» – период конца 1990-х – 2010-х годов – очень плодотворен, знаменателен ростом популярности новой школы географических знаний и реализацией инновационных идей. В это время колоссальный вклад в формирование направления внес профессор Н.С. Мироненко. На кафедру были привлечены новые специалисты из числа как выпускников географического факультета Московского университета, так и иных вузов: Е.В. Аигина, Е.А. Гречко, Ю.Ю. Ковалев, В.А. Колосов, Т.М. Красовская, К.В. Кружалин, Д.Л. Лопатников, К.В. Мироненко, В.И. Пилипенко, М.Ю. Сорокин, А.В. Федорченко, Н.В. Шабалина. В итоге образовался мощный пул сил генерирующих четыре основных научно-образовательных направления: «страноведение» с историческим ядром в виде географического китаеведения, «геополитика и политическая география», «рекреационная география и туризм»³ при закономерной центральности собственно «географии мирового хозяйства». На волне теоретизации и концептуального обоснования мирового пространственного развития в разных сферах кафедрой подробно разработаны и, что важно, внедрены

в учебный процесс многие новые положения, а каждое из направлений стало «закрывать» большим объемом печатной продукции.

Со временем широта темы исследований коллектива, подкрепленная амбициями персоналий при накоплении материалов и опыта междисциплинарного взаимодействия, реализовывалась в постоянном открытии все новых горизонтов познания, фактически фиксируемых в докторских диссертациях. «Первая ласточка» на этом пути – А.Ю. Александрова, защитившая в 2002 г. труд по теме «Территориальная организация социально-экономической системы международного туризма». В 2004 г. состоялась защита доцента, к.г.н. Д.Л. Лопатникова на тему «Эколого-географический анализ постиндустриальных тенденций в развитии мирового хозяйства», предложившего в дальнейшем концепцию «экологического перехода» [26]. В 2006 г. докторский подиум освоил к.г.н., старший научный сотрудник, а ныне профессор Н.А. Слука по теме «Современные геодемографические процессы в мировых городах». Он обеспечил принципиальную смену вектора и содержания «городских» исследований на кафедре – от канонов классической географии населения с созданием комплексных характеристик крупнейших центров планеты [37; 39; 42; 45; 46] к познанию города в мировой оболочке, как участника многих международных дел. На стыке изучения глобальной экономики и геоурбанистики им сформулирована градоцентрическая концепция пространственной организации мирового хозяйства [20; 21; 40; 41; 43; 52 и др.].

Особое завоевание Н.С. Мироненко – организация и выдача научных достижений коллектива в форме регулярного издания кафедральных научных сборников. Их история восходит к 1997 г., когда появился первый, скромный труд «География мирового хозяйства» [16]. В нем на базе идей А. Франка, Ф. Броделя, Н.Д. Кондратьева, А.Дж. Тойнби, Й. Шумпетера, И. Валлерстайна и др., раскрывается ряд фундаментальных вопросов: генезис и эволюция мирового хозяйства, механизм функционирования мирохозяйственной системы. Однако основ-

³ В данном плане отметим только два момента: 1) При кафедре активно действовало и пользовалось большой популярностью среди молодежи отделение «Международный туризм» в рамках платной образовательной программы специалитета «Региональная политика и международный туризм», открытой на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 1996 г.; 2) В 2004 г. кафедра географии мирового хозяйства на волне своих научных разработок и подготовки профильных специалистов «дала жизнь» еще одному подразделению географического факультета Московского университета – кафедре рекреационной географии и туризма.

ное внимание уделяется отдельным факторам и нюансам развития некоторых отраслей и сфер мирового хозяйства. Второе коллективное произведение аналогичного формата – «Пространственные структуры мирового хозяйства» [36], квинтэссенция которого заключается в стремительном росте роли географии мирового хозяйства как науки и обосновании его трехярусной «центр-периферической» структуры. Большое внимание уделяется исследованию пространственных экономических отношений между субъектами (странами, фирмами) мировой экономической системы, таким явлениям как транснационализация и глобализация. В дальнейшем, в 2000–2008 гг., в том числе в рамках выполнения научно-исследовательских работ по проектам РФФИ, под редакцией Н.С. Мироненко увидели свет еще пять сборников: «География инновационной сферы мирового хозяйства», «Конкурентоспособность в системе мирового хозяйства: пространственный анализ», «Направления географии мирового развития», «Проблемы геоконфликтологии» в двух томах и «Общественно-географические проблемы освоения пространства и ресурсов мирового океана» [15; 25; 31; 33; 35]. Заключительный аккорд в этом славном ряду – издание в 2011 г. уже под редакцией Н.А. Слуки сборника научных трудов памяти Н.В. Алисова «Глобальная социально-экономическая география» [19].

Под руководством Н.С. Мироненко была выстроена стройная система базового образования по специализации «география мирового хозяйства». Она и поныне опирается на пять основных блоков дисциплин: 1) вводные, 2) теоретические, 3) отраслевые и проблемные, 4) региональные, 5) вспомогательные⁴. Начиная с конца 1990-х годов, по инициативе доцента, к.г.н. Т.Х. Ткаченко активно действовала система учебных курсов с приглашением зарубежных лекторов из университетов и специализированных институтов Германии. На кафедре проводили занятия профессора из университетов Гейдельберга, Мангейма, Штутгарта (Р. Хан, С. Лентц, Й. Штадельбауэр, В. Гебе).

Она успешно дополнялась регулярными научными семинарами с привлечением крупных ученых из ведущих отечественных вузов и академических институтов (Институт мировой экономики и международных отношений РАН – Ю.В. Шишков, Е.С. Хесин, Институт экономики РАН – Р.С. Гринберг, Институт географии РАН – Б.Н. Зимин и многие другие). С 1995 г. кафедра совместно с лабораторией географии мирового развития Института географии РАН проводит ежегодный декабрьский семинар для молодых ученых «Новые точки роста географии мирового развития». Динамично развивался комплекс учебных и производственных практик и стажировок⁵ студентов в зарубежных вузах. В рамках учебно-ознакомительной практики студентов второго курса кафедры со временем сформировался вектор взаимодействия с Карловым университетом, Чехия (ответственные – старший научный сотрудник, к.г.н. Е.А. Гречко, младший научный сотрудник Б.А. Гитер). Ее российскую часть традиционно и успешно дополняли разнообразные маршруты, разработанные, как правило, тандемом доцентов, к.г.н. – Е.Н. Самбуровой и П.Ю. Фомичевым⁶. Инновационный подход способствовал росту престижности обучения на кафедре, традиционно отличавшейся на рубеже веков очень высоким конкурсом при поступлении и большими студенческими группами – до 25–28 человек.

Естественно, что в «развивательный» период кафедры, всегда считавшей образовательную функцию приоритетной, немало сил и средств вкладывалось в обеспечение учебного процесса необходимой литературой. И здесь «по комплексности проблематики» первенство уверенно удерживает Н.В. Алисов, венцом творчества которого заслуженно считается издание в соавторстве с Б.С. Хоревым в 2000 г. фундаментального учебника для вузов «Экономическая и социальная география мира (общий обзор)» [11]. На этом фоне особое место занимает учебное пособие для студентов вузов Н.С. Мироненко «Введение в географию мирового хозяйства:

⁴ Более полную информацию о составе блоков дисциплин можно почерпнуть на официальном сайте географического факультета МГУ, раздел «Кафедра географии мирового хозяйства. Учебный план» [54].

⁵ Изначально это были разовые контакты с университетами стран Восточной Европы, затем преимущественно – Германии. Чуть позже, на базе решения межправительственных кругов России и КНР, возникло звено ежегодных стажировок обучающихся во многих китайских университетах.

⁶ Отметим, что в юбилейный для кафедры 2016 г. впервые за многие годы удалось провести практику в «едином формате» – от Москвы до Владивостока с посещением КНР (ответственные – П.Ю. Фомичев, научный сотрудник К.В. Мироненко).

Международное разделение труда» [28]. В предметно-тематическом плане, согласно индексу цитирований РИНЦ, первенствует вышедший в самом начале 2000-х гг. учебник для вузов – Колосов В.А., Мироненко Н.С. «Геополитика и политическая география», востребованный широкой аудиторией и поныне [24]. Немалую популярность обрели многие монографические издания и учебные пособия по основным научно-образовательным направлениям кафедры [2; 22; 30; 34; 38; 47; 48; 50; 51 и др.].

Важно, что все разработанные кафедрой методологические, концептуальные и методические подходы применены в вышедшем в 2012 г. учебнике для вузов «География мирового хозяйства» [17]. В нем последовательно отражена логика формирования глобального хозяйства, превращения мира в единое экономическое целое – от теоретического обоснования до характеристики глобализирующихся отдельных отраслей – промышленности, сельского хозяйства, финансовой сферы. Особое внимание уделено исследованию новейших производств и энергетического комплекса – именно эти две сферы в первую очередь определяют сегодня расстановку «экономических» сил в мировом хозяйстве, основные сложившиеся пропорции в нем и будущие сдвиги. Не менее важно изучение мировой финансовой системы, которая выступает «флагманом» глобализации, но в то же время, при ее несбалансированном развитии, способна выступать мощным фактором дестабилизации не только национальных экономик, но и мировой.

В целом, в «развивательный» период на кафедре сложилась система знаний о географии мирового хозяйства, представленной подходом от общего к частному и воплощенной во многих авторских и коллективных произведениях. Научные статьи и идеи взаимосвязаны друг с другом и, как правило, расширяют и углубляют идеи предыдущих наработок. Поставленный перед кафедрой в свое время Н.С. Мироненко широкий спектр задач, многие из которых решаются и по сей день, сформировал своеобразные точки роста и в исследованиях, и в карьере сотрудников, аспирантов и студентов. Ценность созданных материалов заключается

еще и в том, что, несмотря на существенные изменения в мире за последние десятилетия, они остаются актуальными и в значительной степени отражают как многообразие процессов в мировом хозяйстве, так и вектор их географических исследований [16].

Третий этап – «зрелости» коллектива, но с вынужденной сменой лидерства и осуществления реноваций.

Увы, в реальной жизни ничего не бывает вечного... В 2014 г. из коллектива выбыли профессора Н.С. Мироненко и Э.Б. Валев (1921–2014). В силу ряда обстоятельств смена заведования отечественной школой географии мирового хозяйства оказалась неподготовленной. С 1 апреля 2015 г. руководством факультета бразды правления кафедрой возложены на профессора, д.г.н. В.А. Колосова, Президента Международного географического союза, вице-президента Русского географического общества, заведующего лабораторией геополитических исследований Института географии РАН. Ориентированный на западные стандарты, он привнес совершенно новый стиль менеджмента – полный уход от единоначалия, столь присущего Н.С. Мироненко, к демократии и плюрализму мнений. Получили живой отклик инновационные предложения сотрудников в самых различных сферах жизнедеятельности кафедры, но при соблюдении формулы: «инициирующий отвечает». Под его руководством в состав коллектива влились свежие людские ресурсы: научные сотрудники – к.г.н. Д.В. Заяц⁷ и выходец из НИУ ВШЭ, готовящая кандидатскую диссертацию Е.В. Михайлова. Предполагается, что они, вкупе со студентами и аспирантами, существенно усилят одно из тематических направлений кафедры – изучение глобальных геополитических процессов и политической географии.

Новейший этап в развитии отечественной школы географии мирового хозяйства тесно связан с решением ряда актуальных задач [23; 53]. Важнейший по значимости пласт задач сопряжен с предметным, углубленным и многоуровневым изучением, с одной стороны, процессов, структуры и функций глобальной экономики, характера и перспектив «мирохозяйственного перехода

⁷ Д.В. Заяц прекрасно зарекомендовал себя в качестве руководителя зимней экспедиции НСО кафедры, которая на подсекции «Экспедиционные исследования» XXIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2016» заняла почетное 4-ое место.

да» [29]. С другой стороны, вызывают к исследованию свойства, параметризация и строение экономического пространства мира, в том числе с использованием возможностей полимасштабного анализа и опорой на изучение сете-узловых структур. Остро стоит вопрос об углублении, совершенствовании понятийно-терминологического аппарата – как об уточнении содержания, адаптации и модернизации существующих понятий и терминов, так и выработке новых, наиболее точно отражающих исследовательскую специфику и содержание географии мирового хозяйства. Самостоятельное значение, с одной стороны, сохраняют многие «старые» задачи, включая, например, налаживание организации сбора, систематизации и первичного анализа информации⁸, модернизацию представлений об участии в международном разделении труда крупных национальных экономик, особенно стран-гигантов и т.п., а с другой – генерации новых поисковых направлений. В частности, требуют детального географического изучения современное переформатирование процессов глобализации и регионализации, историческое наложение «переходов» в мировой системе (демографического, урбанистического, геополитического, мирохозяйственного, экологического и др.), внезапно возникший феномен «закрытости территорий»; разработка новой проблемной области – корпоративной географии, и многие другие.

Вместо заключения. Вероятно, отчасти бессмысленно, хотя и назидательно потомкам, излагать этапы и проблемы деятельности коллектива, устремленного в будущее.

Многое достигнуто, но еще больше предстоит освоить. Главное, как представляется, кафедра доказала свою жизнестойкость и способность к саморазвитию. При этом особо привлекает не столько ее «внешняя», официальная, сколько «внутренняя» сторона. Завоеваниями коллектива, так исторически сложилось, были, есть и, надеемся, будут, не только авторитетность лидера, но и высочайший профессионализм сотрудников; органичное внутрикафедральное разделение труда; взаимоуважение и мягкий климат в коллективе, каждый член которого болеет за общее дело; атмосфера взаимопонимания и готовности «подставить плечо». Вероятно, во многом из-за этого сохраняются теплые и тесные связи с выпускниками. Многие из них добросовестно трудятся в престижных государственных и коммерческих структурах, российских и зарубежных университетах и вузах, международных исследовательских центрах и институтах РАН; занимают серьезные должности в отечественных и зарубежных компаниях. Ряд воспитанников коллектива совмещает основную работу с чтением спецкурсов лекций на кафедре (к.г.н. – В. Евсеев, Д. Гавриков, Т. Валькова) и проведением регулярных семинарских занятий⁹. Знания, привносимые практиками, вкупе с теоретической базой от штатных преподавателей неоценимы для молодого поколения географов-мирхозников, потребность в подготовке которых, как и 25 лет назад, очень высока. Это – самое весомое основание для дальнейшего и успешного развития отечественной школы географии мирового хозяйства Московского университета.

Библиографический список

1. Агирречу А.А. К юбилею экономико-географической школы МГУ им. М.В. Ломоносова // География в школе. 2009. № 8. С. 24–28.
2. Александрова А.Ю. Международный туризм. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2001. 464 с.
3. Алисов Н.В., Валькова Т.М. География всемирной компьютерной телекоммуникационной системы Интернет // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1997. № 6. С. 27–31.
4. Алисов Н.В., Гапоненко И.А. География мировой электронной промышленности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1994. № 4. С. 58–64.

⁸ На сегодняшний день существует немало источников данных о глобальной экономике. Однако далеко не все источники отличаются полнотой и сопоставимостью данных, в том числе приводимых на разные даты; немало из них грешат закрытостью или ограниченностью, существенно запаздывают с публикацией по времени. Более того, информация, предоставляемая в том числе многими международными организациями (ООН, Всемирный банк и др.), часто оказывается мало пригодной для целей не только географии мирового хозяйства, но и в целом для экономических и географических исследований.

⁹ В этом плане особо показателен пример первого выпуска кафедры географии мирового хозяйства. В рамках семинарских занятий на кафедре по курсу «Актуальные проблемы географии мирового хозяйства» уже не первый год активное участие принимают Н. Малашенко, Н. Нубарян, Е. Ветрова, а также выпускники иных групп – к.г.н. И. Попов; С. Ильин, Т. Кузина, А. Федорова и др.

5. Алисов Н.В. География мирового хозяйства. Программа курса / Университет им. Е.Р. Дашковой. М., 1994. 9 с.
6. Алисов Н.В. География мировой науки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1993. № 6. С. 7–15.
7. Алисов Н.В. География мировых финансов // География. 1999. № 15. С. 2–3.
8. Алисов Н.В. География промышленности минеральных удобрений мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1994. № 6. С. 24–32.
9. Алисов Н.В., Мазо Л.В. Биоиндустрия // География. 2000. № 11. С. 3–4.
10. Алисов Н.В. Мировая торговля услугами // География. 1999. № 13. С. 4–6.
11. Алисов Н.В., Хорев Б.С. Экономическая и социальная география мира (общий обзор). М.: Гардарики, 2000. 703 с.
12. Алисов Н.В. Цели, задачи, проблемы изучения географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1999. № 2. С. 3–8.
13. Алисов Н.В., Яценко Б.П., Гужин Г.С. Программа дисциплины «География мирового хозяйства» // Программы дисциплин по типовому учебному плану специальности 01.18. География. Для гос. университетов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 106–111.
14. Валев Э.Б., Слука А.Е. Полвека экономической географии зарубежных стран в Московском университете (история развития и современное состояние) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1985. № 1. С. 41–47.
15. География инновационной сферы мирового хозяйства / Под ред. Н.С. Мироненко. М.: Пресс-Соло, 2000. 384 с.
16. География мирового хозяйства / Под ред. Н.С. Мироненко. М.-Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. 272 с.
17. География мирового хозяйства: учебник для студентов высших учебных заведений / Ред. проф. Н.С. Мироненко. М.: Трэвэл Медиа Интернэшнл, 2012. 352 с.
18. Гитер Б.А., Гречко Е.А., Колосов В.А., Мироненко К.В., Пилька М.Э., Самбулова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Основные направления исследований по географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 6. С. 3–11.
19. Глобальная социально-экономическая география. Сб. научн. тр. памяти Н.В. Алисова / Под ред. Н.А. Слуки. М.-Смоленск: Ойкумена, 2011. 272 с.
20. Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО Аванглион, 2007. 243 с.
21. Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слуки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 448 с.
22. Гречко Е.А. Модели управления транснациональными корпорациями в условиях глобализации. М.: «КДУ», 2006. 154 с.
23. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбулова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 1. С. 3–15.
24. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
25. Конкурентоспособность в системе мирового хозяйства: пространственный анализ / Под ред. Н.С. Мироненко. М.: Пресс-Соло, 2002. 472 с.
26. Лопатников Д.Л. Экологический переход // Региональные исследования. 2013. № 3. С. 4–8.
27. Мироненко Н.С., Каринский С.С., Слука Н.А. Методика страноведческого исследования (Экономическая и социальная география) / Под ред. Н.С. Мироненко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 152 с.
28. Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства: Международное разделение труда. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2006. 309 с.
29. Мироненко Н.С., Гитер Б.А. Мирохозяйственный переход в начале XXI века: макротехнологические и пространственные трансформации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2013. № 2. С. 12–18.
30. Мироненко Н.С. Страноведение. Теория и методы. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 268 с.
31. Направления географии мирового развития / Под ред. Н.С. Мироненко. М.: «Типография г. Москвы», 2003. 152 с.
32. Николай Мироненко. Страницы жизни. Научные идеи и работы. Педагогическая деятельность. Воспоминания / Под ред. В.А. Колосова, Е.В. Милановой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. 352 с.
33. Общественно-географические проблемы освоения пространства и ресурсов мирового океана / Под ред. Н.С. Мироненко. М.: Аспект Пресс, 2008. 192 с.
34. Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. М.-Смоленск: Ойкумена, 2005. 496 с.
35. Проблемы геоконфликтологии. В 2 т. / Под ред. Н.С. Мироненко. М.: Пресс-Соло, 2004.
36. Пространственные структуры мирового хозяйства / Под ред. Н.С. Мироненко. М.: Пресс-Соло, 1999. 420 с.
37. Самбулова Е.Н., Синюгин О.А., Слука Н.А. Шанхай: Старый лидер нового Китая // География. 2002. № 20. С. 3–14; 19–20.
38. Слука А.Е., Слука Н.А. География населения с основами демографии: Учебно-метод. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 140 с.
39. Слука А.Е., Слука Н.А. Современная геодемография Большого Парижа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2002. № 6. С. 49–55.
40. Слука Н.А. Градоцентрический вектор в развитии мировой системы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2006. № 5. С. 1–11.
41. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005. 168 с.
42. Слука Н.А., Синюгин О.А. Большой Токио // География. 2004. № 19. С. 9–24; № 20, С. 11–22.

43. Слука Н.А., Ткаченко Т.Х. Глобальные города: особенности индустриального развития // Изменения в пространственной организации промышленности мира: вторая половина XX в. – начало XXI в. / Под ред. И.А. Родионовой. М.: Экон-Информ, 2009. С. 239–256.
 44. Слука Н.А., Ткаченко Т.Х. Познание общественного пространства: от рекреации к мировому развитию (памяти профессора Н.С. Мироненко) // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 160–168.
 45. Слука Н.А., Ткаченко Т.Х. Франкфурт-на-Майне – деловой центр Европы // География. 2003. № 27. С. 19–27.
 46. Слука Н.А. Урбанистическая панорама мира на пороге XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2000. № 2. С. 7–12.
 47. Слука Н.А. Геодемографические феномены глобальных городов. Смоленск: Ойкумена, 2009. 317 с.
 48. Сорокин М.Ю. Влияние глобальных и региональных кризисов на эволюцию мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2004. 176 с.
 49. Университетская география в современном мире / Под ред. А.С. Наумова. М.: ООО «Буки Веди», 2016. 282 с.
 50. Федорченко А.В. Современные тенденции территориальной организации промышленного производства. Учебное пособие. М.: Пресс-Соло, 2003. 176 с.
 51. Фомичев П.Ю. География мировой финансовой системы. Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 145 с.
 52. Грчић М., Слука Н. Глобални градови. Београд, 2006. 207 с.
 53. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбурова Е.Н., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Горизонти истраживања у области географије светске привреде (поводом 25-годишњице Катедре за географију светске привреде) // Гласник Herald. Vol. XX. Banja Luka. 2016. С. 3–23.
 54. Из истории создания географического факультета в Московском университете // Официальный сайт Географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, раздел. URL: <http://www.geogr.msu.ru/about/history> (дата обращения 30.07.2016).
-
-

НОВЫЕ КНИГИ

ЗНАКОВЫЙ ПУТЬ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ

Аннотация книги: Николай Мироненко. Страницы жизни. Научные идеи и работы. Педагогическая деятельность. Воспоминания / Под ред. В.А. Колосова, Е.В. Милановой. М.: Издательство Московского университета, 2015. 352 с.

Новое произведение предложено солидным коллективом авторов и раскрывает с разных сторон жизненный путь и творческие достижения многолетнего заведующего кафедрой географии мирового хозяйства Московского университета имени М.В. Ломоносова, профессора Николая Семеновича Мироненко (1941–2014), которому 5 сентября 2016 г. исполнилось бы 75 лет. Данная книга – не только биографическое, но и научное и педагогическое издание, в котором широко представлены различные научные идеи, а мнения и воззрения коллег профессора переплетаются с воспоминаниями близких и его учеников. Со страниц книги Н.С. Мироненко предстает как реальный человек, педагог и ученый, оставивший большое географическое наследие.

Первый раздел книги – «Этапы большого пути» – знакомит читателя с биографией и этапами профессиональной карьеры Н.С. Мироненко, превратившегося за несколько десятилетий из уроженца скромного села Придорожное Джанкойского района Крымской области СССР в настоящего лидера общественной географической науки Московского университета имени М.В. Ломоносова. Знаменательно, что подобное перевоплощение опирается как на личностные качества – врожденный талант исследователя, трудолюбие и упорство, так и наличие выдающихся учителей – профессоров И.Т. Твердохлебова (Н.В. Багров, А.Б. Швец) и И.М. Маергойза (П.М. Полян, А.И. Трейвиш). Большое влияние на формирование идейного багажа профессора оказали совместные исследования с сотрудниками кафедры экономической географии зарубежных социалистических стран (Л.Б. Вардомский), полевые практики

и разработка методики маршрутных наблюдений (В.Л. Бабурин, Б.А. Гитер) и многие иные обстоятельства. Вместе с тем, в тексте книги хорошо читается «зауживающий» спектр воздействия на развитие творческого потенциала личности многих рутинных, но важных, в том числе просветительских дел. Это и чистое администрирование – заведование кафедрой, отнимающая много времени и сил работа в экономико-географическом диссертационном совете при МГУ (А.И. Алексеев, А.А. Агирречу); и руководство Секцией географии Центрального дома ученых РАН (Д.Л. Лопатников).

Второй раздел книги именуется как «Приоритеты и достижения в научных исследованиях» и посвящен научному наследию Н.С. Мироненко. Общую глубину исследовательского взгляда и широту его научных интересов отражает краткий анализ во вводной статье раздела (Н.А. Слука, Т.Х. Ткаченко). Важно, что читатель получает возможность ознакомиться с определяющими статьями профессора в приоритетных для него направлениях исследований: рекреационной географии, страноведении, геополитике и экономике, географии мирового хозяйства. В книге представлены многие оригинальные, часто знаковые статьи Н.С. Мироненко: «Смена парадигм в рекреационной географии», «Страна в системе мирового хозяйства», «Мировое хозяйство и основные черты его пространственной структуры», «Мировозхозяйственный переход в начале XXI века: макротехнологические и пространственные трансформации». Они дают представление о широчайшем исследовательском поле, в котором работал Н.С. Мироненко, и одновременно являются «квинтэссенци-

ей» его научного наследия. С другой стороны, раздел дополнен изложением взглядов разных специалистов на современные проблемы рекреационной географии (Ю.А. Веденин, Э.М. Эльдаров), страноведения (В.Н. Калуцков), геополитики и геоэкономики (В.А. Колосов, А.В. Стрыгин, Э.Г. Кочетов), географии мирового хозяйства (Д.Л. Лопатников, Л.М. Синцеров). Они позволяют проследить путь Н.С. Мироненко в науке, который не теряя преемственности и продолжая разрабатывать идеи школ И.Т. Твердохлебова и И.М. Маергойза, сумел сформировать в Московском университете новую школу – школу географии мирового хозяйства. Результаты ее научных исследований опубликованы в ряде кафедральных сборников (Е.А. Гречко), во многих журналах (В.С. Тикунов), в учебнике «География мирового хозяйства» (2012).

Третья часть книги – «Воспоминания родственников, коллег, учеников», представляет не меньший интерес, поскольку характеризует крупного ученого через чисто межличностные отношения. В большинстве

случаев Н.С. Мироненко предстает как человек добрый, внимательный, любящий; готовый помочь и проявить дружеское участие в трудных обстоятельствах, оказать поддержку на тернистом научном пути (А.П. Горкин, А.Ю. Александрова, А.В. Федорченко). Мягко и демократично направляя своих учеников, уважая их интересы и свободу выбора, он давал огромный импульс к развитию, раскрывая уникальные способности каждого (Т.В. Зимакова, Т.Т. Христов). В книге представлены и размышления о столкновениях взглядов, интересов, личностных приоритетов в творческой биографии Н.С. Мироненко (А.В. Петров, Н.А. Слука).

Знакомство с изданием будет полезно не только специалистам в области экономической, социальной, политической и рекреационной географии, но и преподавателям, аспирантам, студентам. Книга дает географические, педагогические и чисто человеческие ориентиры. Она, без сомнения, найдет своего читателя среди тех, кому просто интересен опыт становления большого ученого и педагога.

Гречко Е.А., Слука Н.А.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бочкарев Антон Николаевич – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: a.n.bochkarev1991@gmail.com

Гречко Елена Александровна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: grechko-gmh@yandex.ru

Зайцева Наталия Александровна – доктор экономических наук, профессор кафедры гостиничного и туристического бизнеса факультета гостинично-ресторанной, туристической и спортивной индустрии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, г. Москва.
E-mail: zaitseva-itig@mail.ru

Заяц Дмитрий Викторович – кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры экономической и социальной географии Московского педагогического государственного университета.
E-mail: ethnogeo@mail.ru

Катровский Александр Петрович – доктор географических наук, научный руководитель Смоленского гуманитарного университета.
E-mail: alexkatrovsky@mail.ru

Кириллов Павел Линардович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: linard@mail.ru

Ковалев Юрий Павлович – кандидат географических наук, доцент кафедры географии и туризма Смоленского гуманитарного университета.
E-mail: ykovalev56@gmail.com

Колосов Владимир Александрович – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований Института географии РАН, заведующий кафедрой географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: vladimirkolossov@gmail.com

Корнеев Валентин Сергеевич – доктор географических наук, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Института рекреации, туризма и физической культуры Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград.
E-mail: Vkorneevets@kantiana.ru

Кропинова Елена Геннадиевна – кандидат экономических наук, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Института рекреации, туризма и физической культуры Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград.
E-mail: EKropinova@kantiana.ru

Кузнецова Татьяна Юрьевна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития Института природопользования, территориального развития и градостроительства Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград.
E-mail: tikuznetsova@gmail.com

Лопатников Дмитрий Леонидович – доктор географических наук, профессор кафедры управления развитием территорий и регионалистики НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва.
E-mail: imartos@mail.ru

Мажар Лариса Юрьевна – доктор географических наук, профессор кафедры географии и туризма Смоленского гуманитарного университета.
E-mail: lmazhar@shu.ru

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: almah@mail.ru

Михайлова Екатерина Владимировна – научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: mikhaylovaev@yandex.ru

Мироненко Ксения Владимировна – научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: kenimzurya@yandex.ru

Мядзелец Анастасия Викторовна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии имени В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск.
E-mail: anastasia@irigs.irk.ru

Окунев Игорь Юрьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, заместитель декана по научной работе факультета политологии МГИМО МИД России, г. Москва.
E-mail: iokunev@mgimo.ru

Орлова Инна Владимировна – кандидат географических наук, научный сотрудник Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул.
E-mail: inna_orlova11@mail.ru

Пилька Мартин Эдуардович – аспирант кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: martinpilka92@gmail.com

Ридевский Геннадий Владимирович – кандидат географических наук, заведующий Могилёвским региональным центром социально-экономических исследований ГНУ «НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь».
E-mail: ridgeo@yandex.ru

Розанова Нина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления факультета экономики и управления Смоленского государственного университета.
E-mail: roznina@yandex.ru

Самбунова Елена Николаевна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: esamburova@yandex.ru

Сафонов Сергей Александрович – аспирант кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: jinet@mail.ru

Семенова Людмила Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Института рекреации, туризма и физической культуры Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград.
E-mail: LSemenova@kantiana.ru

Сергутина Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник НИИ региональных исследований Смоленского гуманитарного университета.

Слука Николай Александрович – доктор географических наук, профессор кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: sluka2011@yandex.ru

Ткаченко Александр Андреевич – доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии и территориального планирования факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета.
E-mail: at.tver@mail.ru

Ткаченко Татьяна Хаимовна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: maryasha_t@mail.ru

Федорченко Александр Викторович – кандидат географических наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: alidrisi@mail.ru

Фомичев Павел Юрьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: fomitr@mail.ru

Фомкина Александра Андреевна – аспирантка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: alpresents@mail.ru

Черкашин Александр Константинович – доктор географических наук, заведующий лабораторией теоретической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск.
E-mail: cherk@mail.icc.ru

Шеломенцева Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры экономики и финансов Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
E-mail: MVSHelomentseva@fa.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 4 раза в год, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует научные статьи по методологии, теории, методике и практике региональных исследований в России и за рубежом. Статьи, принимаемые к публикации в журнале, должны, как правило, излагать наиболее существенные, законченные и еще не опубликованные результаты научных исследований.

При публикации предпочтение отдается следующей тематике статей: региональный анализ, региональная диагностика, региональное развитие, региональная политика, экономическая, социальная, культурная, политическая и рекреационная география, региональная и странственная экономика, региональная социология, политическая регионалистика, а также обзоры литературы и рецензии, информация о проведенных значимых научных мероприятиях по проблемам социально-экономической географии и региональных наук.

Редакция просит авторов при подготовке статей руководствоваться изложенными ниже правилами. Статьи, оформленные без их соблюдения, будут возвращаться авторам без рассмотрения по существу.

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.; текст – без использования знаков переноса)
- объем материалов как правило не должен превышать 0,75 авторского листа (30 тыс. знаков)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.pdf., *.tif., *.jpg., *.psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- статьи должны быть структурированы. Рекомендуемая стандартная рубрикация разделов: введение и постановка проблемы; обзор ранее выполненных исследований; полученные результаты и их обсуждение; выводы
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения об ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редколлегия